

Министерство высшего образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Н.А. Грик

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Учебное пособие для бакалавров

Томск - 2016

Социальное благополучие личности и общества. Учебное пособие для бакалавров / составитель профессор Н.А. Грик. – Томск: ТУСУР, 2016. – 106 с.

Учебное пособие посвящено слабо разработанной, но весьма актуальной проблеме социального благосостояния населения. Для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работа».

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Понятие социального благополучия.....	5
Глава 2. Проблемы благополучия с социальных субъектов.....	8
2.1. Социальное благополучие на уровне общества.....	8
2.2. Помехи и индикаторы социального благополучия общества.....	10
2.3. Социальное благополучие групп.....	12
Глава 3. Социальное благополучие отдельного человека.....	13
Глава 4. Благополучная (гуманная) среда.....	17
Глава 5. Качество жизни в методологическом контексте.....	25
Глава 6. Современная Россия и социальное благополучие в контексте разных подходов.....	29
6.1. Исследования благополучия населения России: ракурс экономиста.....	29
6.2. Социальное благополучие россиян глазами Росстата.....	34
6.3. Оптимистический подход к проблемам социального благополучия россиян.....	36
6.4. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы.....	38
Глава 7. Региональные аспекты социального здоровья и социального благополучия.....	46
7.1. Статистическое исследование организации жизненного пространства населения региона.....	46
7.2. Государственная социальная политика сохранения социального здоровья молодежи: региональное измерение.....	48
7.3. Региональная специфика совершенствования человеческого потенциала и социального благополучия населения.....	52
7.4. Антропосоциетальный базис социального благополучия.....	54
Глава 8. Социальное здоровье общества.....	62
8.1. Междисциплинарное исследование социального здоровья.....	62
8.2. Социальная политика и социальное здоровье.....	69
8.3. Влияние социальной политики на положение отдельных групп Населения.....	73
Глава 9. Проблемы благополучия семьи и пожилых в современной России.....	75
9.1. Семейное благополучие в современной России: генезис и практика.....	75
9.2. Социальные факторы межличностного благополучия в семье.....	77
9.3. Социальное благополучие пенсионеров и устойчивость общества.....	85
Глава 10. Потребности и качество жизни в контексте социального Благополучия.....	93
10.1. Качество жизни: подходы к изучению и управлению.....	93
10.2. Потребности в контексте социального благополучия.....	97
Вместо заключения. Кризис не должен менять социальные приоритеты.....	102
Литература.....	105

Введение

Социальное благополучие понятие весьма широкое и в то же время весьма значимое в современном обществе. За рубежом эту проблему изучают социологи и психологи со второй половины XX века. В отечественной литературе социальное благополучие пока еще не стало актуальной темой исследования. Российские экономисты и философы, социологи только приступают к ее изучению. Между тем современная Россия так и не сумела осуществить социальную переориентацию своих экономических реформ. И это связано, прежде всего, с очень низкими и скрытыми зарплатами, обиранием населения всеми производителями услуг, от медицинских до школьных, монополистами на рынке.

Полное огосударствление, которое сегодня присутствует во многих сферах жизни россиян приводит, и продолжает приводить к деструктивной зависимости от него населения. При этом государство не только дезориентирует граждан, но и никак не поддерживает самозанятость и самообеспечение, что усиливает все более глубокую зависимость от экспорта продовольствия.

Данное учебное пособие представляет собой попытку на основе имеющихся публикаций в первом приближении обобщить проблему социального благополучия личности и общества в России. По нашему мнению, для изучения данной проблемы необходимо обязательно использовать исследования по социальной политике, социальной безопасности, социальному и гражданскому обществу, социальной защите и социальному обслуживанию, социальной безопасности в качестве синтезирующих материалов в содержании социального благополучия. Особенностью данного пособия является, то, что рассчитан на студента размышляющего, задумывающего над тем, почему благополучие человека и общества является столь хрупким и малодоступным значительной части россиян. И поскольку основу его составляют научные труды, то при его чтении от читателя потребуются интеллектуальные усилия. При подготовке учебного пособия были использованы труды российских ученых, давно и плодотворно занимающихся изучением социальной сферы современной России. Отметим, прежде всего, работы И.А. Григорьевой, В.Н. Келасьева и И.Л. Первой, которые первыми попытались исследовать социальное благополучие как цель социальной работы. При составлении учебного пособия, были также непосредственно использованы работы и других исследователей: А.Б. Берендеевой, Н.Н. Киреева, М.Б. Лига, Москвич А.С., Нам Дэ Хи, А.А. Николаева, А.В. Носковой, Е.А. Попова, Н.М. Римашевской, А.Б. Соколова, А.А. Тараданова, Н.А. Тихоновой, Фроловой, А.С. Якунина, А.П. Ястребовой.

Глава 1. Понятие социального благополучия [1]

В истории социальной мысли немногие понятия могут сравниться по степени интереса к ним ученых разных эпох, с такими понятиями как благо человека, общественное благо или благополучие общества.

Понятие «государство благосостояния/благоденствия/благополучия» представляет собой пару, объединяющую «государство» и «благополучие». Это понятие используется, в первую очередь, в англоязычных текстах, где достижение благополучия не обязательно связывается с государством, поскольку в англоамериканской культурной традиции принято мыслить, соединяя «благополучие» с другими механизмами его получения (*channels of welfare*) — занятостью, благотворительностью, гражданской активностью, семьей и т. п. «Огосударствление» этого понятия произошло в послевоенной Скандинавии, Швеции, с использованием понятия *welfarestate*. Огосударствление данного понятия в Германии относят к 1970-м, когда стало использоваться понятие *sozialstaat*.

Во франкоговорящей части Европы долго использовался термин *Vetat providence*, т.е. подчеркивался «государственно-ориентированный» характер данного явления. Однако нигде, кроме Швеции и Скандинавии в целом, которые решали задачи благополучия через заведомо высокие подоходные налоги, его достижение не связывалось напрямую с обязанностями государства. Устойчивая социальная структура Европы, наличие механизмов наследования, с одной стороны, и социального страхования, с другой, сохраняли важные противовесы вмешательству государства: семью, собственность, занятость и ориентацию на самостоятельное достижение благополучия. По мнению Ю. Хабермаса, европейские государства всеобщего благосостояния сегодня играют огромную роль в качестве образцов и моделей социального устройства. Особенно много значит их опыт «укрощения капитализма» [Ю. Хабермас].

Глобальная роль, которую завоевали США в последние десятилетия, привели к размыванию европейских ценностей и повсеместным попыткам американизировать благополучие. Но европейская и американская модели благополучия существенно различаются. Традиционная цель американского *welfare* — обеспечить нетрудоспособным, деклассированным и самым низкооплачиваемым из работающих (пауперам) приемлемое существование, чтобы обеспеченные классы могли не опасаться за свою жизнь и имущество.

Разумеется, социальное благополучие напрямую зависит от проводимой социальной политики.

Острейшим вопросом последних 20 с лишним лет в России остается вопрос о социальной переориентации экономических реформ. И это связано не столько с недостаточными тратами государства, сколько со скрытыми или очень низкими зарплатами, обиранием населения всеми производителями услуг, от медицинских до школьных и т. п.

В ходе реформ значительная часть населения в России потеряла не только работу, но и ориентиры и перспективы в жизни. Те же, кто занят собирательством ягод, грибов и проч., и живет рядом с дорогами, где можно продавать собранное, зачастую весьма экономически успешны. Но такой образ жизни и занятости вряд ли можно назвать нормальными в начале XXI века. И даже при наличии хорошего жилья и автомобиля, что не редкость, могут ли такие семьи не считаться социально исключенными, а их дети, выросшие в среде, где не нужно никакое образование, рассматриваться как будущее страны? Так преобладание государства в получении возможностей благополучия и приводило, и продолжает приводить к деструктивной зависимости от него и «обученной беспомощности» населения. При этом государство не только дезориентирует граждан, но и никак не поддерживает самозанятость и самообеспечение, в то время как страна попадает во все более глубокую продовольственную зависимость. В то же время понятно, что это нерациональный путь, сводящий все развитие к экспорту нефти и распределению полученных от него денег. Учитывая масштабы страны и наличие перенаселенных геополитических соседей, стоит более активно поддерживать проживание людей «в глубинке». Надежды на сценарий

энергосырьевого развития оказались чрезмерными, да они и никак не учитывали нужды населения, живущего за пределами «трубы».

В России идет деградация условий наемного труда, в результате чего за последние 15—20 лет занятость и трудовые доходы все больше обесцениваются в глазах российского населения. Зато из-за реально низкого уровня жизни и низкой заработной платы на многих рабочих местах, растет число постоянных клиентов социальных служб. Поэтому у нас в стране социальная работа поддерживает клиентов на индивидуальном уровне, но носит разрушительный характер по отношению к обществу и механизмам солидарности, и уж тем более не способствует активизации клиентов и интеграции общества. Современные авторы подчеркивают, что политика благополучия призвана смягчать «врожденные пороки» капитализма и рыночной экономики (которые принято называть «провалами государства или рынка»), уменьшать цену, которую индивиды, семьи, группы и сообщества должны платить за успехи капитализма, но в России пока это получается плохо. В Конвенции 117 МОТ также говорится о благосостоянии всего населения: «*Всякая политика должна прежде всего направляться на достижение благосостояния и развитие населения, а также на поощрение его стремления к социальному прогрессу... в качестве основной цели при планировании экономического развития*» [Конвенция об основных целях и нормах социальной политики № 117]. Однако нужно отметить, что международный законодатель в лице ООН и МОТ в последние десятилетия все время «сдвигался» в направлении акцента от благосостояния на развитие населения и параметры этого развития.

В настоящее время понятно, что направить экономическую политику нашей страны следует на те цели и задачи, к которым сейчас стремятся развитые страны. То **есть** нам нужно попасть не туда, где экономика развитых стран была вчера, а туда, где она собирается оказаться завтра. Для этого надо вкладываться в человека.

Даже либеральные экономисты давно поняли, что вложения в человека наиболее эффективны. «Производство богатства — это лишь средство поддержания жизни человек удовлетворения его потребностей и развития его сил — физических, умственных и нравственных. Но человек — главное средств производства этого богатства, и он же служит конечной целью богатства...» [А. Маршалл].

Понятие «развитие человека», которое является важнейшей компонентой «социального благополучия» выдвинули американские авторы Т. Шульц, Г. Беккер, Л. Туроу и др. Как экономисты, они сделали акцент на инвестициях в человеческий капитал, включающее расходы на:

- общее и профессиональное образование;
- здравоохранение;
- поиск информации;
- смену работы;
- воспитание детей и другие вложения.

Однако роль вложений в человека еще недостаточно отрефлексирована в современной России.

Отсутствие проработок целевой составляющей социальной политики, и, тем более, достигаемых через определенные периоды времени результатов, привело к отсутствию целостного подхода в социальной политике, многочисленным лоскутам и фрагментам, из которых состоит теперь социальная политика.

Конечно, только государство является социальным и политическим институтом, имеющим право и обязанность решать от имени народа и действовать в соответствии с так называемыми общими (общенародными, общегосударственными) интересами. Однако, пока эти общие интересы четко не отрефлексированы.

Многие озабочены высоким уровнем социальной напряженности в российском обществе, порождаемым не только собственным низким уровнем жизни населения, но и высоким уровнем неравенства доходов. О поляризации российского населения по уровню

доходов уже говорилось. Между тем, стремление к сокращению пропасти между бедными и богатыми - признак общества, стремящегося к благополучию.

Во многих работах благополучие сводится только к стабильности, которая, собственно говоря, и была препятствием для развития самих людей в послесталинский спокойный период советского времени. Однако уровень нестабильности, который мы наблюдаем сейчас, явно превышает адаптационные возможности российского социума и снова возвращает его на путь поиска порядка и стабильности, а не благополучия и развития.

Конечно, благополучие характеризуется сложной структурой и включает в себя такие составляющие, как качество жизни, обеспеченность жильем, продолжительность жизни, здоровье, образование, безопасность, справедливость, политическая свобода и гражданские права и ряд других. Не все из этих компонентов можно измерить, а многие из них не имеют под собой соответствующей базы данных.

Разумеется, социальная работа по своей сути ориентирована на достижение самых различных аспектов социального благополучия. В выполнении ею этой своей функции заинтересовано общество в целом: ведь только человек благополучный — гарант социального порядка и стабильности социальных институтов, развитие демократии.

Благополучие имеет как внешние (объективные) составляющие, так и внутренние (удовлетворенность человека процессом своего функционирования в обществе).

В последнее десятилетие умы ученых и практиков всего мира занимает проблема благополучия подрастающего поколения, его социальная защита и помощь [N. Gilbert]. Особое внимание уделяется тому, что парадигма защиты подрастающего поколения, доминировавшая в 1980-ых годах прошлого столетия, не соответствует реалиям сегодняшнего дня, поскольку игнорирует более широкое понимание параметров благополучия и требует соответствующих изменений [D.Lindsey & A. Shlonsky,]. В связи с этим появляются новые системы защиты и помощи, представляющие более дифференцированный и интегративный подход [J. Waldfogel] и использующие информационно-коммуникативные технологии, как в сборе и сохранении данных в процессе социальной работы, так и в адресном подходе к детям и подросткам при оказании услуг и предоставлении информации на сайтах Интернета.

В современном мире многие люди, в особенности дети и молодежь вплотную пользуются информационно-коммуникативными технологиями, находя их полезными, интерактивными, эгалитарными и развлекательными, как при поиске новых знаний, так и при обсуждении сложных проблем, когда анонимность и возможность контроля за интерактивностью помогает в преодолении застенчивости, проявлении искренности и откровенности¹. Безусловно, в использовании таких технологий как объектов, так и субъектов социальной работы поджидает череда рисков и сложностей.

Информационно-коммуникативные технологии важны для повышения качества жизни и такой социальной группы как пожилые. Они расширяют пространство их самореализации, позволяют устанавливать связи с другими людьми, избавляться от одиночества. Те пожилые, которые овладели этими технологиями, могут быть признаны в определенной мере более благополучными, чем те, которым это пока не удалось. Не случайно социальные службы уделяют сейчас такое внимание обучению пожилых пользованию информационно коммуникативными технологиями. По сути это повышает их шансы в достижении благополучия в современном мире.

Конечно, средства достижения благополучия очень разнообразны. Но в любом случае человек благополучный — это человек более защищенный, более автономный. Он менее нуждается в социальной защите, способен защитить себя и сам.

Смена модели защиты на модель благополучия в социальной работе подготавливает клиента к решению трудных жизненных ситуаций, расширяет возможности самопомощи. В этом случае социальная работа будет носить в большей степени профилактический, а не вспомогательный характер.

Мы уже говорили, что будем рассматривать благополучие с позиции структуры «Ч — Вэ — С», т. е. благополучия самих социальных субъектов, благополучие социальной среды, благополучия регуляторов взаимодействия субъектов со средой.

В контексте сказанного **социальное благополучие** - интегративная характеристика, отражающая такое взаимодействие социального субъекта, окружающей его среды и связывающих их регуляторов, которое *обеспечивает баланс или согласование интересов человека и общества, удовлетворении потребностей развития субъекта, достижения им желаемого социального статуса*. Мы исходим из того, что в современном обществе желаемый уровень благосостояния и признания может сильно различаться и приводить к разной степени удовлетворенности. Это естественно, так как объективные и субъективные показатели благополучия могут различаться.

Социальный субъект при этом может рассматриваться на *разных уровнях*: отдельного индивида, социальной группы, общества в целом. Будем при этом исходить из того, что деятельность социальных служб направлена на повышение благополучия как отдельных субъектов, так и социальных групп, между тем социальное благополучие на этих уровнях зависит от благополучия общества в целом. Если в обществе не сформулированы цели и перспективы развития, производственные/материальные основы его благосостояния базируются на примитивных технологиях, если оно характеризуется социальной напряженностью, нестабильностью, если в нем происходят различные конфликты, катастрофы и социальная политика сводится к реагированию по принципу «тушения пожаров», то это не может не сказываться на благополучии отдельного человека и социальных групп. В этом смысле благополучие отдельного человека — это отражение степени благополучия в обществе. В то же время человек-субъект является мощным фильтром, сопротивляющимся распаду социума.

Глава 2. Проблемы благополучия с социальных субъектов [1]

2.1. Социальное благополучие на уровне общества

В контексте выше сказанного, социальная работа должна рассматривать благополучие социальных субъектов на следующих уровнях:

- общества в целом;
- отдельных социальных групп;
- отдельного человека (конкретного клиента)

Едва ли российское общество сейчас может быть признано благополучным. Собственно, признание того, что наше общество неблагополучно прозвучало из уст российских лидеров: В.В. Путина, Д.А. Медведева: ими признано, что прежние стратегии развития общества, основанные на сырьевой экономике, привели к тупику и сейчас необходимо ускоренно переходить к инновационным моделям развития. Осознание кризиса пришло, но после того, как произошли первые социально-экономические провалы. Осознание необходимости ускоренного перехода к инновационному обществу стало ядром государственной политики, которое уже признают различные слои общества.

Однако одного признания и намерения - недостаточно. Возникает вопрос о том, какая социальная группа будет воплощать в жизнь эту модель ускоренного перехода к инновационному обществу. Эта идея должна иметь миллионы сторонников внутри самого общества, без поддержки которых она вряд ли сможет реализоваться. Государственный административно-бюрократический аппарат по своей сути не является инноваторским — он подчинен руководящим указаниям, выстроен иерархически и даже если имеет какие-то инициативы, то не может их опробовать самостоятельно, «без отмашки сверху».

Для реализации идеи перехода к инновационному обществу ставку придется делать на группу профессиональных инноваторов, к счастью еще не совсем уничтоженную и пока еще достаточно многочисленную. Однако для этого придется поднять ее престиж в обществе, ее социальный статус, сформировать запрос на ее потенциал со стороны общества и т.д. При этом следует учитывать, что в российском обществе инновации приживаются с

трудом. Задача непростая, но, тем не менее, уже имеются некоторые обнадеживающие действия со стороны власти (официальное признание роли науки, необходимости возвращения из-за границы наиболее перспективных ученых, более активное приобщение к науке молодежи и т.д.). На фоне осознания роли профессиональных социальных инноваторов (а это, прежде всего, ученые) нужны необходимые условия для реализации всех возможностей этой группы: если они будут продолжать находиться в не востребованном состоянии, будут заблокированы бюрократией, то никакой речи о переходе к инновационному обществу быть не может.

Развитие России осуществлялось в режиме «болтанки», по типу маятника: из одной крайности в другую на протяжении всей истории развития России. Так, например, на протяжении всего советского периода капиталистический тип общества категорически отвергался, а в настоящее время прилагаются всяческие усилия для его реализации и совершенствования. Религия после революции 1917 года считалась заблуждением, «опиумом» для народа, а в современной России она становится важным фактором общественной жизни — и все это на протяжении жизни только двух-трех поколений. Здесь много проблем, которые необходимо должным образом отразить. Главное, маятник приводит к разрушению доверия народа к власти, которая регулярно отрицает себя самое и свои подходы к управлению страной. А потеря доверия приводит к нравственному снижению общества и прочим социальным болезням.

Нельзя также считать, что благополучие общества напрямую зависит от уровня образованности его членов. Так, в современной России имеется большое число образованных людей, включая лиц с высшим образованием, но они характеризуются низким уровнем эффективности деятельности в различных сферах. Так, Н.Е. Тихонова изучала образование как часть социального капитала и выясняла степень его оборачиваемости. Оказалось, что образование у многих получено давно, квалификация не повышалась более 10 лет, место работы тоже неизменно. Понятно, что такое необорачиваемое образование не может работать как социальный капитал гражданина, даже если оно формально высокое. Также, чтобы члены общества обеспечивали его благополучие, важно еще учитывать характер применимости полученных ими знаний, соотношение личных и общественных мотивов, преобладающую направленность интересов людей, их инициативность, творческие качества, приобщенность к полноценной духовной культуре, менталитет людей. Именно здесь больше всего проблем в структуре российского общества. Здесь важно заметить следующее. Многие из членов общества используют полученные знания, умения в антиобщественных объединениях, типа криминальных групп, асоциальных организациях, ориентированы на ложные ценности, стяжательство и т.д. Закономерно возник острый дефицит компетентных руководителей в сфере крупных ведомств, министерств, различных органах управления, лидеров научных школ и т. п.

О социальном благополучии общества судят на основе результативности проводимой социальной политики. Несмотря на то, что в настоящее время накоплено достаточно большое число технологий оптимизации социальной политики, согласования интересов различных групп, их реализация наталкивается на некомпетентность различных ведомственных структур, отсутствие заинтересованности чиновников, инертность населения. Что касается инертности населения, то нельзя не сказать, что россияне издавна предрасположены искать причины собственного неблагополучия вовне: рок, судьба, обстоятельства, другие лица, система, общество — только не сам человек. Без изменения этих установок больших масс людей невозможно поднять социальное благополучие общества на качественно новый уровень.

В 1990-е годы подходы к социальной политике в России радикально изменились. Последствия реформ выразились в переориентации принципов социальной политики с корпоративных и, в какой-то мере меритократических, т. е. учитывающих трудовые и боевые заслуги, например, ветеранов, на более либеральные формы социальной поддержки. Правда, вопрос о степени либерализации весьма дискуссионный. Наверное, в этой ситуации

и представление о справедливости нужно было расширять. Однако необходимой работы по разъяснению особенностей новой политики сделано не было, поэтому многие до сих пор считают ее менее справедливой, чем социальная политика советского периода. Напомним, что сама модель современного общества, т.е. «общества среднего класса» базируется на необходимости консенсуса по поводу ряда общих ценностей. О необходимости полного консенсуса общества в модели «мы — советский народ», предлагавшейся в Конституции СССР 1977 года, и говорить не приходится.)

Безусловно, концепция социальной политики нужна. Ведь решение любых проблем России невозможно без широкого общественного согласия во взглядах на эти проблемы, на пути их преодоления и без определенного единства действий. Сейчас такого согласия и такого единства нет: на острейшие вопросы, которые ставит жизнь, нередко отвечают поразному, исходя из сиюминутных соображений, политических пристрастий и т. п.

«Оставив в стороне» анализ привычных типов неравенства, новая политика породила другие, не менее болезненные. При этом исследованиями различных аспектов социального исключения показано, что одно только выравнивание доходов не решает задачу «социального роста» низкостатусных социальных групп. Так, Нобелевский лауреат А. Сен в ряде работ доказывает, что доступ к образованию и увеличение доли образования в бюджетах государств способствуют как развитию человека, так и развитию общества.¹ Особенно важно развивать потребность в образовании и уважение к нему в странах-экспортерах сырья, где существуют как проблемы более справедливого распределения сырьевых доходов, так и изменения представлений населения о способах улучшения своей жизни. В число «более высоких» потребностей входит, в том числе, формирование мотивации и умения самостоятельно планировать жизнь. Согласимся, что социальная компетентность не является неизменным качеством в структуре личности человека, она способна развиваться, совершенствоваться или полностью исчезать при отсутствии стимула к ее проявлению, что и происходит со значительной частью российского населения, являясь индикатором его неблагополучия.

2.2. Помехи и индикаторы социального благополучия общества

Основными помехами являются:

- ориентация значительной части российских политиков да и населения страны преимущественно на потребительство, а не собственно качество жизни. Мы уже сформировали общество потребителей, ориентированных на удовлетворение все растущих материальных потребностей, но с очень низкой рациональностью жизни.

Скажем, большинство пожилых россиян снижают планку требований к себе, но повышают — к государству и окружающим. В то же время они не умеют правильно использовать досуг, рационально питаться, не поддерживают здоровье даже зарядкой по утрам. Подростки, молодые люди буквально как губка, впитывают в себя спектр вредных привычек и т.д. И возможности социального работника как профессионала по рациональной организации жизни, пропагандиста более высокой культуры весьма велики;

- отсутствие в понятийном аппарате дисциплин об обществе и человеке, самого концепта социального благополучия и невооруженность властных структур методами его достижения и поддержания;

- бюрократизация общественной жизни (Россия образно говоря, взята в плен армией чиновников, мало заботящихся о социальном благополучии людей);

- нестабильность и неустойчивость современной социальной среды, неподготовленность людей к социальным изменениям, когда значительная часть населения оказалась неспособной и незаинтересованной в серьезных переменах в собственной жизни, а предлагаемые «сверху» перемены стали вызывать активное отторжение (в нестабильной среде человек не может чувствовать себя благополучным).

- отсутствие масштабных социальных проектов, способствующих сплочению, единению нации. Атомизированность существования современного человека не преодолеть

без таких спланированных нацию проектов. Необходимость постановки амбиционных целей не нова, и во многом определяла успехи в развитии нашей страны в целом в предвоенные и первые послевоенные годы. Да и позднее этот принцип приводил к успеху в космической и военно-технической областях.

- закрытость информации о решениях по наиболее острым социальным проблемам; Постоянное и открытое обсуждение социальных проблем и вариантов развития с широкой общественностью позитивно сказалось бы на компетентности решений государства или, как минимум, на улучшении их восприятия населением.

- разрыв элитарных групп и основной массы населения, низкий уровень заработной платы у значительной части бюджетников;

- отсутствие адекватной социальной рефлексии социума, которая часто заменяется точками зрения властных элит, отдельных социальных групп, мало заботящихся об интересах общества как целого. Без такой адекватной социальной рефлексии невозможна рационализация общественной жизни, проектирование сценариев развития социума и т. д.;

- отсутствие условий для справедливой и честной конкуренции различных политических партий (без чего в обществе происходит стагнация и застой, о чем говорил, будучи Президентом, Д.А. Медведев)

Теперь перейдем к очень трудному вопросу об индикаторах благополучия. Индикаторы социального благополучия общества должны показывать, насколько эффективно современное государство выполняет одну из своих основных функций — функцию распределения ограниченных ресурсов на социальное развитие. Это, несомненно, более тонкий и адекватный инструмент по сравнению с макроэкономическими индикаторами, такими, как рост ВВП или уровень инфляции, на которые делает упор современная российская властная элита.

В ряде случаев индикатором социального благополучия общества выступает индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), разработанный ООН. ИРЧП рассчитывается как среднеарифметическая величина трех индексов: индекса ожидаемой продолжительности жизни при рождении, индекса уровня образования и индекса ВВП на душу населения по паритету покупательной способности.

В процедурах объективной оценки социального благополучия итоговый показатель выводится на основе статистической обработки набора отдельных индикаторов, в той или иной степени отражающих социальное развитие. Такие инструменты разработаны ООН, ЮНИСЕФ и Всемирной организацией здравоохранения, Всемирным банком, Международной организацией исследований качества жизни (International Society for Quality-of-Life Studies) и т.п. В настоящее время в практике международных сопоставлений социального благополучия и качества жизни, проводимых ООН, для измерения на уровне стран используется около 150 объективных макропоказателей, отражающих экологические параметры среды обитания, демографические, экономические, правовые аспекты, уровень развития здравоохранения, образования, культуры и т.д.

В России для этого используются материалы и базы данных Росстата (доступны на официальном сайте www.gks.ru или в публикациях ИИЦ «Статистика России»):

- Центральная база статистических данных;
- Мониторинг социально-экономического положения субъектов РФ;
- Доклад «Социально-экономическое положение России»;
- Социально-экономическое положение федеральных округов; Регионы России. Социально-экономические показатели.

Как основные индикаторы можно рассматривать следующие:

1. Качество жилищных условий населения.
2. Величина и распределение доходов.
3. Миграционная привлекательность страны.
4. Смертность в возрасте до одного года.
5. Безопасность личности, (обратно пропорционален уровню преступности).

6. Развитость рынков услуг, измеренная посредством переменной «объем бесплатных и платных услуг на душу населения».

7. Продолжительность жизни.

8. Доступность рабочих мест.

Поскольку Россия очень дифференцирована по регионам, этот перечень индикаторов можно использовать и для межрегиональных сравнений. Естественно, что каждый из индикаторов можно разложить на ряд субпоказателей, которые, возможно, удобнее отслеживать на групповом или региональном уровнях. На уровне региона или населенного пункта такой индикатор, как «Качество жилищных условий населения» может быть разложен на следующий ряд индикаторов:

2.3. Социальное благополучие групп

Российское общество представлено огромным числом различающихся в материальном, культурном, профессиональном смысле групп. Одни из этих групп чувствуют себя «неплохо», другие чувствуют себя ущемленными. Скажем, материальное благополучие групп, вовлеченных в сферу сырьевой экономики достаточно высоко, благополучие же групп бюджетников оставляет желать лучшего.

Известно, что одной из основных социальных групп является семья. И в настоящее время сложилось множество подходов к обеспечению семейного благополучия. Конечно, положение дел в семье во многом определяется проводимой семейной политикой, а также теми формами поддержки семьи, которые располагают современные социальные службы. Надо сказать, что в настоящее время сложилось множество технологий по формированию различных сторон семейного благополучия — от подготовки подрастающего поколения к семейной жизни до технологий работы с неблагополучными семьями и профилактики разводов. Социальное благополучие семьи должно опираться на готовность подрастающего поколения к семейной жизни. Дело в том, что изменение статуса семьи в современном обществе привело к обесцениванию семейных идеалов и ценностей, искаженности представления молодых людей о семье (нежелание значительной части молодежи вступать в брак, обзаводиться детьми, распад совместного проживания пар по незначительным поводам, отсутствие ответственности за партнера, перед партнером, увеличение числа разводов, рост количества неблагополучных и кризисных семей, социального сиротства и т.д.), Все это делает особенно востребованной разностороннюю подготовку молодежи к семейной жизни.

Современная российская молодежь оказалась крайне некомпетентной в этой сфере жизнедеятельности и без специальных технологий, которые бы в привлекательной, доступной и технологичной форме доносили до подрастающего поколения подлинное значение семьи, поднимали ее статус и раскрывали ее роль в жизни человека и развитии общества, невозможно добиться радикального оздоровления нравственных отношений с представителями противоположного пола.

Наиболее подходящим средством формирования готовности к семейной жизни представляется специально разработанная на кафедре теории и практики социальной работы факультета социологии СПбГУ программа «Подготовка к семейной жизни», ориентированная на формирование потребности в создании семьи, интимно-нравственного воспитания и возрождения семейных ценностей у подрастающего поколения. Программа включает в себя следующие направления:

— информационно-психологическая подготовка к семейной жизни (традиционные и нетрадиционные представления; сложившиеся практики семьи и брака; гендерные и лидерские отношения в семье; анализ семейных отношений в родительской семье и др.);

— сексуальное воспитание (интимные отношения и сексуальность, сексуальные инстинкты, их значение и место в жизни человека, подростковая беременность, аборты, венерические заболевания, ВИЧ);

— формирование социальной зрелости в семейных отношениях (преимущества семейной жизни перед «свободными отношениями», планирование сроков создания семьи, превенция неполных и распадающихся семей; ошибок при выборе партнера, насилия в семье; формирование компетентности к роли жены/мужа, матери/отца);

— правовые знания и экономика семьи (семейный кодекс, защита семьи и детства, семейный бюджет, жилищный статус и его улучшение и т.д.).

Помимо лекционного курса использовались интерактивные формы проведения занятий: дискуссии, тренинги, обсуждение тематических видеофильмов и видеоклипов; моделей семьи и внутрисемейных ролей; подготовка сообщений; ролевые игры; написание сценариев для СМИ; разработка тематической социальной рекламы.

Закономерным завершением программы являлась диагностика готовности к семейной жизни и коррекция социальной рефлексии по выявленным проблемам.

Опыт реализации программы в образовательных школах показал наличие неподдельного интереса, популярности занятий, выраженной активности слушателей, открытого обсуждения ранее табуированных проблем. Эффективность воздействия на аудиторию в аспекте повышения социальной компетентности подтвердилась как по результатам отзывов участников, тестирования, так и по экспертным оценкам.

Разумеется, что условием успешной реализации программы является строгое соблюдение морально-этических норм и психолого-педагогического такта.

Это только один из подходов к формированию базы для достижения семейного благополучия. Возможно и большое число других.

Составляющими семейного благополучия помимо общей мотивированности к созданию семьи являются и такие компоненты как адекватность социальной рефлексии членов семьи (неискаженное представление членов семьи друг о друге, общих групповых нормах и обязанностях членов семьи и т.д.), приобщенность членов семьи к культуре, владение ими соответствующими знаниями, навыками и умениями (ведение хозяйства, разрешение межличностных конфликтов, воспитание детей), способность не причинять вреда себе и другим членам семьи, решать проблемы на основе взаимных уступок и компромиссов. Таким образом, компетентность семьи, как и любой другой социальной группы не может состояться без наличия соответствующей компетентности отдельных ее членов.

Если использовать индикаторы социального благополучия, то на уровне семьи такой индикатор, как «Качество жилищных условий населения» может быть разложен на следующий ряд индикаторов:

1. Обеспеченность общей площадью (кв. м).
2. Обеспеченность жилой площадью (кв. м. и соотношение количество комнат/количество проживающих).
3. Проживание в квартире не более 2-х поколений одной семьи.
4. Наличие центрального отопления, водопровода газовой/электрической плиты и т. п.
5. Оснащенность квартиры бытовой техникой: телевизоры, стиральные и посудомоечные машины, автомобили и т. п.
6. Наличие в семье компьютера/ноутбука.
7. Количество семей, проживающих в коммунальных квартирах и т.д.

Глава 3. Социальное благополучие отдельного человека [1]

В современном гуманитарном знании сложилась концепция человека как субъекта жизни, субъекта бытия, а не только субъекта познания. Важно это подчеркнуть, так как в социологической литературе традиционно рассматривались социальные ценности и нормы, институты и структуры как порождающие модели жизни конкретных людей. Задачей же людей считалось познание и освоение этих «объективных» рамок бытия, вопрос же «со-бытия», «со-участия» казался связанным больше с философскими дискуссиями о человеке, чем с повседневным миром людей, с ответственностью человека за свое собственное

положение в этом мире. Признание того, что человек является саморегулирующимся существом, меняет его образ, поскольку свидетельствует о возможности характеристик, формируемых самим человеком, зависящим от его Я, воли, сознания, что также ставит и новые познавательные проблемы.

Очевидно, в теории социальной работы также должны быть свои варианты ответов на этот фундаментальный вопрос, ведь человек - главное действующее лицо практической социальной работы, а принцип гуманизма, т. е. человеколюбия, — основополагающий теоретический принцип. Мы должны приблизиться к пониманию того, почему фундаментальный жизненный проект человека — его биография сопряжен с таким количеством отклонений и рисков, в чем основные причины этого.

Сегодня все исследователи согласны, что человек в определенном смысле слова — открытие недавнего времени. Представление о его специфичности задано культурой, не так давно обнаружившей, что «человек — еще не установившееся животное», что его развитие не универсально, не кумулятивно, а исторически относительно. Природа человека, безусловно, имеет биосоциокультурный характер, но развивается он по своим законам, хотя и природа, и общество, и культура предъявляют ему свои требования. Человек не есть нечто заданное природой, сформированное общественными нормами или даже сотворенное Богом. И безусловные христианские заповеди каждый воплощает в жизнь, реализуя собственную модель нравственного поведения. Человек - существо, которое имеет определенное представление о себе (модель себя) и строит собственную жизнь в соответствии с этой моделью себя. Речь идет о личности, о многомерном Я человека. Человек - существо самоорганизующееся, саморегулирующееся. Эта саморегуляция проявляется в том, что если человек хочет жить в согласии с социальными требованиями или институтами, ценит «удобства», связанные с порядком в обществе, он должен принять требования общества. Если при этом человек ощущает опасности, которые несет в себе порядок, он вынужден искать такой образ жизни, где порядок поддерживается для реализации прав и свобод.

В современных представлениях о человеке, характерных для социальной работы, превалирует идея ответственности государства перед людьми и естественности предоставления/получения помощи как обязанности государства по отношению к гражданам. Здесь право гражданина предстает как обязанность государства, как гарантия государства. Нужно отметить, что вопрос «Кто несет ответственность за реализацию моего права на жизнь, здоровье, благосостояние и т.п.?», всегда был актуальным для человека и человечества. Этот вопрос и связанные с ним представления требуют серьезного специального осмысления, мы же лишь отметим, что в теоретическом плане представления об определяющей, программирующей роли государства по отношению к жизни человека связаны с классической детерминистской картиной мира, где и человек был «суммой общественных отношений». Если же допустить возможность нелинейной и множественной обусловленности социума (можно ли сегодня от этого отказаться?!), то хрупкость бытия, неопределенность и риск, неукорененность и неготовность к самостоятельному существованию оказываются более адекватными характеристиками как социума, так и различных групп и отдельных людей. Отсюда, правда, следует насущная необходимость как социальной работы, так и форм ее теоретического осмысления. С вершин технологической цивилизации невозможно исключить конечность человеческого существования — как индивидуального, так и родового, неустранимость социальной патологии и несовершенства человека и общества неустранимость беспорядка. Принять эту несовершенную жизнь как единственно возможную, как бесценный дар, помочь людям поверить в себя, в возможность своего осуществления — наверное, главная задача социальных работников. На фоне социальной несправедливости, постоянных перемен и катастроф это и самая сложная, самая ответственная задача.

Подходов к сущности человека личности, как известно, много. Когда-то образ человека определялся его подобием Всевышнему, носил абстрактный или сугубо философский

характер. Затем естественные науки «перестроили» его по более приземленным метрикам. Так, социобиологический, бихевиористский, психодинамический подходы связаны с опорой на биологическую основу, но по-разному осмысленную. Сегодня очевидно, что мы всегда имеем дело с выбором и в какой-то мере абсолютизацией тех или иных несводимых друг к другу ориентиров. В классической мысли это опора на право и разум человека, вера в возможность его совершенствования и прогресс общества, онтологизация права и государства. Начиная с Маркса, мы видим множество моделей человека и попыток определения его сущности: это труд — у самого Маркса, страх — у Кьеркегора, свобода и ответственность — у Сартра и др. Отсюда такие определения, как «экономический человек», «играющий человек», «экзистенциально заброшенный» и т. д. В русле этих перемен и сосуществования разных подходов в теории социальной работы можно говорить о милосердном человеке, равно как о социально ответственном и личностно самореализующемся.

В современной литературе, как известно, доминирует определение человека с позиций интересов и установок отдельных дисциплин. Акцент на тех или иных свойствах, качествах и проявлениях человека при этом определялся установками отдельных дисциплин и целями, стоявшими перед представителями этих дисциплин. Но в контексте требований, исходящих от проблематики включения/выключения человека в социальную среду, и смысла целостности «человек — среда — регуляторы из взаимодействия» требуется более интегративное определение человека. В этом контексте нам представляется уместным следующее общее определение человека.

Человек — развивающаяся биопсихосоциальная целостность, характеризующаяся разнообразием способов включения в социальную среду и форм адаптации к ней (специфичных для каждого этапа жизненного пути), со своим типом доминирующих потребностей на каждом этапе развития, определенным запасом жизненных сил и ориентирами самореализации, формами рефлексии, которые и регулируют ее включение в среду и взаимодействие с ней. Нормальный человек — существо активное, характеризующееся выраженной ответственностью за ту жизненную ситуацию, в которой оказался, способное к ее коррекции за счет собственных ресурсов, самопомощи, а также к помощи себе подобным (взаимопомощи). Как существо самостоятельное он нацелен на поиск сред, в рамках которых могли бы реализовываться его потенциал и потребности. Всегда выступает компонентом более сложной социальной среды, из которой и черпает ресурсы для удовлетворения своих потребностей. Регулируют включение человека в среду такие средства, как право, традиции, культура, его собственная рефлексия или профессиональная деятельность социального работника. На пути включения человека в социум существуют многочисленные препятствия, испытания и «инициации», специфичные для каждого этапа жизненного пути — в силу чего он часто «выпадает» из социальной среды и деградирует. Условие его благополучия, удовлетворения потребностей — включение в среду. Человек должен быть готов к такому включению, и процесс социализации, воспитания, а если нужно — профессиональная деятельность социального работника подготавливают его к этому.

В ракурсе целостности «человек — среда - регуляторы их взаимодействия», человек, таким образом, рассматривается под специфическим углом зрения: а) с позиций нормативности его жизненного пути (ибо его взаимодействие со средой различается на разных этапах жизненного пути); б) в ситуациях кризиса, упадка жизненных сил, трудных жизненных обстоятельствах, затрудняющих его включение, взаимодействие со средой; в) с точки зрения развития его социальных навыков, определяющих успешность включения; г) под углом зрения соответствия его физических и психических сил некоторым нормам, гарантирующим такое включение и налаживание взаимодействия со средой.

При отклонении от нормы не достигается тот уровень самоорганизации, который должен быть у нормального человека — в итоге нарушенным оказывается его включение в социум или контакт с социумом приобретает ограниченный характер, нарушается и его

способность «властвовать собой», не попадать в зависимость от кого-то или чего-то. То есть, смысл самого приведенного предметного поля требует от социального работника сосредоточиться на тех характеристиках человека, которые влияют на продуктивность его взаимодействия с социальной средой, выступают в качестве детерминант включения в социум или выпадения человека из социума. В контексте социальной работы любое определение человека должно соотноситься со спецификой целостности «человек — среда — регуляторы их взаимодействия».

Само базовое понятие человека предполагает, разумеется, разнообразие компонент. В частности, это понятие как минимум предполагает следующие составляющие:

- некоторые материальные, вещественные процессы (обмен веществ, перенос энергии, информации). Эту группу процессов изучают медики, биологи. Здесь сложилось свое направление в социальной работе — медико-социальное;

- качества психики — эту группу процессов изучают психологи, здесь свои формы отклонений от нормы. Как известно, сложилось психосоциальное направление в социальной работе, которое, впрочем, не ограничивается одной работой с клиентами с психопатологиями, оно занимается и решением проблем «нормального» человека;

- включенность человека в определенную социальную среду, в рамках которой человек и может только удовлетворять свои потребности. Анализ ресурсов этой среды, ее возможностей, акцент на гуманизации этой среды выливается в свои направления в социальной работе (достаточно вспомнить работу с социальными сетями поддержки клиента, коммунальную социальную работу и т.д.).

В социальном разрезе человек должен рассматриваться в единстве прав и обязанностей, которое часто нарушается, что создает трудности во включении его в социальную среду. Если современный человек больше привык пользоваться правами, но не выполнять обязанности, то это порождает одни типы трудностей во включении. Если же он привык преимущественно выполнять обязанности, но не знает и не умеет пользоваться правами, то это порождает уже другой тип трудностей во включении. Эти разные типы трудностей требуют различных стратегий по налаживанию взаимодействия со средой.

Очень упрощая, под социальным благополучием отдельного человека в самом общем смысле можно понимать итог такого включения его в среду и доступа к ее ресурсам, которое обеспечивает достаточно полное удовлетворение его как низших, так и высших потребностей и по субъективным и объективным критериям рассматривается как успех в жизни. Благополучие должно оцениваться как с позиции объективных, так и субъективных критериев (оно не сводится только к материальным критериям, а предполагает удовлетворенность человеком процессом своего труда, наполненность жизни определенным духовным смыслом и т.д.).

Наиболее оптимальный вариант для формирования благополучия человека складывается, если у человека имеется хорошее природное (психическое, физическое) здоровье, благополучная родительская семья, эффективная образовательная среда, развивающая его потенциалы, среда профессиональной деятельности, способствующая удовлетворению его потребностей, самореализации и его продуктивному творческому труду, востребованному обществом. При этом труд достойно оценивается обществом. Однако доступ к материальным благам не останавливает развитие человека, а служит для него только средством для дальнейшего развития и совершенствования. Опираясь на достигнутый уровень благополучия, человек продолжает совершенствоваться, использует этот уровень для включения в дальнейшие социальные среды (наука, искусство, политика и т.д.), расширения горизонтов собственных достижений. У него хорошие сочетания духовных и материальных критериев успеха. Именно такой тип человека может быть признан наиболее социально благополучным.

Социальное же неблагополучие человека складывается, когда у него отсутствует исходное природное здоровье, благополучная родительская семья, когда ему не удается получить качественного образования, раскрывающего его потенциалы, когда ему не доступен

высокопроизводительный творческий труд, и в итоге он не достигает необходимого для нормального человека уровня материального благополучия, в результате чего ему оказывается недоступен высокий социальный статус. Это тормозит его дальнейшее развитие и совершенствование, ибо он заикливается на элементарных материальных потребностях. Т. е., речь идет о наиболее неблагоприятном сочетании внутренних и внешних факторов. Число людей в современном обществе, испытывающих на себе такие неблагоприятные комбинированные воздействия разнородных факторов является достаточно большим.

Мы коснулись только крайних случаев — социального благополучия и социального неблагополучия. В реальной же жизни, большинство людей располагаются между этими полюсами. Число возможных сочетаний благоприятных и неблагоприятных факторов, влияющих на социальное благополучие человека, является весьма разнообразным. Главное же препятствие социальному благополучию человека — в нем самом, в его технократических, функционально ограниченных представлениях о самом себе и об окружающем мире. Проблему равенства всех людей поставила еще Великая французская буржуазная революция, однако человеку еще предстоит научиться воспринимать себя как некую ценность. Необходимо научиться относиться к себе и другим как безусловной ценности, а не к разрозненному набору более или менее «успешных» социальных ролей, каждая из которых оценивается или востребуется социумом. Если же ситуация меняется и роль становится не нужна, то человек оказывается в вакууме, экзистенциальной пустоте, которую нечем заполнить.

Структурными составляющими, обеспечивающими социальное благополучие человека, таким образом, являются: выраженность у него адекватной социальной рефлексии, способности на этой основе к рациональной организации жизнедеятельности, прогнозирование результатов своей активности, учета последствий своих действий, наличие семьи, исходного здоровья, образования, владение соответствующими специальными знаниями, умениями, обеспечивающими включение в социальную среду и доступ к ее ресурсам; востребованность человека социальной структурой, инициативность человека, желание трудоустроиться при наличии возможностей трудоустройства; уровень экономики и заработной платы, обеспечивающий людям материальное благополучие и т.д.

Глава 4. Благополучная (гуманная) среда [1]

Под социальной средой в общем смысле понимается совокупность природных и социальных условий окружения человека, социальных групп, общества и человечества в целом. Для отдельного человека среда выступает в форме ближайшего жизненного пространства: квартиры, дома, улицы, района проживания, места работы и т.д. Хотя человек является важнейшим компонентом этой социально-пространственной среды и создателем ее образа, в таком самом общем определении, тем не менее, явственно проступает Ньютонова картина мира, где человек оказывается «помещенным» в окружение, среду, где «бытие определяет сознание» и т.д. Активная роль социальных акторов как субъектов определения и конструирования мира, создания его геометрии не может пройти мимо теоретического рассмотрения. Способ соотнесения человека с миром, то есть характер взаимоотношений человека с социальной средой, определяет важнейшие особенности как среды, так и всех жизненных ситуаций человека, преобладание нормальных ситуаций (естественно, нормативно или конвенционально определенных социумом) или «трудных жизненных ситуаций», которые также кодифицируются по разному в разных обществах, а в современном обществе определены законом.

Человек как индивид всегда соотносит свое непосредственное бытие и окружение с чем-то иным, большим, лежащим за его собственными пределами. «Оси соотношений (взаимоотношений)» весьма различны и исторически изменчивы. Это и семья, род, племя или клан; или дом, деревня, город, государство; Старый свет и Новый свет; страна, планета, космос и т.д. Такие взаимоотношения определяли границы «своего» и «чужого», «Я», «мы» и «они».

Среда — совокупность экосоциальных условий окружения человека или группы, а человек — «среда среды», поскольку он вычленяет, анализирует, конструирует, придает определенные смыслы своему социокультурнопри-родному окружению. Понятие «дома» предполагает среду, которая уже освоена человеком.

Но «дом» в качестве обозначения освоенной среды в современном городе отличается от деревенского дома или дома в небольшом городке, где родились родители или деды большинства сегодняшних россиян. Россия — страна, где урбанистическая революция произошла гораздо позже, чем в Европе, а ее социальные последствия и особенности анализировались недостаточно на фоне постоянных изменений в формах собственности и способе производства. Например, по свидетельству историков, корпоративная организация производства в городах Западной Европы имела для горожан чрезвычайно важные с точки зрения социального включения последствия. Любой ремесленник или член цеховой организации оказывался полностью связанным корпоративными установками, которые регламентировали не только производственную, но часто и семейную жизнь. С другой стороны, в рамках корпорации существовали взаимное уважение и выручка, подкреплявшиеся постоянством занятий.

В дореволюционной России подобные профессиональные корпорации просто не успели устойчиво сложиться, хотя они, безусловно, существовали в больших городах. Интересно, что подпитывались они миграционными процессами, где землячества играли роль социализирующих и профориентирующих структур. Многократные преобразования социальной структуры в России в течение XX века не дали сложиться естественным механизмам социального включения, которые веками формировались в европейских городах. К тому же множество исторически сложившихся российских городов постепенно хирело, а страна с энтузиазмом строила новые города на краю Земли (то есть за пределами «дома»), часть из которых сегодня также пришла или приходит в упадок. Поэтому в литературе отмечается, что социум приобрел черты «перекати-поля», а люди — психологию бездомных, живущих на государственной земле, в ничейном пространстве, а не в собственном обустроенном доме. Отчуждение начинается сразу за дверью собственной квартиры или, в лучшем случае, за дверью подъезда. Состояние дворов, улиц и других общих пространств свидетельствует о том, что люди чувствуют себя абсолютно непричастными к ним, полностью выключенными и безразличными. Вспоминается Шпенглер, писавший о новом кочевнике, современном варваре, обитателе больших городов (в то время как античные греки варварами называли всех тех, кто не был жителями их городов-полисов).

Если систематизировать изменения социальной среды и способов взаимодействия с ней, которые отличают урбанизированную, внеприродную среду от природной среды небольшого поселения, мы получим следующие особенности:

1. Дифференциация и концентрация различных видов деятельности, потенциально доступных каждому человеку и возможность не только выбора, но и смены их.
2. Дифференциация и концентрация социальных взаимодействий, их разнообразие и опять-таки возможность выбора среди потенциально бесконечного разнообразия.
3. Изменение формы социальных взаимодействий с преимущественно личной, неформальной на безличную, формализованную, анонимную, функционально-ролевую.
4. «Лихорадочный» или стрессогенный темп и ритм взаимодействий, заданный концентрацией видов деятельности, тиранией искусственного, «темперированного» времени часов, расписаний и т. п.
5. Отказ или пренебрежение общими, старыми традициями для более свободного индивидуального самовыражения, индивидуализация стиля и образа жизни вплоть до отказа от такой традиционной формы общности как семья с детьми.
6. Сосуществование индивидуальных стилей жизни, взаимодействие разнообразных культур и акцентирование толерантности вплоть до аномии.
7. Изменение, вследствие всего перечисленного, характера взаимодействия с освоенной средой, с домом, потому что проектирование и строительство дома поручается

«квалифицированным специалистам», а человек помещается в заданную среду, как «атом в пустоту». С этой точки зрения практику сдачи домов под заселение без внутренней отделки следует приветствовать, поскольку она дает возможность людям освоить среду и стать хозяевами своего дома-квартиры. То есть жители таких квартир получают возможность контроля над своей средой.

Все это привело к тому, что освоение многих сред становится все более трудным для человека. Это касается и среды государства вследствие неразвитости гражданско-правовых отношений в России: среды рынка в силу несформированности слоя мелких собственников и предпринимателей и других сред. Говоря о любых типах сред, мы должны учитывать доступность их для освоения человеком, способность самого человека контролировать изменение среды.

Можно сказать, что население России, у которого в историческом подсознании лежит устойчиво структурированное и функционально определенное природное пространство, в котором локализован дом с окружающей «внеприродной» средой, в условиях города теряется, поскольку здесь локализована как раз природная среда, а основное окружение — непривычная, чуждая социокультурная среда, «джунгли большого города», в борьбе с которыми живет неукорененный российский горожанин. Этот переход из простой, предсказуемой и устойчивой среды в сложную и отчужденную среду современного города очень драматичен. (Чего стоят замерзающие из-за неисправных коммуникаций многоквартирные дома в небольших городках России. Непонятно, почему летом жители сами не могут заменить, заварить пострадавшие трубы, коммуникации или хотя бы принять в этом участие?). Чтобы часть города была домом, то есть освоенной средой, люди должны знать, что они могут (должны) в этой среде делать. Они должны ее по настоящему освоить, сделать «своей». Недаром «графитти», которых предостаточно в чистых западных городах, некоторые исследователи считают закономерной формой освоения — одомашнивания городской среды молодежью. Значительная часть современной социальной работы по развитию сообществ заключается в работе социального менеджера, «находящего» точки приложения усилий местных жителей — расчистка грязного двора, озеленение лестницы, строительство спортивной площадки и т.д. Таким образом, формируется понятие своей среды, образ Дома, в строительстве которого принимал участие каждый житель квартала, микрорайона и т.д. Нам этот путь, конечно, только еще предстоит пройти.

Среда всегда характеризуется определенными ресурсами, нужными человеку для удовлетворения его потребностей. Ресурсы могут быть материальными и нематериальными. Материальные ресурсы часто важны для доступа к нематериальным: информационным, юридическим, медицинским и т.п. Но помимо самих ресурсов не меньшее значение имеет еще и доступ клиента к этим ресурсам. Известно, что в современном обществе крайне неравномерно распределяются не только материальные блага, но и власть, престиж, уважение, доступ к различным услугам. У клиентов социального работника часто перекрыты именно каналы доступа к этим ресурсам и услугам. Часто ресурсы в среде имеются только потенциально. Например, в среде местного территориального сообщества (городского, районного, квартального, муниципального образования) всегда есть такой неиспользованный резерв, как активность самих жителей. Но для того, чтобы привести этот резерв в действие, требуется активизация социального участия этих жителей, пробуждение их инициатив, что может сделать профессионал — социальный работник. Свои неиспользованные резервы имеются в среде образовательных учреждений, семьи и других средах.

Но социальная среда не только предоставляет ресурсы, но и таит в себе определенный риск для людей. Скажем, человек может стать клиентом в результате неблагоприятных условий социальной среды (она может сделать его инвалидом, лицом с девиантным поведением и т.д.). Причем, жертвы неблагоприятных условий среды можно разделить на реальные и потенциальные. Реальными клиентами являются люди с отклонениями в развитии (инвалиды), потенциальными клиентами можно считать, например, детей,

родившихся в семьях с низкими экономическими, моральными, культурными уровнями, мигрантов и т. п.

Существует достаточно много объективных факторов, превращающих человека в жертву неблагоприятных условий среды — то есть клиента социальной работы. К ним относят:

— суровые природно-климатические условия региона, страны, местности, геопатогенные зоны, экологические загрязнения различного плана, которые могут оказывать негативное влияние на развитие человека, его поведение, повышая не только риск заболеваемости, но и уровень и криминального, антисоциального поведения (стимулируя развитие наркомании, алкоголизма, самоубийств и т. п.);

— нестабильность в обществе, что характерно для обществ переходного периода. Исследователями подчеркивается, что стремительная экономическая, политическая и идеологическая переориентация в России привела к потере индивидуальной и социальной идентичности у разных групп населения, особенно старших, и к формированию у младших поколений принципиально иных, новых ценностных ориентации, что в комплексе приводит к росту «жертв» среди старших, средних и молодых групп населения. В результате возросло и число разных типов жертв неблагоприятных условий социализации (правонарушители, наркоманы, проститутки, бомжи, нищенские слои населения);

— объективным фактором, способствующим превращению человека в клиента социальной работы, может стать и группа сверстников с антисоциальной направленностью (особенно в подростковом и юношеском возрастах);

- фактором, способствующим вик-тимизации, может стать и семья, когда, например, склонность к асоциальному образу жизни, противоправному поведению может передаваться по наследству.

В общем, к среде следует относиться как к источнику различных рисков, а не только ресурсов, она может быть как развивающей, так и разрушающей человека. Если возможности рисков в ней доминируют над возможностями получения ресурсов, если она не предоставляет возможностей для развития человека, стимулируя у него только появление асоциальных качеств, то такая среда является именно разрушающей. Развивающей среда будет, если в ней представлены в требуемом балансе как риски, так и способы адаптации к ним, есть необходимые ресурсы для позитивного развития человека и удовлетворения его потребностей, если человек имеет доступ к этим ресурсам, если среда характеризуется разнообразием, богатством стимулов, если человек включается в эту среду добровольно и активно, на основе своих мотивов и способностей (что отвечает его самости), а не под внешним давлением, если характеристики среды не провоцируют превращению его в пассивного клиента или только потребителя услуг, если средой формируется социальный заказ на личностные качества человека, если взаимодействия человека и среды строятся на основе взаимной открытости человека и среды, их взаимозаинтересованности, если освоение среды для человека посилено, доступно, или в случае, что освоение среды сложно для человека, оно регулируется специальным посредником, так что человек видит от этого посредничества пользу для себя (он ощущает, что повышается его социальная компетентность), если сложились такие регуляторы взаимодействия человека и среды как право, мораль, профессиональная деятельность социального работника и т.д. Компоненты социальной среды могут быть при этом сильно или слабо связанными. Сильная связность говорит о прочности среды, слабая — о ее непрочности.

Трудно дать исчерпывающее определение **благополучной социальной среды** — ведь ее следует рассматривать применительно к потребностям различных социальных субъектов. По-видимому, эта среда, характеризующаяся наличием нужных субъекту ресурсов, определенной стабильностью и т.д. При выявлении портрета благополучной социальной среды следует идти от характеристик, присущих всякой среде. В литературе среди таких характеристик указывают на такие, как:

- меру стабильности-нестабильности среды;

- наличие ресурсов среды (материальные-нематериальные);
- возможность доступа клиента к этим ресурсам;
- рискогенность среды для клиента;
- скрытые резервы среды;
- доступность среды для освоения клиентом (возможность его прямого взаимодействия с ее компонентами);
- разнообразие возможностей и характеристик среды (создающее базу для роста человека);
- мера открытости среды на человека, востребованность средой человека;
- способ включения человека в среду: добровольный (на основе преимущественно личных мотивов и способностей) или жестко принудительный;
- наличие-отсутствие посредников между человеком и средой;
- тип отношений среды к человеку (от разрушающего до полностью отвечающего потребностям человека) — далее об этом будет сказано подробнее.

Соответственно, благополучной может рассматриваться среда, характеризующаяся достаточно высоким уровнем стабильности (что важно для успешной адаптации клиента), наличием необходимых ресурсов и возможности доступа к ним со стороны клиента, отсутствием опасности превращения его в жертву, разнообразием стимулов (что создает возможности для его развития), налаженностью взаимообмена между клиентом и средой, легкостью освоения клиентом (и, соответственно, его хорошим психологическим самочувствием в условиях этой среды), добровольностью включения его в эту среду и т.д. Соответственно, в качестве неблагополучной может рассматриваться среда со слабыми (в лучшем случае ограниченными) ресурсами для клиента, трудностями доступа и к этим ограниченным ресурсам, высокой вероятностью превращения человека в жертву условий среды, повышенной нестабильностью, непредсказуемостью протекающих в ней событий (что порождает трудности в адаптации к ней клиентов, фрустрацию, невротизацию клиентов), бедностью среды стимулами (что ограничивает возможности его самореализации), трудностью освоения клиентом (и как итог, его плохим самочувствием в условиях этой среды, или принудительностью его включения в эту среду и т. д.).

В принципе социальная среда должна максимально способствовать процессу реализации потенциала человека, адаптации его к требованиям общества. Здесь возникают, конечно, нелегкие вопросы: что такое наиболее благоприятная развивающая среда, скажем, для ребенка или пожилого человека, в чем вообще ее суть для каждого этапа жизненного пути, как ее наполнить конкретным содержанием применительно к этапу, младенчества, подросткового, юношеского и тем более старческого или взрослого возраста?

Сказанное можно проиллюстрировать на примерах. Если среда в семье, образовательном учреждении, территориальном сообществе является достаточно стабильной, устойчивой, имеет необходимые ресурсы, при том, что эти ресурсы доступны человеку, если в этой среде развиты средства адаптации к различным рискам и она предоставляет необходимые возможности для конструктивного развития человека, характеризуется разнообразием стимулов и т.д., то есть веские основания считать ее благополучной. И, действительно, скажем, стабильность требований, предъявляемых к детям в семье, школе — очевидное условие успешности их воспитания. Нестабильность же, и привносимая, скажем, разводами родителей или противоречивыми требованиями со стороны родителей тормозит успешность воспитания. Наличие разнообразных ресурсов — также очевидное условие успешности достижения семьей, школой своих воспитательских целей. При этом ресурсы должны быть доступными детям. Для школы на первый план часто выступают такие материальные ресурсы, как обеспеченность ее помещениями, компьютерами, учебниками и т.д.

Для семьи наиболее приоритетным ресурсом выступает духовный ресурс: любовь к детям и забота о них.

Богатство, разнообразие ситуаций, развивающих сред в семье, школе делает их интересными, привлекательными для детей. Однообразие же среды в таких специфических учреждениях, как детский дом, приют (вообще любое закрытое учреждение) негативно сказывается на развитии детей, подростков.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что акцент в семье, школе на одних материальных ресурсах часто приводит к тому, что общение в этих средах обедняется. Скажем, семья при такой ориентации оказывается замкнутой только на проблемах собственного выживания, дети растут в атмосфере ущербного, порожденного нынешней трудной ситуацией общения (они слышат разговоры только о деньгах, материальных трудностях родителей, у которых не хватает времени на их духовное воспитание, приобщение к культуре). Духовный ресурс оказывается неиспользованным вовсе.

Ну и, разумеется, семья, школа должна быть заинтересованы в ребенке, готовы его принять, окружить заботой, вниманием адаптироваться к нему, его особенностям (чего так часто не хватает). Есть, как говорилось, даже семьи с «ненужными», «лишними» детьми. Вообще самые разнообразные среды часто не готовы к включению в них человека, не способны адаптироваться к появлению человека, характеризуются определенным эгоизмом, стремятся «подмять» под себя человека. И среды можно дифференцировать по степени готовности-неготовности к такому включению в них человека. Уже поэтому включающийся в них человек часто нуждается в посреднике — социальном работнике, помогающем ему в таком освоении среды, вхождении в нее.

В принципе социальная среда должна максимально способствовать процессу реализации потенциала человека, адаптации его к требованиям общества. Здесь возникают, конечно, нелегкие вопросы: что такое наиболее благоприятная развивающая среда, скажем, для ребенка или пожилого человека, в чем вообще ее суть для каждого этапа жизненного пути, как ее наполнить конкретным содержанием применительно к этапу, младенчества, подросткового, юношеского и тем более старческого или взрослого возраста?

С точки зрения теории важно подчеркнуть, что надо ставить вопрос о конструировании благоприятных развивающих сред, специфичных для каждого возрастного периода. Именно вопрос об этих средах составляет сердцевину разработок по проблеме создания «достойных человека условий жизни» (плохо проясненной в концептуальном плане). В практическом плане эта задача пересекается с задачей разработки социальных стандартов и социальных норм.

Часто социальная среда, как говорилось, заполнена стимулами, создающими угрозы развитию, способными превратить человека в клиента-жертву. Информация о наркотиках, реклама алкоголя, сигарет, соответствующие искусства для подростка стали уже неотъемлемыми чертами современной городской среды. В ней же для подростка представлена и возможность вступления в тоталитарные секты, приобщения к различным преступным группам. Все эти риски как бы программируют подростка на роль возможной жертвы, клиента социального работника.

Разумеется, эти компоненты среды действуют на человека лишь при условии неразвитости его сознания, инфантилизме. Но ориентация на «престижные» предметы потребления характерна для многих подростков. На первый план здесь выходит задача оздоровления среды, снижения ее рискогенности через изменение организации среды, насыщение ее развивающими, а не разрушающими стимулами, профилактику наркомании, молодежной и подростковой преступности.

Иные проблемы с оптимизацией среды возникают в отношении человека пожилого. Дело в том, что пока пожилые люди живут в условиях среды, созданной преимущественно для взрослых (к тому же здоровых людей). Пожилему человеку часто трудно воспользоваться транспортом — в него трудно войти, ступеньки слишком высоки и т.д. (правда сейчас в России стали появляться импортные). Порой не хватает скамеек, чтобы просто посидеть, пообщаться. Не в российских традициях и не в материальных возможностях пожилых людей регулярное посещение ими кафе, ресторанов. Современная городская

среда отводит все меньше и меньше места человеку вообще и пожилому человеку в особенности (сокращается число удобных мест отдыха, усиливается чувство опасности, уменьшается количество зеленых насаждений, скверов и т.д.). В общем, встает масштабная задача проектирования силами местной власти жизненной среды под потребности и интересы основных групп людей, а не автомобилей. На этом пути придется преодолеть еще определенные стереотипы, в частности, что такого рода деятельность — нечто второстепенное, что власть может функционировать, не учитывая потребностей разных групп населения:

Разумеется, в практике формирования городской среды помимо негативов есть уже и позитивы. Их пример — создание пешеходных зон в центрах городов. Пешеходная зона открывает возможность возврата к первоначальному смыслу передвижения по зоне. Пешеходная зона позволяет любому человеку расслабиться, сконцентрировать свое внимание на архитектуре зданий, посидеть, отдохнуть. Сидение не есть только пустое времяпрепровождение или отдых. Это одновременно способ созерцания, единения со средой и демонстрация автономной (независимой) позиции «способ передвижения» для престарелых людей. Значительная часть пожилых, как правило, избегают многолюдных городских улиц и площадей. Другими стимулирующими элементами городского пространства являются его малая архитектура, деревья, текущая вода. Подобного рода компоненты создают впечатление «одомашненности среды» укрепляют чувство безопасности людей. Создание соответствующих локализованных пространств, уютных уголков, может рассматриваться как перспективное направление деятельности в муниципальной социальной работе.

Аналогичная ситуация и с подростками: если они при опросах также указывают, что предпочитают проводить свое свободное время не в собственном, а в других районах, ощущают недостаток спортивных секций и кружков, подростковых клубов, в общем, указывают много причин, формирующих у них негативное отношение к своему району проживания, то это также сигнал для переосмысления местной социальной политики по отношению к молодежи, побуждение к формированию позитивных программ по созданию на территории района более привлекательной среды для подростков. Одновременно это и оценка деятельности местной власти со стороны этой группы населения.

О том, какой потенциал для оздоровления, омоложения пожилого человека способна нести в себе окружающая среда, показывает яркий эксперимент Э. Ленджер и ее коллег по Гарварду [Д. Чопра]. Они задались целью изменить среду, окружающую людей в возрасте 75 лет, переструктурировав ее на среду, которая была на 20 лет раньше, погрузили их в обстановку 20-летней давности. Эксперимент длился всего неделю, но результат погружения пожилых в такую более «молодую» среду удивителен: удалось повлиять на сам процесс старения людей (обострить зрение и слух, увеличить мускульную силу, улучшить память, даже повысить уровень интеллекта). Подобного рода результаты внушают оптимизм. Вывод, впрочем, и без того ясен: изменяя среду, превращая ее в более комфортную, отвечающую глубинным интересам человека, можно добиться многого.

Сложилось так, что на основе преобладающего типа социальной среды сейчас, как говорилось, выделяются и отдельные направления в социальной работе. Такой подход, однако, не учитывает целостного характера структуры «человек — среда — регуляторы их взаимодействия», базируется только на одном ее компоненте — среде.

Для теории социальной работы важен вопрос о типах взаимоотношений, возможных между человеком и средой в принципе. Дело в том, что эти соотношения могут быть весьма различны — от крайне неблагоприятных (человек — жертва среды) до очень благоприятных для человека. То есть, социальная среда может как полностью подавлять, блокировать развитие человека, превращая его в клиента-жертву, так и полностью способствовать удовлетворению всех его потребностей и процессу развития человека. Перечислим некоторые крайние типы соотношений человека и среды:

1. Полное несоответствие человека и среды. Среда превращает человека именно в клиента-жертву. Может обнаруживаться на самых разных этапах жизненного пути. Но его

исходная форма четко обнаруживается уже в самом начале жизни, когда появляющийся на свет младенец оказывается вовсе не нужен такой ближайшей среде, как семья, его в ней не ждали, он не востребован, «лишний» (нарушает в чем-то планы родителей, родственников). Он здесь — именно клиент-жертва. Процент таких «ненужных» детей, как известно, весьма значителен. Следует сразу включать «защитные» возможности социального работника или изымать их из такой среды, запуская в действие механизм правовой защиты ребенка. Во всяком случае, требуется поиск средств и механизмов включения ребенка в соответствующие его возрасту среды.

Но человек может и заканчивать жизнь в условиях такой неблагоприятной, разрушающей его среды. Так, исследования показывают, что пожилые одинокие люди в условиях социальных домов для одиноких пожилых часто не всегда оказываются в благоприятной среде. Вопреки первоначальным ожиданиям, среда в условиях социальных домов для одиноких пожилых может изолировать человека от общества, замыкать в своем переживании старости. С другой стороны, если социальный дом вписан в жизнь городского квартала, он увеличивает разнообразную содержательную жизнь, не ограничивает число социальных ролей старых людей.

Возможна и обратная ситуация, когда среда выступает жертвой людей. Например, те же разрисованные, обшарпанные лифты, лестницы, подъезды, превращенные в подобие помойки активностью жителей. Примеров такого вандализма по отношению к городской среде со сторон человека можно привести множество.

Излишне говорить, что социальная работа ориентирована, прежде всего, на то, чтобы изменить то, что складывается при неадекватных типах взаимоотношений человека и среды. Нужны, разумеется, прежде всего, технологии защиты человека от воздействия разрушающих его сред. Адаптация человека к ним невозможна в принципе, но для этого их нужно сначала выявить, поэтому важны средства соответствующей социальной диагностики.

2. Частичное соответствие человека и среды. Скажем, социальная среда современного российского социума сейчас требует от большого числа людей повышенной инициативности, предприимчивости. Но большинство людей не могут сформировать в себе этих качеств в выраженной степени, они соответствуют этому требованию лишь «частично», возможно, только начали формировать у себя эти качества, многие к ним вообще не способны. Бывает также частичное соответствие человека и профессии и т. д.

3. Полное соответствие человека и среды — среда здесь развивает потенциал человека. Соответствующие примеры: обоснованный выбор человеком профессии, счастливый брак, разнообразящее жизнь увлечения и т. д.

Разумеется, социальный работник чаще имеет дело со случаями полного несоответствия или частичного соответствия человека и среды. В случае полного несоответствия (наиболее часто встречаемого в практике социальной работы) для предотвращения превращения человека в клиента-жертву требуются технологии радикального преобразования ситуации, выведения человека из-под влияния этой среды, подбора ему другой среды, отвечающей возрастным, личностным, социальным характеристикам.

Наиболее продуктивное взаимодействие человека со средой, как говорилось, возможно только если между ними сложились отношения взаимного объема: среда удовлетворяет основные потребности человека, а человек, в свою очередь, своей деятельностью поддерживает существование среды. В этом смысле говорилось об их взаимной предполагаемости, взаимной полезности. Разумеется, это отношение взаимной полезности, функционального соответствия наиболее представлено на этапе взрослости человека, нахождения его на этапе продуктивной деятельности. В то же время этапы вхождения в среду в детстве или осмысление того, удобна и доступна ли сложившаяся среда людям с ограниченными по каким-то причинам возможностями, дают возможность развивать и саму среду, и понимание ее адаптивности и адаптированное для людей.

Глава 5. Качество жизни в методологическом контексте [2]

Особенностью современного общества в последнее время становится смена ориентиров социального развития, осознание необходимости гуманизации экономики, поворот к нуждам и потребностям человека, превращение образования в одну из движущих сил развития общества, становление «информационно-интеллектуальной экономики» (А.И. Субетто). Все эти процессы имеют своим следствием появление новой цивилизации - цивилизации качества жизни.

Не случайным является усиление внимания к проблемам качества жизни населения на государственном уровне. В одном из своих выступлений Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «Основной чертой нового века станет не битва идеологий, а острая конкуренция за качество жизни, национальное богатство и прогресс».

Однако разработка вопросов, связанных с качеством жизни, начавшаяся в зарубежной науке в 50-60 гг. XX в., а в отечественном общественном сознании - в 90-е гг. XX в., до сих пор не привела к формированию единого теоретико-методологического подхода, что актуализирует необходимость дальнейшего исследования проблем качества жизни. Анализ научной литературы позволяет говорить о том, что качество жизни при всем многообразии трактовок этого понятия рассматривается в основном как уровень развития и степень удовлетворения комплекса высокоразвитых потребностей и интересов людей¹.

Одним из наиболее значимых подходов к рассмотрению качества жизни в истории науки является социально-философский. Он характеризуется большим разнообразием определений качества жизни, различными, зачастую противоположными, позициями, в рамках которых рассматривают проблемы повышения качества жизни населения. Теоретические предпосылки исследования качества жизни берут свое начало в античной философии. Аристотель, Платон, Сократ, Эпикур, Лукреций и многие другие отождествляли высокое качество жизни с духовной свободой человека, его моральным совершенством и др.

Достижение высшего блага (в современном понимании - высокого качества жизни), по мнению древних философов, возможно путем согласования жизни с писаными и неписаными законами идеального государства.

Другим механизмом достижения достойного качества жизни древние философы считали просвещение и развитие добродетелей в человеке. Эпикур и Лукреций предлагали свой конструкт оптимального качества жизни, связанный прежде всего с атараксией, под которой они понимали состояние невозмутимости, разумного наслаждения жизнью, удовлетворенности собой и жизнью, достигаемое лишь мудрецами⁴. Большую роль в достижении достойного качества философы отводили государству. Однако они по-разному подходили к этому вопросу. Одни считали, что государство создается не для человека, а, наоборот, человек живет и трудится для государства, ради сохранения его целостности и мощи. Другие утверждали, что целью государства должно выступать стремление к всеобщему благу и общественной справедливости. По мнению Платона, только в идеальном государстве возможно достижение достойного качества жизни.

В рамках средневековой философии (Августин, Фома Аквинский) развивались представления, которые отождествляются с современными взглядами на проблему качества жизни. При этом достижение достойного качества жизни возможно только через любовь к Богу. Счастье человека целиком зависит от получения благодати как дара Бога. Благополучие представлялось не как личное обогащение и служение государству, а как постижение смысла Божественной воли и полное подчинение ей. При этом тщательное выполнение каждым человеком своих обязанностей, устанавливаемых Богом, выступает гарантией достижения общественного блага, что в конечном итоге обеспечивает высокое качество жизни каждого члена государства.

В философии Нового времени идеи, так или иначе относящиеся к идеям о качестве жизни, нашли свое освещение в теории общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо). Представители этой теории рассматривали общественный

договор как основу достижения оптимального качества жизни людей. Общественный договор представлялся как акт перехода людей из естественного состояния в состояние гражданское. Государственная власть переводит общество в новое качественное состояние, характеризующееся взаимными обязательствами государства и человека, а также наличием власти закона.

Человек при этом получает больше возможностей для удовлетворения своих потребностей, следовательно, человек приобретает новое качество жизни. Общественная гармония и разумный порядок устанавливаются тогда, когда законы, формируемые в государстве, согласуются с духом народа, его нравами, привычками (Ш. Монтескье).

Попытки осмыслить жизнь человека с точки зрения ее качества предпринимались представителями философии эпохи Просвещения. При этом достойное качество жизни рассматривалось как состояние счастья (К.А. Гельвеций). Достижение этого состояния возможно только благодаря помощи государства, целью которого становится всеобщее благо и охрана прав человека. «Единственное средство - привлечь внимание широкой публики к проблеме идеального законодательства - это упростить проблему и свести ее к двум следующим положениям. Первая задача заключается в том, чтобы открыть законы, способные сделать людей максимально счастливыми ... Вторая задача - открыть средства, при помощи которых можно незаметно перевести народ из состояния несчастья, в котором он находится, в состояние счастья, которым он может наслаждаться».

В немецкой классической философии в лице И. Канта можно также найти конструкты, выходящие на проблему качества жизни. В частности, осуществление высшего блага, представляющего собой единство добродетели и благополучия, по мнению И. Канта, состоит в стремлении к нравственному совершенству, его достижении, использовании этого совершенства как необходимого следствия совершенной добродетели. И. Кант связывал достижение благополучия (достойного качества жизни) с формированием правового гражданского общества, способного ограничить негативное влияние человеческих пороков и защитить своих членов. В рамках философии утилитаризма (И. Бентам, Дж. Милль и др.) моральное суждение становится суждением о счастье (качестве жизни). В рамках утилитаризма благо понималось как удовольствие, а порок - как страдание. Мораль рассматривается во взаимосвязи с законодательством, которое должно стремиться к гармонии частных и общественных интересов.

К основным задачам, стоящим перед гражданским законодательством, относятся: поддержание существования людей, изобилие, безопасность, равенство граждан. Все это приводит, по мнению И. Бентама, к счастью (повышению качества жизни)⁸. Заслуга утилитаризма состоит еще и в том, что он делает акцент на содержательную сторону удовольствия. Представители утилитаризма защищают право индивида жить так, как ему нравится. «Каждый из нас самодостаточен относительно собственного здоровья, как телесного, так и умственного и духовного» (Дж. Милль). В XIX столетии большое внимание уделялось вопросу о качествах человека, которые полностью зависят от того общества, в котором человек живет. Представители философии марксизма-ленинизма (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин) настаивали на том, что для устранения отрицательных качеств человека необходимо изменить общественные отношения, коренным образом преобразовать общество, положив в основу идеи гуманизма, равенства и справедливости.

Капиталистический строй привел к тому, что человек перестал быть существом целостным, «неотчужденным», добрым (К. Маркс). В будущем коммунистическом обществе человек, преодолевая отчуждение, вернется на новой, более высокой ступени к своему исходному и в то же время подлинному состоянию. Отличие же этого нового «золотого века» от первобытного заключается в том, что в нем «неотчужденность» базируется не на низком уровне производительных сил и ограниченности отношений людей между собой и с природой, а, наоборот, на безграничном росте производительных сил, на всемогуществе человека и невиданном изобилии⁹. Достойное качество жизни, по мнению марксистских философов, возможно только в условиях коммунистического общества.

В рамках философии прагматизма (У. Джеймс, Д. Дьюи, Ч. Пирс и др.) идеи, напрямую выходящие на качество жизни, связываются с удовлетворением/неудовлетворением субъективных потребностей личности, с уровнем их реализации. Благо существует только в связи с требованиями индивида, воспринимающего события, удовлетворенного или разочарованного (У. Джеймс). К механизмам достижения блага (достойного качества жизни) ученые относили образование, развитие такого государства, которое, заботясь о своих гражданах, стимулирует личную инициативу. Философия экзистенциализма (Г. Марсель, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.) достижение достойного качества жизни связывала с развитием свободы личности. Личность экзистенциалистами рассматривается как самоцель, коллектив выступает как средство, обеспечивающее личности ее свободу. При этом полная свобода возможна лишь в духовной жизни. Свобода мысли дает все разнообразие возможностей бескровного решения особо острых социальных проблем. При этом единство человечества во времени и пространстве обеспечивает гуманизацию человека, обретение им высших ценностей, достижение достойного качества жизни. С позиции философии персонализма (Х. Керр, Ж. Лакруа, Э. Мунье и др.) благо - достойное качество жизни - личность получает только в условиях персоналистско-коммунитарного общества, которое основано на любви, реализующейся в отзывчивости и сопричастности. Личность в таком обществе принимает на себя судьбу, страдания и радость ближних (Э. Мунье). Члены персоналистско-коммунитарного общества должны уметь контролировать государство, центральную власть должны уравновесить местные органы власти и гражданские права личности. Таким образом, становится очевидным, что представители зарубежной философии активно разрабатывали теоретические основы исследования проблемы качества жизни, предлагали различные пути его повышения. При этом необходимо обратить внимание на неоднозначность философских позиций, что связано прежде всего с мировоззренческими установками исследователей.

Большой вклад в разработку проблемы качества жизни внесла русская философия. В отличие от всей предшествующей зарубежной философии она уделяла особое внимание духовной составляющей качества жизни. В рамках русской философии можно выделить несколько точек зрения на проблему качества жизни. Так, идеи о достижении высокого качества жизни напрямую связывались с идеями соборности (А.С. Хомяков). При этом соборность понималась как сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям.

По мнению отдельных ученых, «русское качество жизни» определялось русской культурой, самим русским человеком, его жизненной философией, идеалами (И.А. Ильин). Идея качества жизни представлялась как основа коренных социально-экономических преобразований, происходящих в российском обществе. Большое значение придавалось качественному развитию всех сторон общественной жизни: хозяйства, политики, культуры, образования, воспитания, профессиональной деятельности. По мысли представителей религиозной философии (Н.А. Бердяев, И. В. Кириевский, В.С. Соловьев), качество приобретают добродетели, проявляющие свои свойства через должные (нравственные) отношения. Нравственный смысл жизни человека «состоит в служении Добру - чистому, всестороннему и всесильному». Совершенное добро, к которому должны стремиться люди, есть добро не для отдельной личности, а для всего человечества. Главной целью творческой деятельности должно стать достижение достойного качества жизни. Нужно вести борьбу против несовершенного блага, характеризующегося как «отсутствие добра в добродетели».

Русский философ Н. Дебольский в своем исследовании «О высшем благе» говорит о благе (достойном качестве жизни) как конечной цели человеческой деятельности, которая объединяет все частные блага в одну гармоничную систему. Н. Дебольский под качеством жизни понимал самосохранение верховного неделимого, а этим неделимым считает народность как всесторонний и сознательный общественный союз.

Этические воззрения Л.Н. Толстого, основанные на евангельских принципах любви к ближнему и непротивления злу, также касаются нравственного аспекта проблемы качества жизни. Конечной целью морали, по мнению Толстого, является устройство Божьего царства, основанного исключительно на любви и доброжелательности, на земле. В своих рассуждениях о способе достижения достойного качества жизни Л.Н. Толстой высказывает идею о том, что для благополучной жизни человеку нужно «опроститься», т. е. перейти к более скромным и несложным условиям жизни, отказаться от ложных условий культурности, всех видов насилия и принуждения. Государство должно превратиться в общество мирно настроенных людей без всякой иерархии, правительственных учреждений и сословий.

Можно заметить, что идея качества сама по себе органически присуща русской культуре, а качественная сторона мировоззрения, ментальности, души русского народа была постоянно в поле зрения философов, ученых и религиозных деятелей. Русские философы особенно подчеркивали ценностную значимость качества, его системный характер. В более поздний период развития философской науки в нашей стране указанные традиции были, к сожалению, утрачены. В советской философии качество жизни не было объектом специального изучения, прежде всего по идеологическим причинам. В 1970-х гг. этим понятием стали пользоваться, наряду с уровнем и образом жизни, применительно к социалистической системе как одной из ее характеристик (Н. М. Римашевская, Е. И. Капустин, Б. П. Грушин и др.).

Несколько позже качество жизни стало рассматриваться как совокупность качественных характеристик потребляемых товаров, благ и услуг (качество питания, качество и модность одежды, комфорт жилища, качество здравоохранения, образования, сферы обслуживания и др.). И только с 1980-х гг. проблемы качества жизни стали предметом самостоятельного изучения в отечественной философии. Ученые стали рассматривать понятие «качество жизни» как характеристику жизни людей на уровне общества, социальной группы, индивида.

В настоящее время исследования качества жизни в отечественной науке осуществляются по следующим направлениям. Во-первых, направление, связанное с формированием самого понятия «качество жизни» (И.В. Бестужев-Лада, В.Н. Бобков, А.А. Давыдов, Е.В. Давыдова, П.С. Мстиславский, А.И. Субетто и др.). Все многообразие определений «качество жизни» можно свести к нескольким типам. Так, Е.В. Давыдова и А.А. Давыдов в работе «Измерение качества жизни» выделяют семь типов определений качества жизни:

- 1) объективные условия существования на уровне общества в целом;
- 2) субъективные оценки условий существования на уровне общества в целом;
- 3) объективные условия существования индивида;
- 4) субъективные оценки условий существования индивида;
- 5) объективные условия существования и их оценка на уровне общества;
- 6) объективные условия существования и их оценка на уровне индивида;
- 7) объективные условия существования и их оценка на уровне общества и индивида.

Существенным для этой классификации является наличие таких характеристик, как объективные условия существования и их субъективная оценка. Необходимо отметить, что, несмотря на достигнутые успехи в исследовании проблем качества жизни, многие ученые отмечают отсутствие целостного подхода к определению качества жизни и выявлению его основных характеристик. Это можно объяснить многозначностью самого понятия «качество жизни» (о качестве жизни говорят применительно и к обществу, и к отдельному индивиду; это понятие используется для обоснования социальных программ различных политических партий и государств; качество жизни выступает и как критерий эффективности социальной политики жизни общества и т. д.). Важным является и то, что до сих пор исследование проблем качества жизни ведется представителями разных наук

(психологами, экономистами, социологами, демографами, медиками и др.) с разных методологических позиций.

Во-вторых, направление, занимающееся созданием моделей качества жизни. При этом необходимо разделять собственно концептуальные модели качества жизни и концептуальные подходы в рамках тех или иных парадигм к анализу природы качества жизни. Так, в первом случае можно выделить методологическую основу, позволяющую исследовать сущность и природу качества жизни. Во втором случае можно говорить о системе знания, в парадигмальном контексте которого раскрываются основные подходы к описанию природы и сущности качества жизни.

В-третьих, направление, связанное с разработкой показателей качества жизни и методик их оценки (С.А. Айвазян, А.А. Давыдов, Е.В. Давыдова, О.Г. Дмитриева, А.Е. Когут, В.Е. Рохчин и др.). В рамках этого направления последнее время активно обсуждаются вопросы о создании интегрального показателя качества жизни.

Проведенный анализ дает возможность сделать вывод о том, что выделенные направления, сложившиеся в современном отечественном социогуманитарном знании, позволяют адекватно, интегративно и комплексно исследовать качество жизни, а также учитывать его многоаспектность и многомерность.

Таким образом, становится очевидным, что развитие представлений о качестве жизни в рамках философского подхода характеризуется большим разнообразием трактовок самого понятия, сложившимися направлениями его изучения, определенными механизмами достижения достойного качества жизни.

Глава 6. Современная Россия и социальное благополучие в контексте разных подходов

6.1. Исследования благополучия населения России: ракурс экономиста [3]

Известно, что реформы у нас проводятся с огромными социальными издержками. В литературе даже используется понятие кризиса. На кризисные тенденции и явления в материальной и духовной сферах жизни обращают внимание исследователи. Чтобы устранить их, требуется более осмысленный подход к реформированию, постановке целей и задач, выбору приоритетов.

В связи с этим важно ответить на вопрос: а какова общенациональная цель развития общества? Исследования ИСПИ РАН показывают, что около 30% респондентов видят «основные причины проблем нынешней России в отсутствии "идеологической обеспеченности" происходящих в стране изменений; в том, что нет четкой стратегии и ясной политики развития государства, а также общенациональной цели». Можно согласиться с автором, что "для сплочения общества, возрождения России социологам предстоит всемерно содействовать выработке созидающей, динамичной и спасающей человека, российские народы, Отечество общенациональной цели".

Следует отметить, что вопрос о формировании такой цели обсуждают и специалисты в области экономики. В числе стратегических установок в последние годы фигурируют ускоренный рост ВВП и сокращение масштабов бедности. Например, В. Куликов и В. Роик выступают за конкретизацию этих целей и отмечают, что "главное - в расширении занятости и повышении доходов работающего населения, в усилении на этой основе стимулов роста производительности труда и производства в целом". Целью экономического роста, проводимых реформ должно стать, отмечает Г.Э. Слезингер, последовательное улучшение условий жизни людей на основе сохранения, развития и эффективного использования ресурсов. За систематизацию таких целей развития выступают также и специалисты в области статистики, которые определяют набор основных социально-экономических индикаторов.

Какова динамика уровня и качества жизни в современной России? Н.Е. Тихонова и О.И. Шкаратан считают, что и в Советском Союзе и в современной России доминирует ограниченный взгляд на социальную политику. Они поднимают вопрос о пересмотре

подходов к проводимой социальной политике государства. Признается, что ее основной целью являлось обеспечение стабильности в обществе в интересах элиты, а отнюдь не помощь наиболее обездоленным. Исследователи относят себя к сторонникам широкого подхода к социальной политике (что созвучно выводам многих экономистов) и считают, что она должна рассматриваться как одна из интегральных характеристик социума, как «своеобразный "фокус", в котором сходятся и интересы нередко противоборствующих в состязании за ограниченные ресурсы социальных групп, и представления о справедливости, и общесоциетальные потребности, связанные с самосохранением общества и поддержанием его конкурентоспособности».

В понимании этой проблемы важны характеристики богатых и бедных. Так, Н.Е. Тихонова показала, что 88,8% очень богатых людей - руководители первого уровня, хозяева и сохозяева тех фирм и организаций, которыми они руководят; 11,2% - специалисты высшей квалификации, работающие по найму в частном секторе, руководители второго уровня в очень крупных корпорациях, а также самозанятые (например, преуспевающие адвокаты). Среди богатых людей преобладают владельцы и совладельцы предприятий, меньшую часть составляют самозанятые, специалисты, руководители второго уровня. И, наконец, пограничный слой богатых достаточно пестрый - почти половину составляют руководители первого уровня (в основном владельцы и совладельцы своих предприятий); меньшую часть - специалисты высшей квалификации, работающие по найму, самозанятые, служащие, сотрудники правоохранительных органов, руководители второго уровня.

По результатам исследования, проведенного И.П. Поповой предприниматели в подавляющем большинстве (71,8%) полагают, что они выиграли, а профессионалы (руководители высшего и среднего звена, специалисты с высшим образованием, военнослужащие, сотрудники МВД и прокуратуры) чаще склонны к ответу, что "не выиграли и не проиграли". М.Н. Руткевич считает, что на одном полюсе российского общества сейчас находится крупная и мелкая буржуазия, высшая бюрократия. Последняя имеет высокие основные оклады, личный транспорт с водителем и техническим обслуживанием, различные виды медицинского лечения и курортного обслуживания, обеспечение жильем высшего качества, включая пользование подмосковными дачами, нелегальные доходы. На другом полюсе находится большинство лиц наемного труда. Он отмечает неоднородность данной группы, а также то, что самая многочисленная армия наемных работников - бюджетники (представители сферы образования, здравоохранения, культуры, науки) имеют низкий уровень заработной платы, увеличение их ставок оплаты заметно отстает от роста стоимости жизни.

Что это так - подтверждают данные других исследователей. Например, Н.А. Волгин напоминает, что размер заработка, который получают бюджетники, не устраивает 76,8% опрошенных; 89,18% - считают, что их заработок не соответствует их образованию, уровню квалификации и профессионализма. По данным В.А. Мансурова и О.В. Юрченко, более половины рядовых врачей в российских регионах (за исключением Москвы) отмечают, что "на питание денег хватает, но уже покупка одежды вызывает затруднения", а 28,9-31,3% считают, что "доходов хватает на питание и одежду, но покупка дорогих вещей длительного пользования (телевизор, холодильник) - проблема".

"Естественный фон" бедности, как показывает исследование ИКСИ РАН, составляют неполные, многодетные, другие проблемные типы семей, в частности, многопоколенные семьи с пенсионерами, инвалидами, детьми одновременно. Также высок риск попадания в категорию бедных у лиц с ослабленным здоровьем, людей, пострадавших от стихийных бедствий, техногенных аварий и катастроф. Категорию бедных пополняют жители депрессивных регионов, а также представители активных групп населения (безработные, занятые неполный рабочий день, работники бюджетных организаций, беженцы и вынужденные переселенцы). Так, в условиях депрессивных рынков труда в составе бедных оказываются и полные семьи с работающими родителями и несовершеннолетними детьми. Демографический "профиль" бедных таков: более половины (55,5%) - трудоспособное

население; преобладают супружеские пары с детьми и другими родственниками (50,8%); неполные семьи (19,4%). По социальному составу среди бедных выделяется группа работающих (39%), пенсионеров (20,6%). Отмечаются две тенденции: во-первых, это расширение границ бедности за счет трудоспособных слоев населения (и, прежде всего, безработных), и, во-вторых, -увеличение доли бедных за счет работников с низким (ниже прожиточного минимума) уровнем оплаты труда либо не получающих заработка вовсе. Аналогичные выводы делают З.Т. Голенкова и Е.Д. Игитханян. Они показывают, что значительная часть бедных наемных работников занята в государственном секторе.

Таким образом, угроза обнищания - это глобальная социальная опасность, которая захватывает низкоквалифицированных рабочих, инженерно-технических работников, врачей, учителей, творческую интеллигенцию, крестьян. Социальные издержки в демографической сфере проявились в снижении численности населения страны, сокращении рождаемости и переходе к модели однодетной семьи, снижении продолжительности жизни, повышении заболеваемости и смертности (в том числе от алкоголизма, наркомании, самоубийств), росте демографической нагрузки на трудоспособное население. Меняется отношение людей к браку и семье. Одной из причин снижения рождаемости в России, отмечает Л.Л. Рыбаковский, является падение уровня благосостояния населения, с одной стороны, и рост потребности более высокого стандарта жизни, особенно у молодежи, с другой.

Социально-экономический кризис в России сказался на сокращении числа детей в семье, откладывании и отказе от рождения детей, о чем свидетельствует исследование О.Г. Исуповой. На доминирование материально-экономического фактора в функционировании семьи, снижение ценности занятий с детьми указывает Т.М. Караханова. В наиболее тяжелой ситуации оказались замужние работающие женщины, имеющие детей. Поэтому переход к малодетности - зримо выраженная адаптивная стратегия: ограничение числа детей позволяет семье несколько облегчить материально-экономическое состояние, предохранить себя от более сложных нравственно-психологических испытаний. Как отмечает В.В. Солодовников, привычным становится существование в обществе социально дезадаптированных семей, которые или не в состоянии обеспечить прожиточный минимум своим членам, или не обеспечивают простого воспроизводства населения, или ведут незаконную жизнедеятельность, или члены которой имеют минимальные уровни образования и профессиональной квалификации. И.П. Башкатов и Е.Б. Бреева показали проявления кризиса семьи: рост насилия, жестокости, агрессивности по отношению к различным категориям людей (особенно к несовершеннолетним); увеличение числа социальных сирот при живых родителях; рост числа детей, рожденных матерями-одиночками; детей, рожденных с психофизическими аномалиями в развитии; рост числа беспризорных и безнадзорных детей, которые нигде не работают и не учатся и совершают правонарушения.

Остро стоят проблемы притеснения: физического, морального, социального, психического, экономического, интеллектуального, сексуального, пространственного. Признаками образа жизни бедных, по мнению большинства россиян, выступают плохое питание, недоступность приобретения новой одежды и обуви, плохие жилищные условия, отсутствие какой бы то ни было недвижимости, невозможность пользоваться платными услугами образования, медицины, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести свое свободное время так, как хочется, а детям - добиться того же, что и большинству их сверстников, примитивизация потребления и его натурализация, резкое сокращение в нем количества и роли наличных денег.

Происходит деградация имущественного потенциала семьи. Например, в Западной Европе основное домашнее имущество обновляется примерно раз в 12-13 лет, в России - превышает 20 лет. При этом, наличие в семье таких предметов длительного пользования, как пылесос, мебельная стенка, цветной телевизор и др. не всегда служит признаком того, что семья живет выше уровня нищеты. Как отмечает Л.И. Чинакова, необходимо учитывать

время приобретения накопленного имущества, степень его износа. Одним из деструктивных результатов реформирования стало растущее социально-экономическое неравенство людей (половозрастное, материально-имущественное, образовательное, профессиональное, территориальное, властное и др.).

По данным Госкомстата РФ, в последние годы соотношение доходов 10% богатых и 10% бедных составляет 14. А выборочные обследования, приводимые Ж.Т. Тощенко, показали: децильное соотношение среди сельского населения составило 1 : 65-75, среди горожан - 1 : 57-67. При этом, основная часть опрошенных (85 %) отнесла себя либо к категории "малообеспеченные", либо к категориям "малоимущие" и "неимущие". А основными беспокоящими проблемами названы, в первую очередь, дороговизна жизни, а также разделение общества на богатых и бедных, задержка выплаты зарплаты, пенсий. Противоречие между богатыми и бедными - основное противоречие последних лет.

Процесс социальной дифференциации нарастает: богатые становятся еще богаче, а бедные нищают. В результате, как отмечает Н.М. Римашевская, формируются две России со своими социокультурными ценностями, образом жизни и образцами поведения (культурами). У представителей разных имущественных слоев и свои жизненные перспективы - от социального роста, служебного положения до взаимоотношений в семье и интереса к работе.

Сохранение низкого уровня оплаты труда, незначительного размера социальных пособий и выплат, разрушение социальной сферы, ее коммерциализация, проблемы в сфере занятости и рынка труда - такая модель социальной политики, подчеркивают Н.Е. Тихонова и О.И. Шкаратан, "чудовищна по своим отдаленным последствиям", поскольку приводит к резкому ухудшению здоровья населения, снижению его образованности, сужению базы для воспроизводства высококвалифицированной рабочей силы, к общему падению качества человеческого потенциала России. С уровнем доходов и качеством жизни тесно связана потеря социальных ориентиров.

Исследователи констатируют, что в обществе работает механизм "всасывания" людей на "дно", главными составляющими которого являются методы проведения нынешних реформ, неспособность государства защитить своих граждан, "деятельность" криминальных структур. "Социальное дно" поглощает крестьян, низкоквалифицированных рабочих, инженерно-технических работников, учителей, творческую интеллигенцию, ученых. Это позволяет сделать вывод, что при проведении социальной политики власти всех уровней (федеральная, региональная, муниципальная) должны более активно защищать интересы семей с детьми, лиц предпенсионного возраста, сохранять для пенсионеров возможность трудиться и иметь достойную старость, а для молодежи - создавать условия для трудоустройства, повышения уровня образования, квалификации. Одной из главных задач выступает повышение заработной платы для работников наемного труда, прежде всего, бюджетников.

Ранее свойственное большинству россиян ощущение стабильности сменилось чувством безысходности, угнетения, некой социальной отверженности, порожденной во многом материальной бедностью. Прямым следствием этих процессов стало постепенное вызревание массовой тенденции настроений угнетенности, апатии и социального пессимизма, что отражает ухудшение социального самочувствия. Поэтому в социальные издержки реформирования (наряду с демографическими, издержками в области занятости, доходов и расходов населения) нужно включать ухудшение состояния социального настроения, социального самочувствия населения. Об этом напоминают В.Э. Бойков, В.А. Иванова и В.Н. Шубкин, Я.Н. Крупец, Н.И. Лапин, В.К. Левашов, О.А. Хасбулатова и Л.С. Егорова и многие другие исследователи.

Если большинство богатых смотрит в будущее спокойно, с оптимизмом, то для мироощущения бедных характерен пессимизм и отчаяние. Эти чувства характерны для "придонья" - беднейших социально-профессиональных слоев, которые еще в обществе, но с отчаянием видят, что им не удержаться в нем. "Придонье" - зона доминирования

социальной депрессии, область социальных катастроф. Длительное аккумулирование негативного воздействия материальных лишений приводит к постоянному состоянию страха, неуверенности, низкой самооценке, социальной изоляции, что, в конечном счете, оказывает серьезное влияние на здоровье: вызывает депрессию, повышает предрасположенность к инфекционным, сердечно-сосудистым заболеваниям. Социально-экономическое неравенство влияет на состояние здоровья населения. Как отмечает В.С. Тапилина, низкое социально-экономическое положение воздействует на здоровье, с одной стороны, непосредственно через депривацию и материальные лишения, а, с другой, - через субъективное восприятие людьми своего "неравного" положения в обществе и связанные с этим оценки, (отношения, переживания. В целом социальные издержки реформирования приводят к ухудшению общественного здоровья - физического, психического (эмоционального).

Российская наука с 1990-х годов активно обсуждает проблемы индивидуального и общественного здоровья в качестве объекта самостоятельной социологической теории. Возникла "социология здоровья". Е.В. Дмитриева определяет ее как специальную ветвь социологии, которая исследует комплекс факторов, связанных с трудом, бытом, отдыхом, образом жизни, способствующих укреплению (разрушению) здоровья индивида; взаимосвязи и взаимодействия человека с социальной средой по поводу здоровья. Объектом изучения социологии здоровья, помимо здоровья и связанных с ним категорий, являются система здравоохранения как социальная система и социальный институт.

Среди причин нынешнего тяжелого положения людей, оказавшихся за чертой бедности, исследователи отмечают, что в массовом сознании россиян доминируют невыплаты зарплаты на предприятии и задержка пенсий, длительная безработица, недостаточность государственных социальных пособий, болезнь, инвалидность, алкоголизм и наркомания, депрессивность некоторых региональных рынков труда.

Каковы должны быть приоритетные направления социально-экономической политики государства? Исследование В.С. Тапилиной подтверждает вывод многих экономистов о том, что первоочередной целью социальной политики должна стать борьба с бедностью, дефицитом денежных средств на воспроизводство и поддержание здоровья, борьба за ограничение влияния бедности и неравенства в распределении доходов на здоровье населения. По мнению Н.М. Римашевской, "если 80% населения бедны, то проблема бедности, таким образом, из социальной превращается скорее в экономическую. В этих условиях бессмысленно искать социальные пути ее решения, необходим лишь экономический подъем, который будет способствовать повышению доходов". Борьба с негативным влиянием низкого уровня жизни на здоровье населения должна вестись не только с помощью социальных трансфертов, но и за счет адекватной оплаты труда, повышения экономической активности самого населения. Многие исследователи высказываются за мобилизацию различных ресурсов общества.

Например, Н.Е. Тихонова и О.И. Шкаратан считают, что "социальная политика в России на долгосрочную перспективу должна быть ориентирована на формирование двухсекторной экономики, складывающейся из экономики выживания и экономики развития". Государство (прежде всего, местные органы власти), проводя политику выживания, обращенную на основную массу населения, должно помочь домохозяйствам через создание условий самообеспечения продуктами питания и развития взаимопомощи граждан (межсемейной, соседской). Так, по данным Д.О. Стребкова, в России в последние годы распространена практика неинституциональных кредитов (когда люди берут в долг у своих родственников, друзей или знакомых), при этом предоставление денег в долг под проценты является в современной России чрезвычайно редким явлением. Также важно, чтобы власти проводили политику на сохранение транспортных льгот для проезда на садово-огородные участки, дотаций на жилищно-коммунальные услуги.

Важным ресурсом, повышающим адаптационные возможности людей и позволяющим повысить уровень благосостояния, выступает образование. Г.А. Ключарев и Е.Н. Кофанова

указывают на прямую связь между уровнем образования, стартовыми позициями в этой сфере с доходами, степенью благосостояния человека, культурной средой, в которой он рос. Образование выступает как фактор социокультурного потенциала, социальной дифференциации и мобильности, условие адаптации, фактор преодоления внутренней "десоциализации" (неуважения к жизни и личности человека, недостаток ответственности на всех уровнях, разобщенность нации и др.). Многочисленные публикации подтверждают эти выводы, а также взаимосвязь высшего образования и высокой социальной мобильности населения, особенно молодежи, на рынке труда.

Данные социологов говорят о необходимости широкого участия государства в реализации права граждан на образование, в том числе на получение высшего образования. Очевиден и вывод Н.Е. Тихоновой и О.И. Шкаратана, который заключается в том, что "социальная политика современной России должна быть гораздо шире и по целям, и по методам, чем это привычно для нас". Они подчеркивают, что "она должна быть дополнена новым самостоятельным направлением - политикой развития", чтобы предотвратить разрушение трудовой элиты нации, падение инновационного потенциала. Необходимо "проникновение в сущность причин, корней и механизмов тех процессов, в результате которых целые слои и группы населения подпадают под социальные эксклюзии. Сложившаяся ситуация настоятельно требует разработки специальной национальной Программы комплекса превентивных мер".

6.2. Социальное благополучие россиян глазами Росстата [4]

Росстат сравнил социально-экономическое положение россиян с показателями уровня жизни граждан других стран. Результаты получились предсказуемыми: в сравнении с развитыми и развивающимися государствами наша страна смотрится бледно. Мы живем примерно так, как резиденты «третьего эшелона», лишь по немногим показателям опережая такие государства, как Индия, Египет, Румыния, Туркменистан, Киргизия, Мексика.

В лидерах наша страна остается по численности населения (143 млн человек по результатам последней переписи). Впереди только Китай, Индия и США. Места в рейтинге по заселенности после нашей страны занимают Япония и Германия. А вот по количеству городского населения, Россия уже отстает от многих государств. По этому показателю лидирует Бельгия, где в городах проживает 97,3% населения, Аргентина — 92,4%, Великобритания — 90%, Австралия — 89,1%, Дания — 87,2%. Впрочем, количество горожан нашей страны сравнялось с благополучной в экономическом отношении Германией — 73,8%.

Если бы не старушка Европа, то в сравнении с остальным миром Россия, по данным Росстата, была бы «антилидером» в перечне самых вымирающих государств. Средняя годовая убыль населения в нашей стране составляет около 1%. Хуже обстоят дела только в Болгарии, где смертность превышает рождаемость на 5%, Латвии - 4,7%, Венгрии - 4,1%, Молдове - 2,6%.

Зато большинство европейских стран по-прежнему опережают Россию по продолжительности жизни. Меньше российских мужчин и женщин в мире живут только граждане ЮАР (всего по 50-51 год), индусы (средняя продолжительность жизни которых едва достигает 62-64 года) и казахи (64-73 года). В России, отметим, средний возраст смерти у мужчин составляет 64 года, у женщин - 75 лет 6 месяцев. В Европе и Америке мужчины доживают в среднем до 70-75 лет, а женщины живут дольше 80-ти.

Большая продолжительность жизни в развитых странах при низкой рождаемости ставит под угрозу экономику развитых стран, так как показатель экономически активного населения ниже, чем число пенсионеров и детей. В России пока перевес в сторону работающего населения. Но незначительный - всего 3%. Такое же хрупкое равновесие держится в Дании, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Канаде, Австралии и Новой

Зеландии. Лучше других ситуация в Китае, где 60% работающих. Хуже всего обстановка в Бразилии, где на иждивенцев приходится только 12% работающего населения.

По количеству мигрантов на тысячу населения Россия пока в лидеры не выбилась. Здесь в «желтой майке» небольшое европейское государство Люксембург, где на каждую 1000 человек почти 22 приезжих, на втором месте Австралия с показателем 12,7. Наша страна по привлекательности для приезжих находится между Великобританией и Израилем. На тысячу местных - 2,2 иностранца.

О финансовом положении граждан России отчетливо свидетельствуют сравнительные таблицы, которые информируют о количестве автомобилей, бытовой техники и прочих ценностей. Например, только у половины домохозяйств в нашей стране есть возможность пользоваться машиной, тогда как в Японии почти у половины семей есть по два автомобиля. На собственном авто передвигается и каждая американская семья.

Зато почти в каждом российском доме есть по одному или два телевизора. Почти 100% семей могут себе позволить стиральную машину и пылесос, у всех есть холодильники.

Интернетом, по-прежнему, в России пользуется меньшая часть населения (469 человек на 1 тысячу). И хотя с 2006 года, по данным Росстата, число пользователей Сети увеличилось в 2 раза, все равно до показателей Европы и Америки далеко. Меньше интернет-аудитория остается только в Албании, Белоруссии, Болгарии, Индии, Киргизии, Узбекистане, Мексике, Алжире, Египте. Кстати, самая продвинутая с точки зрения Интернета страна — Швеция. Там на 1000 населения 900 являются постоянными посетителями сайтов.

Еще одно наблюдение Росстата свидетельствует о том, что Россия большая страна, население которой проживает в маленьких квартирах. Несмотря на то, что в нашей стране 85,6% жилого фонда находится в частной собственности, почти все это — довольно низколиквидное жилье. Так, большинство россиян (63,2%) проживает в малогабаритных квартирах (менее 3 комнат), а число граждан, которые живут в апартаментах из шести и более комнат, показалось статистике таким мизерным, что его даже не учли в таблице. В Америке ситуация обратная. Там около 50% населения живет в квартирах и домах, разделенных на 6 и более комнат. В Канаде любителей просторного жилья — 57,8%. 21% жилого фонда Германии также представляет собой многокомнатные апартаменты, во Франции этот показатель равен 16,3%, в Испании - 29%.

Помимо того, что россияне живут в стесненных условиях, государство также не слишком заботится об их социальном благополучии. Так, по данным Росстата, в России самый низкий в Европе показатель по расходам на образование и здравоохранение. Хуже с дотациями на эти отрасли только в азиатском регионе - Корея, Китай, Армения, Казахстан, в африканских странах и Мексике.

Но, несмотря на это, пока власти не отбили у российских студентов тягу к знаниям. На тысячу населения в нашей стране приходится 65 студентов, тогда как в Европе средний показатель 45, а в Азии - около 30. По этому показателю мы приблизились к США, где студентов 67 на 1 тысячу населения.

Кроме того, статистики уверены: население нашей страны меньше, чем европейцы и американцы, подвержено серьезным болезням. Так, по количеству официально зарегистрированных случаев онкологических заболеваний Россия занимает одно из последних мест наряду с Финляндией, Швецией, Мексикой, Азербайджаном, Киргизией, Таджикистаном. Зато россияне подвержены заболеваниям сердца и кровообращения, а также инфекциям.

Следует отметить, например, что Петербург находится в более выгодном положении, чем большинство регионов страны. В городе на Неве уровень малообеспеченных граждан ниже среднего на 3,7%, доля валового регионального продукта на душу населения выше среднероссийского почти вдвое. А уровень безработицы ниже среднего по стране в 3,5 раза. Вдвое превышает средний по стране показатель и уровень заработной платы. За высокие доходы, впрочем, жители мегаполиса расплачиваются своим здоровьем. Процент

заболеваемости в Петербурге выше среднего примерно на 10%, количество инвалидов на 1 тысячу населения превышает 136 человек, тогда как в среднем по стране на 1 тысячу здоровых людей приходится 92 человека с ограниченными возможностями. Также в Петербурге чаще на 6% умирают от инфарктов. Зато убийств в Петербурге в среднем происходит в 1,5 раза меньше.

Справка: Согласно одному из авторитетнейших рейтингов, который составляет The Economist, Россия занимает 72 место по уровню жизни и перспективах к развитию. Наша страна в перечне располагается между Индонезией и Сирией. Наилучшими для проживания и продолжения рода признаны Швейцария, Австралия, Норвегия, Швеция, Дания, Сингапур, Новая Зеландия, Нидерланды, Канада.

6.3. Оптимистический подход к проблемам социального благополучия россиян [5]

Так уж сложилось, что в России как-то традиционно не принято говорить о личном благополучии. На банальный вопрос «как дела?», как правило, услышишь развернутый ответ о том, как человек всеми силами старается преодолеть свои жизненные трудности

Между тем, похоже, сами того не заметив, россияне сегодня вошли в уникальный период истории страны - в эру социального благополучия.

Институт глобализации и социальных движений (ИГСО) провел исследование «Жить в России: социальное благосостояние населения в исторической перспективе». Для анализа и мониторинга в ИГСО взяли показатели за последние три века, буквально от Петра Великого. И оказалось, что именно сейчас благополучие среднестатистического гражданина находится на высшей точке. Эксперты связывают эту позитивную тенденцию с приходом к власти Владимира Путина, когда была выбрана правильная тактика для развития.

Модернизацию начал еще Петр Первый

По мнению исследователей, «модернизационные рывки», начавшиеся при правлении Петра I, покупались дорогой ценой. Оказывается, что ни «окно в Европу», прорубленное Петром, ни завоевание нового выхода к морю, состоявшееся уже при Екатерине II, не только не улучшали, но, напротив, ухудшали положение простых граждан. «При этом Петр I вошел в историю как героический реформатор, у которого где-то по дороге погибло много народа», - грустно иронизирует глава ИГСО и один из авторов доклада Борис Кагарлицкий.

Впервые по-настоящему почувствовать успехи экономических преобразований в стране большинство населения смогло только в 50-е годы прошлого века, после смерти Сталина.

«Страна из сельской превратилась в городскую, общество, где еще недавно решалась проблема ликвидации неграмотности, теперь славилось на весь мир своей системой образования, массовой наукой и культурой. Средняя продолжительность жизни в конце XIX века составляла не более 32 лет, а в 1970 - 1971 годах по РСФСР этот показатель составил почти 69 лет», - отмечает Борис Кагарлицкий. Однако к концу 50-х - началу 60-х годов продолжавшийся тогда в стране экономический рост замедлился. Немаловажно отметить и тот факт, что тогда неудовлетворенными остались и запросы общества на демократизацию.

В 90-е годы Россия, как известно, перешла от планового хозяйства к рынку или «рыночной анархии», как называют модель экономики авторы исследования. Тогда многие именно социальные завоевания советской эпохи оказались утраченными, и недавняя эпоха застоя, явившаяся относительно благополучной для граждан, сменилась резким понижением уровня жизни. Следующий перелом случился только спустя почти десять лет - когда после дефолта 1998 года ситуация стала улучшаться.

«Страх перед будущим сменился оптимизмом. Именно на этой общественной волне к власти пришел Владимир Путин, с приходом которого общество, не имеющее сил для того,

чтобы изменить себя снизу, связывало надежды на преобразования сверху», - констатирует Кагарлицкий.

Кризис в Европе - это проблема Европы

Последнее десятилетие оказалось, пожалуй, самым удачным не только с точки зрения глобального развития страны, но и с точки зрения повышения благосостояния простых россиян.

«По общим и экономическим данным, действительно в последние 10 лет ситуация достаточно положительна. Растут подушевые доходы, стабилизировалась выплата зарплаты. Повышается уровень потребления, причем в различных секторах, начиная от продовольственного и заканчивая имиджевым, - соглашается ведущий эксперт Центра политической конъюнктуры Дмитрий Абзалов. - Достаточно невысок уровень безработицы - он один из самых низких в Европе».

Слова аналитиков подтверждают и объективные статистические показатели. К примеру, в то время как в странах ЕС бушует экономический кризис, в России активно растут продажи автомобилей премиум-класса. Так, по данным агентства «Автостат», в 2012 году продажи в этом сегменте выросли на 63,5% по сравнению с 2008 годом. Причем лидерами российского рынка являются такие производители, как Audi, BMW, Mercedes-Benz. Последний в прошлом году увеличил свою долю на отечественном рынке в два раза.

«Подобно тому, как скорость движения эскадры рассчитывается по самому медленно идущему кораблю, так рост благосостояния населения определяется по росту доходов малоимущих слоев населения. И, возможно, не столько по росту их доходов, сколько по росту их денежных накоплений. А эти накопления растут», - рассуждает директор НИИ социально-экономических и педагогических проблем профессор Николай Лобанов.

«Точка невозврата к бедности» пройдена. Россия уверенно вошла в число стран устойчивого экономического роста, нравственным базисом которого является не только рост благосостояния низкооплачиваемых социальных слоев населения, но и улучшение качества жизни этой социальной группы. Однако это не только следствие роста ВВП, но и следствие внутренней политической стабильности страны, большей открытости институтов демократии, улучшения социальной инфраструктуры жизнедеятельности городского и сельского населения.

По словам экспертов, хотя в обществе, безусловно, присутствует недовольство работой отдельных министерств, что особенно заметно в сфере ЖКХ или образования, при этом можно уверенно говорить об устойчивом положительном имидже президента страны.

«А это значит, что опосредованно в сознании населения формируется убежденность, что страна все дальше и дальше будет уходить от того, что я называю «точкой невозврата к бедности», - заключает Николай Лобанов.

Экономические достижения России эксперты связывают с грамотной политикой Владимира Путина, особо подчеркивая рост не только общих экономических показателей, но и улучшение качества жизни простых граждан. При этом эксперты обращают внимание, что рост благосостояния граждан естественным образом повысил и требования общества к государству. Россияне сегодня хотят быть вовлеченными в процесс принятия политических и экономических решений. Другими словами, происходит процесс формирования полноценного гражданского общества.

Впервые в истории России именно в «эпоху Путина» экономическое благосостояние граждан сочетается с наличием политических свобод и демократических институтов в стране. «Важным фактором открытого и взрослого общества, говорящим об эффективной системе управления, является то, что население и граждане начинают формировать различные организации в интересах контроля действий властей, повышения эффективности органов государственной власти. Еще в 2005 - 2006 годах было сложно представить, что граждане могут самоорганизовываться, чтобы отслеживать или мониторить дороги или совместными силами искать пропавших детей», - отмечает Дмитрий Абзалов. «В свете развития общедоступного Интернета и социальных медиа

уровень свободы очень высок», - добавляет руководитель отдела социально-политических исследований ВЦИОМа Степан Львов.

Уникальный исторический шанс

Ключевой вопрос, однако, в том, что сегодня Россия в очередной раз оказалась на судьбоносной исторической развилке.

«Мы выбрали тему доклада не случайно. Российское общество сейчас находится на развилке. Оно претерпело несколько модернизаций на протяжении веков и плодами последних модернизаций пользуется сейчас. Я имею в виду потребительский бум начала века, - поясняет руководитель Центра экономических исследований ИГСО Василий Колташов. - Уровень благосостояния российского общества не является проклятием для России, как говорят либералы. Именно имеющийся уровень потребления может стать фундаментом для новой российской экономики».

По мнению эксперта, крайне важно, чтобы Россия сегодня не повторила ошибок, сделанных либералами в начале 1990-х годов, когда страна стала развиваться по пути дикого рынка. Сегодня основой для будущего рывка могло бы стать развитие внутреннего рынка, а также протекционистская государственная политика и поддержка сфер образования и науки. Другими словами, продуманная государственная стратегия развития действующего президента, а не метод проб и ошибок в условиях неконтролируемой рыночной экономики, как это было в начале 90-х годов.

«Необходимо стимулировать внутреннее производство, формировать новые высококвалифицированные рабочие места и новые производственные мощности. В этом основной запрос и в этом направлении Россия может двигаться», - соглашается Дмитрий Абзалов.

Экспертное сообщество уверено, что одно «историческое проклятие» нам уже удалось преодолеть: впервые плоды экономического и политического благополучия страны стали доступны всем без исключения россиянам. При этом России сейчас выпал уникальный исторический шанс - совершить очередной экономический рывок, очередную модернизацию, не принося в жертву благосостояние миллионов простых граждан.

6.4. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы [6]

Проблема удовлетворенности жизнью: новые подходы к анализу и интерпретации. Долгое время удовлетворенность населения жизнью воспринималась как хотя и важный, но в целом второстепенный индикатор социально-экономического развития общества. Однако в последнее время не только за рубежом, но и в России эта проблема стала привлекать к себе все большее внимание, а сам контекст ее рассмотрения заметно изменился. И если резкому росту ее актуальности в нашей стране во второй половине 2014 г. способствовали прежде всего санкции Запада и падение цен на нефть с сопутствующим повышением значимости всех факторов, влияющих на уровень социальной напряженности в обществе, то с формированием новых подходов к этой проблеме в развитых странах картина более сложная.

Становление в развитых странах новых подходов в этой области в последние 10-15 лет стало отражением переосмысления понятия благосостояния в связи с переходом к постиндустриальному этапу развития, осознания их элитами и значительной частью населения необходимости изменения приоритетов социально-экономического развития. Одним из следствий этого стало формирование нового направления экономической науки - "экономики счастья", возникшего в начале 2000-х гг. в ответ на необходимость разработки новых критериев благополучия общества. После ряда исследований в этой области, Генеральная Ассамблея ООН даже приняла 19 июля 2011 г. резолюцию под названием "Счастье: целостный подход к развитию", согласно которой уровень счастья рассматривается как важный показатель развития страны.

Реакцией, во многом неадекватной и зачастую весьма поверхностной, на новую постановку вопроса о роли субъективного благополучия как индикаторе общественного

развития стали многочисленные эмпирические исследования в области удовлетворенности жизнью населения разных стран. При этом для самих экономистов интерес обычно представляют прежде всего общая удовлетворенность жизнью и влияние на нее уровня доходов. Как было показано в ходе их исследований, до определенного уровня доходов удовлетворенность населения жизнью действительно зависит от роста ВВП страны (на начало 2000-х гг. эта "планка" составляла 20 тыс. долл. Однако после кризиса 2008-2009 гг., в немалой степени способствовавшего общему усилению чувства нестабильности, рост удовлетворенности жизнью наблюдается уже вплоть до уровня в 36 тыс. долл. ВВП на душу населения).

Говоря о традиции анализа удовлетворенности жизнью в современной науке, стоит отметить также, что измерение ее уровня проводится разными исследовательскими центрами и даже отдельными учеными очень по-разному - от расчетов многомерных индексов, включающих как субъективные, так и объективные характеристики, до прямых вопросов - считает ли респондент себя счастливым? Примером первого подхода может служить рассчитываемый с 2006 г. Международный индекс счастья (Happy Planet Index), в основе которого лежат субъективная удовлетворенность жизнью, ожидаемая продолжительность последней и экологическая составляющая. По показателям этого индекса Россия находится примерно в середине общего списка стран. В случае же использования другого подхода, если судить по данным ВЦИОМ, применявшего его наряду со многими другими центрами, ситуация в России вообще была в 2014 г. просто замечательная - счастливыми ощущали себя четыре пятых (78%) россиян (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114812>), во что верится с большим трудом.

В данном разделе преследуется цель - учитывая отсутствие общепризнанной методики измерения субъективного благополучия, попытаться понять, что стоит за оценками людьми их повседневного бытия, без чего невозможна и разработка такой методики. Главным вопросом, на который хотелось получить ответ, был, вопрос о том, что определяет высокую степень довольства россиян своей жизнью, а что - безусловную неудовлетворенность ею. Естественно, что такая постановка проблемы "потянула за собой" и много сопутствующих вопросов, например как сказывается на динамике общей удовлетворенности жизни изменение отдельных ее характеристик, какова динамика этой удовлетворенности в нашей стране в последние десятилетия и т.д. Результаты этого исследования и легли в основу данного раздела.

Общая удовлетворенность россиян своей жизнью и ее динамика. Рассмотрим сначала общую оценку россиянами собственной жизни в целом и различных ее сторон в частности, а также динамику ощущения удовлетворенности ими с февраля по ноябрь 2014 г. Этот период характеризовался резким изменением объективных условий жизни населения: ростом цен и курсов валют, нагнетанием международной напряженности, возникновением в обществе предчувствия дальнейшего ухудшения экономической ситуации и т.д. Казалось бы, это должно было сказаться на оценках россиянами собственной жизни. Однако на самом деле изменения в данной области оказались незначительными, что говорит о достаточно высокой устойчивости этих показателей.

Таблица 1

Оценки россиянами различных аспектов собственной жизни, 2014 г.

(в %, отранжировано по разнице положительных и отрицательных оценок)

Аспекты жизни	Оценки		Разница этих оценок	Разница их в феврале 2014 г.
	Хорошо	Плохо		
Отношения в семье	61	4	57	58
Возможности общения с друзьями	55	4	51	51

Питание		41	5	36	39
Место, проживания	регион	39	10	29	33
Положение, обществе	статус в	35	7	28	25
Ситуация на работе*		33	10	23	33
Одежда и обувь		30	8	22	24
Жилищные условия		34	12	22	27
Возможности реализовать себя в профессии*		34	14	20	23
Уровень безопасности	личной	31	11	20	17
Состояние здоровья		32	13	19	20
Возможности получения необходимых образования и знаний		27	17	10	12
Возможности проведения досуга		31	16	15	22
Материальная обеспеченность		21	18	3	4
Возможность отдыха в период отпуска	отдыха в	22	25	-3	9
Жизнь в целом складывается		36	5	31	33

* Данные приведены о работающих.

Кроме того, из таблицы видно, что картина в плане самооценки населением России различных сторон своей жизни выглядит довольно противоречиво. С одной стороны, наиболее распространенными во всех сферах, кроме отношений в семье и с друзьями, стали оценки "удовлетворительно", а по ряду позиций картина за прошедшие полгода даже ухудшилась, особенно существенно - по ситуации на работе и возможностям отдыха в период отпуска. С другой стороны, оценки "хорошо" и сейчас превышают у россиян по распространенности оценки "плохо" по большинству аспектов их повседневного бытия, и лишь 5% их оценивают в итоге свою жизнь как плохую.

Что же определяет эти показатели, и прежде всего в какой степени повлиял на них рост доходов населения в последние годы? Учитывая, что уровень ВВП на душу населения в России сравнительно невысок (менее 25 тыс. долл., казалось бы естественно предположить, что уровень доходов будет основным фактором, обуславливающим субъективное благополучие. Однако это верно лишь отчасти. Так, даже в наиболее благополучной группе, где среднедушевые доходы домохозяйств превышают одновременно две медианы доходов и в регионах их проживания, и в тех типах населенных пунктов, где они живут³, доля оценивающих свою жизнь как хорошую лишь ненамного превышала половину (53%). В то же время даже в крайне неблагополучной группе, доходы представителей которой меньше половины медианного уровня, доля оценивающих свою жизнь как хорошую в 1,5 раза превышает долю оценивающих ее как плохую. Статистически значимость связи между уровнем дохода и удовлетворенностью жизнью также невелика.

Значительно большую роль для оценок своей жизни в целом играет в России сегодня не столько уровень доходов, сколько субъективная удовлетворенность человека своим материальным положением, обусловленная в том числе и уровнем его притязаний, тем образом жизни, который кажется ему минимально приемлемым. Учитывая глубину неравенств в России, степень их нелегитимности в общественном сознании и незавершенность процесса формирования специфического образа жизни разных слоев за

менее чем четверть века, прошедшие с начала перехода к рыночной экономике, это, впрочем, неудивительно. Неудивительно и то, что если россияне при их завышенном уровне притязаний довольны своим материальным положением, то и собственной жизнью в целом они обычно (79%) также весьма довольны, как, впрочем, и отдельными ее сторонами. Парадоксально, однако, то, что обратное неверно - те, кто оценивают свое материальное положение не только как удовлетворительное, но даже как плохое, в массе своей не оценивают плохо свою жизнь. Наиболее распространенная оценка в этом случае - удовлетворительная (66%), хотя восприятие своей жизни как плохой встречается при этом все же вдвое чаще хороших ее оценок (в 23% случаев против 11%).

Отчасти понять этот парадокс помогает то, что оценивающие свое материальное положение как плохое далеко не всегда оказываются представителями наиболее обездоленной части населения страны. Так, среди тех, кто оценивает свою жизнь как хорошую и одновременно свое материальное положение воспринимает как плохое, 97% считают хорошим свое питание, 91% - одежду, 73% - жилищные условия. Таким образом, несмотря на плохие оценки своего материального положения в целом, эти люди, очевидно, в массе своей все-таки имеют возможность полноценно удовлетворять свои базовые физиологические потребности. С удовлетворением базовых социальных потребностей у них тоже все в порядке, поскольку свыше 80% их оценивают как хорошие отношения в своей семье и 84% - ситуацию с друзьями. Это, собственно, и позволяет им хорошо отзываться о своей жизни при общей плохой оценке своего материального положения.

В целом же данные свидетельствуют - хотя уровень доходов и даже оценки благосостояния имеют сегодня в России значение для удовлетворенности населения своей жизнью, *но отнюдь не они играют в этом отношении решающую роль. Значимее оказывается субъективная удовлетворенность россиян своим положением в обществе.* Это отражается и на показателях статистической значимости соответствующих связей - если коэффициент Спирмена для удовлетворенности своим материальным положением и жизнью в целом составляет 0,491, то для удовлетворенности жизнью и своим статусом в обществе он намного выше, достигая 0,580. Следующий по статистической значимости показатель — качество питания — значительно отстает в этом отношении (0,510).

Однако связь данных показателей может быть обусловлена взаимосвязью при статистической обработке как массива хороших оценок отдельных сторон своей жизни, так и удовлетворительных или плохих их оценок. Более того, по разным аспектам жизни эта связь может носить разнонаправленный характер. Поэтому для более корректной интерпретации полученных данных был осуществлен дополнительный кластерный анализ методом k-средних, позволивший понять, с высокими оценками каких именно сторон своей жизни связано в современной российской бытовой культуре восприятие собственной жизни как хорошей, а также чем в своей повседневной жизни должен быть активно недоволен типичный россиянин, чтобы оценивать ее в целом как плохую.

Как оказалось, **высокая степень удовлетворенности своей жизнью** связана прежде всего с хорошими оценками отношений в семье и с друзьями: эти переменные присутствовали во всех без исключения кластерах, представители которых отличались хорошей оценкой своей жизни в целом. Почти всегда хорошая оценка своей жизни соседствовала и с хорошими оценками качества питания, ситуациями с одеждой и жилищными условиями. Заметно реже встречались "в связке" с высокой оценкой собственной жизни хорошие оценки своего статуса в обществе, ситуации на работе, возможностей проведения досуга, самореализации в профессии, доступа к необходимым знаниям и образованию, региона проживания и т.д. Однако по всем ним для восприятия своей жизни как хорошей требовались, как минимум, удовлетворительные их оценки.

Таким образом, *ценностные системы россиян в их глубинных основаниях до сих пор ориентированы с точки зрения содержащихся в них предпосылок удовлетворенности жизнью прежде всего на благополучие в семье и наличие хороших друзей. От материальных же условий жизни россиянам в основной их массе требуется соответствие*

некоему минимальному стандарту — нормальное питание, возможность приобрести необходимые одежду и обувь, наличие хорошего жилья. И если этими сторонами своей жизни они довольны, то дальнейшее в плане материального благосостояния их не очень беспокоит.

"Блокиратором" для восприятия типичным россиянином своей жизни как хорошей выступает тем самым не уровень его доходов и даже не удовлетворенность своим материальным благосостоянием в целом, а возможность полноценного удовлетворения базовых физиологических потребностей. Особенно жестким фильтром выступает плохая ситуация с питанием и одеждой. На первый взгляд, кажется парадоксальным, что эта позиция оказывается в данном контексте более важной, чем питание. Однако это не удивительно, если учесть, что в последние годы в российском обществе началась стигматизация бедных, формирование их портрета как портрета андеркласса, отличающегося от остального населения страны не только уровнем доходов, но даже внешне. И бедные уже чувствуют это - во всяком случае большинство тех из них, кто говорят, что им приходилось сталкиваться с дискриминацией, связывают ее со своей "бедной одеждой". А самоощущение своего статуса в обществе, как отмечалось выше, очень важно для россиян (вспомним в этой связи и сакраментальный вопрос "Ты меня уважаешь?").

Конечно, такая по сути своей традиционалистская жизненная модель, предполагающая удовлетворенность весьма скромного и бедного набора потребностей для общего довольства своей жизнью, не единственная нормативно-ценностная модель, существующая сегодня в России. Есть в нашем обществе и своего рода *ценностные меньшинства*, для которых хорошая оценка своей жизни предполагает более богатый спектр удовлетворенных потребностей, в частности удовлетворенность ситуацией на работе, имеющимися возможностями для самореализации - как в профессии, так и в досуговой активности, доступом к необходимым знаниям и образованию, а также тем местом, где они живут. Доля довольных своей жизнью россиян с таким спектром потребностей относительно невелика - порядка 5% населения, то есть около 15% всех оценивающих свою жизнь как хорошую. По сравнению с кластером удовлетворенных своей жизнью с более простым набором потребностей представители этой группы обычно проживают в крупных городах, особенно мегаполисах; используют Интернет и социальные сети; среди них повышенная доля лиц с высшим образованием и средних (41-60 лет) возрастов. Однако наличие ценностных меньшинств все же не отменяет того факта, что типичному россиянину, чтобы быть довольным жизнью, нужно не так уж много. Другой стороной оценки факторов удовлетворенности жизнью выступает вопрос о том, **при каких условиях россияне оценивают сегодня свою жизнь как плохую**. Как показал кластерный анализ⁷, люди, оценивающие свою жизнь как плохую, обычно отличаются достаточно богатым спектром потребностей - те, чьи потребности скромнее, склонны при "прочих равных" считать свою жизнь удовлетворительной. Поэтому для активной неудовлетворенности своей жизнью в сегодняшней России необходимо, чтобы человек считал плохими и свой статус в обществе, и материальное положение, и ситуацию с наиболее наглядным их маркером - одеждой, и ситуацию на работе, и свои возможности проведения досуга и отпуска, и возможности самореализации в профессии или получения необходимых знаний. Иногда к этому добавляются также активное недовольство регионом проживания, жилищной ситуацией и даже уровнем личной безопасности. При этом плохие оценки тех или иных сторон своей жизни ни в одном случае не определяют с вероятностью более 50% негативных оценок своего повседневного бытия в целом. Они "работают" только в комплексе, за счет своего рода синергетического эффекта - *оценка своей жизни как плохой возникает обычно в случае, если человеку кажется, что у него "все плохо" и нет никаких "отдушин" — ни на работе, ни во время отдыха.*

Как видим, и в случае с теми сторонами жизни, хорошая оценка которых ведет к хорошей оценке жизни в целом, за набором "недовольств" человека, ведущего к

восприятию им своей жизни как плохой, также *просматривается определенный набор жизненных приоритетов, основанный на тех или иных ценностях и установках*. Обычно это *ориентация на место в социуме в целом и характерные для него маркеры или особенности, а не типичная для высокой удовлетворенности жизнью ориентация только на хорошие межличностные отношения на микроуровне при возможности полноценного удовлетворения базовых физиологических потребностей*.

Вышесказанное еще раз подтверждает - хотя материальное положение и в России оказывает определенное влияние на оценки человеком своей жизни в целом, однако это влияние в любом случае *опосредуется его системой ценностей и не предопределяет жестко ни удовлетворенности ею, ни неудовлетворенности*. Что же касается остальных факторов удовлетворенности россиян своей жизнью, то значимых среди них очень немного, и ни один из них не повышает вероятность тех или иных ее оценок до 50% и более. В первую очередь это, конечно, возраст. Молодежи и в современной России свойственна более оптимистичная оценка своей жизни — 49% тех, кто не старше 24 лет, оценивают ее как хорошую; далее распространенность таких оценок сокращается и в группе от 65 лет и старше составляет уже всего 23%. При этом возраст мало влияет на оценку своей жизни как плохой (в разных возрастных группах она находится в диапазоне 4—7%). Зато пол или место жительства не имеют в этом отношении никакого значения. Так, однозначно довольны своей жизнью 43% жителей мегаполисов и 38% жителей сел, а недовольны - по 3% и там, и там. Более выражена, но также не слишком значима на фоне роли оценок отдельных сторон жизни и разница в восприятии своей жизни в тех или иных образовательных и профессиональных группах.

Динамика удовлетворенности россиян жизнью в целом и отдельными ее аспектами. Проблема удовлетворенности человека жизнью в разных обществах и культурных традициях важна в первую очередь в теоретическом плане. Однако, как я уже отмечала в начале статьи, эта проблема имеет и большое практическое значение, особенно при оценке наличия в обществе протестных настроений и перспектив нарастания социальной напряженности. Тут особо важна динамика этой удовлетворенности, в том числе изменений в восприятии населением отдельных аспектов своего повседневного бытия. Как же выглядят эти процессы в России в последние 20 лет?

Если говорить об изменении восприятия россиянами своей жизни в целом, то, несмотря на отдельные колебания, тренды в этой области выглядят достаточно оптимистично - доля позитивно воспринимающих свою жизнь за эти 20 лет выросла, а негативно - сократилась. Более того, удовлетворенность россиян жизнью в последние годы держалась на как никогда ранее высоком уровне.

Если же говорить не о жизни в целом, а о динамике тех показателей, которые в наибольшей степени влияют на высокую удовлетворенность ею россиян, то есть хороших отношениях в семье и с друзьями, а также хороших оценок ситуации с удовлетворением базовых физиологических потребностей, то "отношенческая" их часть в целом демонстрирует устойчивость с небольшим повышательным трендом. При этом хорошие показатели отношений в семье и с друзьями в последние годы также были как никогда высоки, а плохие - низки.

Динамика показателей, отражающих удовлетворенность россиян возможностями решения своих проблем в сфере базовых физиологических потребностей, демонстрирует иную картину. Все они характеризуются ростом позитива и сокращением негатива в восприятии соответствующих сторон повседневного бытия. При этом в области возможностей удовлетворения базовых физиологических потребностей прослеживаются те же особенности, которые характеризовали и динамику оценок жизни в целом - заметное доминирование негативных оценок над хорошими в 1990-е гг., качественное изменение ситуации с 2001 г., устойчиво высокие показатели в последние годы хороших оценок и устойчиво низкие показатели плохих. Это позволяет предположить, что *за ростом*

позитивных оценок россиянами своей жизни стоит снятие тех "блокираторов", которые мешали им раньше быть ею довольными.

В то же время тот факт, что ситуация с питанием практически у 60% населения страны, а с одеждой даже у 70%, и в относительно благополучные последние годы не рассматривалась россиянами как хорошая, напоминает об отсутствии у большинства из них всякого "запаса прочности" в случае обострения кризисных явлений. Это - сигнал, свидетельствующий о неоправданности той "эйфории благополучия", которая возникла в последние годы и у элит, и у самого населения в результате роста его текущих доходов. Как свидетельствуют эмпирические данные, этот рост не сопровождался ростом ресурсообеспеченности основной массы рядового населения (то есть увеличением числа имеющих сбережения или недвижимость помимо занимаемого жилья, а также объемом этих активов), уйдя в основном на текущее потребление.

Посмотрим теперь, как изменялась ситуация в тех аспектах жизни населения страны, негативная оценка которых в наибольшей степени связана с восприятием ее россиянами как "плохой". Если говорить о ключевом для этого типа ее восприятия показателе - самооценке своего социального статуса, *неудовлетворенность им у россиян в последние 15 лет, несмотря на некоторые колебания, характеризовалась нисходящим трендом.* Однако в последние три года эта тенденция уже не действует, и доля активно недовольных своим статусом остается стабильной, "законсервировавшись" на уровне 7%. Одновременно наблюдается некоторый рост числа вполне им довольных, хотя и в этом случае соответствующая доля населения страны составляет меньшинство (чуть больше трети).

Достаточно стабильна в последние годы по сравнению с прошлой динамикой и доля плохо оценивающих свое материальное положение. Главное отличие самооценок материального положения от ситуации со статусом при этом заключается в том, что доля активно недовольных своим благосостоянием в последние годы не росла. Кроме того, она более чем в два раза выше, чем доля недовольных своим местом в обществе, притом что доля довольных им в 1,5 раза ниже. В итоге группы довольных и недовольных тут примерно равны по численности, и эта ситуация в последние годы как бы "заморозилась".

Те же тенденции в последние четыре-пять лет характеризуют и другие показатели, влияющие на негативные оценки россиянами соответствующих аспектов своей жизни.

Таким образом, если удовлетворенность россиян теми сторонами их повседневного бытия, которые мешали им ранее быть довольными своей жизнью, в последние годы заметно выросла, то их недовольство аспектами, детерминирующими в совокупности их общую неудовлетворенность собственной жизнью, в отличие от периода до кризиса 2008-2009 гг., в последние годы перестало сокращаться.

Население России сегодня скорее удовлетворено, чем не удовлетворено своей жизнью. При этом показатели удовлетворенности жизнью в последние годы даже выросли, что создало в обществе определенный запас социально-политической и экономической устойчивости. Однако, оценивая этот факт как безусловно положительный, переоценивать соответствующий запас все же не стоит. Например, еще осенью 2014 г., то есть до начала сложного периода экономического развития страны, оценивая возможности удовлетворения даже базовых физиологических потребностей, около двух третей россиян считали их лишь "удовлетворительными" или плохими. Кроме того, безусловно довольны своей жизнью были в тот момент лишь около трети опрошенных. Эти и другие приведенные в данной статье факты не позволяют говорить о том, что с точки зрения субъективного благополучия населения Россия относится к счастливым обществам. Более того, речь может идти о скромности имевшегося в обществе к началу зимы 2014-2015 гг. запаса устойчивости.

Причины, ведущие в России к высокой степени удовлетворенности своей жизнью или же к активной неудовлетворенности ею, различны. Для того чтобы россияне были довольны своей жизнью, им обычно требуется возможность нормального удовлетворения базовых социальных (создающие чувства причастности к группе и защищенности хорошие

отношения в семье и с друзьями) и физиологических (питание, одежда, "крыша над головой") потребностей. Доли довольных этими сторонами жизни граждан страны в последние годы были как никогда ранее велики, что сказалось и на росте числа оценивающих свою жизнь как хорошую. Решающую роль при этом сыграло сокращение числа тех, у кого в роли "блокираторов" удовлетворенности жизнью ранее выступала невозможность решения на устраивающем их уровне базовых проблем физиологического выживания.

Если говорить о структуре группы довольных своей жизнью россиян, то большинство в ней составляют люди с достаточно скромным и в целом традиционным набором ценностей. В то же время есть тут и "продвинутая" часть, для представителей которой характерна более сложная структура потребностей, ориентированная на место в социуме в целом. Эти люди в случае получения возможности удовлетворять свои потребности в полной мере, также вполне довольны своей жизнью. Однако таковых очень немного: среди населения в целом это буквально считанные проценты, а среди довольных жизнью россиян - примерно каждый седьмой.

Активно недовольные своей жизнью россияне тоже распадаются на две подгруппы: 1) недовольных жизнью из-за невозможности удовлетворения базовых физиологических или социальных потребностей (хотя подавляющая часть этой группы все-таки оценивает свою жизнь как удовлетворительную); 2) относительно более многочисленную группу тех, кто недоволен жизнью из-за невозможности реализовать желательную для них сложную жизненную модель, то есть отсутствия шансов самореализации ни в производственной, ни в досуговой сферах, при этом их статус в обществе и материальное положение вызывает у них неудовлетворенность.

Таким образом, хотя восприятие человеком своего материального благосостояния, во многом зависящее от его уровня притязаний, достаточно важно для его оценок собственной жизни, но связь эта не прямая и даже не основная. Для большинства населения страны главное здесь - специфика притязаний и ценностных ориентации. Однако независимо от ценностных ориентации нынешняя ситуация в стране не позволяет большинству россиян в достаточной степени реализовывать те жизненные модели, к которым они стремятся. А это, в свою очередь, не позволяет им воспринимать свою жизнь позитивно.

Причем та часть россиян, которая относительно благополучна в материальном отношении и может себе позволить реализовывать образ жизни, желательный для большинства населения страны, все равно недовольна своей жизнью (что воспринимается остальными как "с жиру бесятся"), поскольку набор потребностей в ней гораздо шире, а уровень притязаний - намного выше. И это касается отнюдь не только материальной составляющей жизни. Те же, кому для общего довольства своей жизнью достаточно возможностей полноценного удовлетворения лишь базовых социальных и физиологических потребностей, также в массе своей недовольны жизнью, поскольку их более низкий относительно первой группы уровень благосостояния не обеспечивает им и этого. Фактически две данные группы живут в параллельных мирах, и, видимо, ценностный раскол между ними в ближайшем будущем будет лишь нарастать.

Глава 7. Региональные аспекты социального здоровья и социального благополучия

7.1. Статистическое исследование организации жизненного пространства населения региона [7]

Социальное благополучие – это высшая социальная ценность, социальный идеал, область социальной оптимальности, с которой связаны жизненно важные интересы человечества. Стремление к достижению социального благополучия во все времена являлось устойчивой мотивацией активности социальных субъектов. Современное понимание сущности и содержания социального благополучия связывается с пребыванием в пределах цивилизации, максимально эффективным использованием ее благ,

оптимальным осуществлением жизнедеятельности в условиях высоких темпов развития постиндустриальной, информационно-образовательной эпохи. Таким образом, *социальное благополучие* – антипод бедности, которая стала в нашей стране одной из наиболее злободневных проблем. Благополучие включает экономическое благополучие, но шире этой категории за счет того, что включает гражданские свободы, относительную свободу от преступности, возможность жить в чистых экологических условиях и поддерживать свое здоровье.

Развитие человека рассматривается как цель и критерий общественного прогресса через расширение возможностей выбора, благодаря росту продолжительности жизни, образования и дохода. Преобразования и реформы во всех областях жизнедеятельности российского общества повлекли за собой серьезные социальные последствия. Осознание необходимости поиска эффективных путей выхода из нарастающего социального кризиса вызвало существенное возрастание интереса к проблемам благополучия человека и общества. В настоящее время социальное благополучие называют интегральным показателем эффективности функционирования социальной сферы, отражением социального самочувствия, уровня благосостояния, качества жизни населения, индикатором социальной безопасности общественной системы. Современное российское государство провозглашает социальное благополучие населения стратегическим ориентиром и критерием результативности социальной политики.

Актуальность исследования этой проблемы заключается в том, в условиях регионализации российской экономики многоаспектность и особое значение для развития общества делают весьма актуальными вопросы статистического анализа социального благополучия населения региона. Особенностью статистического анализа социального благополучия является невозможность прямого сопоставления регионов по тем или иным статистическим показателям, что приводит к необходимости учета нескольких уровней обобщенных статистических показателей. Сравнительное исследование статистических методов, используемых в российской практике экономико-статистического исследования благополучия, показало, что широко используется метод «главных компонент», методы кластерного анализа, дискриминантного и факторного анализа.

Однако наибольшее распространение в региональных исследованиях получил рейтинговый метод, который состоит в агрегировании различных статистических показателей в обобщенные статистические показатели более высокого уровня. Исследование совокупности факторов и показателей, которые могут использоваться для оценки уровня социального благополучия, имеет комплексный характер, поэтому необходимо формировать интегральный показатель социального благополучия с учетом трех обобщенных статистических показателей: обобщенный показатель «Развитость жизненных сил населения», который отражает систему показателей, характеризующих человеческий потенциал территории и потребности; обобщенный показатель «Организация жизненного пространства» характеризующий условия для удовлетворения потребностей; обобщенный показатель «Экономические возможности», который оценивает необходимые ресурсы.

В условиях регионализации российской экономики многоаспектность и особое значение для развития общества и оценки социального благополучия делают весьма актуальными вопросы статистического исследования организации жизненного пространства населения региона. Основные показатели организации жизненного пространства населения региона могут быть объединены в следующие блоки, характеризующие основные стороны социальной сферы:

- состояние системы здравоохранения и социальной защиты;
- состояние системы образования;
- состояние системы учреждений культуры;
- уровень жизни населения, состояние рынка труда и занятости;
- состояние региональных систем быта и сервиса, транспорта и связи;

- состояние правоохранительной системы и уровень общественной безопасности.

Обобщенная оценка уровня организации жизненного пространства населения региона с применением статистических методов может осуществляться на разных уровнях.

Сравнительный статистический анализ организации жизненного пространства регионов ПФО, в состав которых входит РМ, проводился путем построения рейтинга по показателям:

X1 – уровень безработицы, %;

X2 – среднедушевые денежные доходы населения, рублей;

X3 – среднемесячная номинальная заработная плата работников предприятий и организаций, рублей;

X4 – площадь жилищ, приходящихся в среднем на одного жителя, кв. метров;

X5 – численность студентов высших учебных заведений на 10000 человек населения, человек;

X6 – численность детей на 100 мест в дошкольных общеобразовательных учреждениях, человек;

X7 – число больничных коек на 10000 человек населения;

X8 – заболеваемость на 1000 человек населения;

X9 – библиотечный фонд общедоступных библиотек на 1000 человек населения, экземпляров;

X10 – объем платных услуг населению на 1000 человек населения, тыс. рублей;

X11 – объем социальных трансфертов в натуральной форме на 1000 человек населения, тыс. рублей;

X12 – число зарегистрированных преступлений на 100000 человек населения.

Определение обобщенной оценки «места» каждого региона ПФО по уровню организации жизненного пространства были использованы два подхода: непараметрический прием «сжатия» – метод суммы мест и кластерный анализ. Полученные результаты свидетельствуют о высокой степени корреляции между полученными оценками, что позволяет считать их взаимодополняющими. Однако более объективными, на наш взгляд, следует считать результаты кластерного анализа.

Применение статистических методов в анализе социального благополучия населения позволяет расширить информационную базу для разработки стратегии и тактики регулирования социального развития регионов.

7.2. Государственная социальная политика сохранения социального здоровья молодежи: региональное измерение [8]

Государственная политика сохранения здоровья молодежи включает совокупность мер политического, духовного, экономического, правового, социального, культурного, научного, медицинского, санитарно-эпидемического характера. Они направлены на оптимизацию условий для формирования, активного сохранения, восстановления и укрепления здоровья, снижения заболеваемости и увеличения популяции здоровых людей. Это повышает потенциал молодежи для ведения активной производственной, социальной и личной жизни, создает предпосылки снижения его преждевременной смертности, заболеваемости, инвалидизации, увеличения средней продолжительности и качества жизни, улучшения демографической ситуации в стране.

Основные направления государственной политики сохранения здоровья молодежи определены законодательными и программными документами. Их цель заключается в поддержании интереса государства и общества к проблеме сохранения трудового потенциала России.

В этих целях российское государство стало более активно регулировать рынок алкогольной и табачной продукции, повышая размер акцизов на сигареты, этиловый спирт и слабоалкогольные напитки. Эксперты алкогольного и табачного рынков

предупреждают о возможности повышения роста цен на эти товары, но власть, озабоченную здоровьем нации, это не пугает.

Государственная политика такого рода оправдана неспособностью рынка правильно влиять на утверждение здорового образа жизни и помогать молодым людям делать правильный индивидуальный и социальный выбор в этой области. Свободный рынок, с его российской спецификой достижения любой ценой «больших денег», не поощряет молодежь к принятию правильных решений по целому ряду причин.

Одна из них заключается в слабой информированности молодых людей о долгосрочных последствиях сделанного ими выбора. Они не знают о том, как и когда могут проявиться эти неблагоприятные последствия. Курение и неумеренное потребление алкоголя, сексуальная распушенность и употребление наркотиков, как и другие факторы риска, зачастую не осознаются молодежью как опасные последствия в количественном и качественном выражении. Молодые люди нередко считают рискованное поведение привлекательным, или полагают, что оно безопасно, порой даже нормально. Об этом наглядно свидетельствуют результаты опроса трех возрастных групп молодежи Хабаровского края (табл. 1). Несмотря на то, что неблагоприятное влияние социального окружения и факторов среды, вызванные ими ошибочные решения, проявляются молодежью на индивидуальном уровне, вмешательство государства в эту сферу является вполне оправданным. Хорошее здоровье нередко расценивается как статусное достояние, положительно воспринимается общественным мнением независимо от точки зрения отдельных людей.

Таблица

Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к перечисленным способам добывания денег» в зависимости от возраста и по годам: (в процентах от числа опрошенных)

Вступить в физическую близость за плату?	17 лет		24 года		29 лет		Всего	
	2005	2007	2005	2007	2005	2007	2005	2007
Считаю недостойным при любых обстоятельствах	64,9	68,0	69,0	65,3	68,7	61,0	67,5	64,7
Считаю возможным в чрезвычайных случаях	18,4	14,1	17,0	22,6	17,0	18,6	17,5	18,4
Иногда считаю возможным	7,9	9,4	8,7	5,6	9,3	17,8	8,6	9,9
Считаю нормальным	8,8	8,6	5,2	6,5	4,9	2,5	6,3	6,8

Органами государственной власти российского общества осуществляется мониторинг наблюдений за состоянием здоровья населения, в том числе молодежи. Он включает исследование влияния и социальных факторов (структура и качество питания, безопасность пищевых продуктов, условия труда, быта и отдыха). Мониторинг здоровья нации позволяет систематически наращивать, интегрировать необходимые данные по широкому кругу стандартных социальных показателей, создавать на этой основе постоянно обновляющиеся многопредметные информационные базы данных. Их анализ позволяет осуществлять прогноз социального здоровья населения, основанный на сценарном подходе.

Учитывая, что по показателям социального здоровья Россия занимает промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами, велика ее

зависимость от изменения социально-политической и экономической обстановок. Они будут меняться, и соответственно, будут меняться качественные параметры социального здоровья населения в целом, и молодежи в частности. Так, улучшение социально-экономических условий жизни населения на фоне быстрого и эффективного развития всей экономики способствует осуществлению оптимистического сценария прогноза социального здоровья. Этот сценарий характеризуется снижением (вплоть до полной ликвидации) большинства инфекционных заболеваний, смещением возраста смертности от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний к старческим возрастам, быстрым снижением травматизма и смертности от него, особенно у молодых мужчин, дальнейшим снижением детской смертности, как минимум, в два раза.

Оптимистический сценарий предполагает снижение материнской смертности и смертности от абортот. Можно с достаточной уверенностью считать, что постепенное осуществление оптимистического сценария позволит через 10 – 15 лет в большинстве регионов России приблизиться к тому уровню общественного здоровья, который существует в настоящее время в развитых странах. При оптимистическом сценарии велика вероятность, что к 2010 – 2015 гг. продолжительность жизни россиян составит 73 – 75 лет (мужчины – 69 – 70 и женщины 78 – 79 лет), младенческая смертность будет 8 – 10 случаев на 1000 новорожденных, основные причины смерти – сердечно-сосудистые заболевания и рак – будут приводить к смерти в очень пожилом возрасте.

Стагнация социально-экономической ситуации на современном уровне приведет к формированию социального здоровья по среднему сценарию. При этом, возможно сохранение имеющихся тенденций заболеваемости и смертности. Они останутся у большинства населения без изменений, а некоторые из этих тенденций приобретут более острый характер. Наиболее тревожными для медико-демографической безопасности нации остается плохое состояние здоровья детей и подростков, сверхвысокая смертность мужчин в молодом возрасте, постоянные вспышки инфекционных болезней, переход большого числа людей трудоспособного возраста на инвалидность по болезни.

Вероятность развития пессимистического сценария связана с перспективами ухудшения социально-экономической и внутривластной обстановки в России. При этом сценарии продолжится снижение качества здоровья подрастающего поколения, что, в свою очередь, еще больше усугубит экономические проблемы. Развал социально-бытовой и санитарной инфраструктуры будет способствовать росту инфекционной заболеваемости, в том числе такими социально опасными болезнями, как туберкулез, сифилис, СПИД. Вырастут показатели смертности, при этом смертность от травматизма останется основной причиной ухода из жизни мужчин трудоспособного возраста. Ухудшению социального здоровья будет способствовать отъезд из страны наиболее активных и, как правило, наиболее физически здоровых граждан. Возможен «откат» даже от тех весьма скромных показателей социального здоровья, которые были достигнуты в прежние годы. Развитие ситуации с социальным здоровьем по пессимистическому сценарию приведет страну к обострению демографической ситуации, которая усилит социальную напряженность.

Определенное представление о влиянии государственной политики на социальное здоровье молодежи Хабаровского края (с учетом сценарного метода) дают результаты экспертного опроса. Так, в ответах на вопрос «Как, на Ваш взгляд, государство относится сегодня к молодежи?» большая часть опрошенных (64,2%) считают, что государство сегодня относится к молодежи так же, как к другим группам населения. Очевидно, что молодежь как особая социально-демографическая группа, к сожалению, не является объектом пристального государственного внимания. Улучшение ее жизни, по мнению экспертов, в первую очередь, зависит от местных властей (70,5%), во-вторую – от самой молодежи (65,3%) и, в-третью – от федеральных органов власти в лице правительства и президента (50,6%).

Оценки экспертов социального здоровья молодежи коррелируют с оценками положения дел в здравоохранении. Так, более половины экспертов оценивают положение в краевом здравоохранении отрицательно («плохое» и «скорее плохое») как, в целом, по России (70,1%), так и по Хабаровскому краю (63,1%). Только треть опрошенных (34,7%) отметили позитивное изменение дел в сфере здравоохранения края за 2006 год. Более трети опрошенных (38,9%) считают, что оно не изменилось, а 16,8% – фиксируют его ухудшение. Эти данные корреспондируются с мнением студентов хабаровских вузов. Только менее трети студенческой молодежи (29,0%) выразили удовлетворение системой здравоохранения в регионе, а более половины (61,5%) – неудовлетворенность. Каждый десятый опрошенный затруднился с оценкой.

Среди проблем в сфере здравоохранения края наиболее острыми, по мнению экспертов, являются большие очереди в медицинских учреждениях (50,5%); нехватка специалистов (48,4%). В равной мере значимости отмечены дороговизна лекарств и плохое состояние больниц (по 44,0%). Определенные надежды в обществе сегодня возлагают на национальный проект «Здоровье», что нашло свое отражение и в экспертных оценках. От проводимого проекта они ожидают следующие результаты: первичная медицинская помощь на уровне участковых врачей станет более доступной и качественной, произойдет сокращение очередей к врачу, повысится качество диагностирования заболеваний на ранних стадиях (44,2%); произойдет повышение престижа труда медицинских работников первичного звена и ожидание прибытия молодых квалифицированных специалистов в участковую службу (33,7%); будет проведена диспансеризация населения (26,3%).

Каждый второй опрошенный (51,6%) считает, что в результате реализации нацпроекта «Здоровье» ситуация в краевом здравоохранении улучшится. Однако более трети (37,9%) полагают, что он «... никак не скажется на жизни молодежи». Это говорит о том, что молодежь по-прежнему не является приоритетной группой не только в программных документах государства, но в интеллектуальном осознании проблем ее здоровья региональными специалистами здравоохранения. Как следствие, инициативу по реализации профилактических программ в образовательную деятельность выдвигали только 37,2% опрошенных; по оказанию помощи молодежи в получении жилья, материальной поддержке, оказанию социальных услуг – всего 7,5% опрошенных, проведению социальных акций лишь 2,2% опрошенных.

Между тем, характеристики состояния социального здоровья молодежи региона позволяют говорить о том, что она нуждается в действенной государственной социальной политике. По мнению более половины экспертов (67,4%), в современных условиях можно добиться позитивных изменений в решении проблем социального здоровья молодежи. При этом, большинство из них (89,8%) согласны с тем, что за ухудшение показателей социального здоровья молодежи должна возрасти ответственность государственных и муниципальных органов власти и управления.

В тоже время, по мнению экспертов, препятствиями в решении проблем социального здоровья молодежи служат: ее низкая социальная активность (46,3%); неэффективное взаимодействие различных ведомственных структур в решении проблем молодежи (53,7%); отсутствие приоритета молодежи как особой социальной группы в российском государстве (37,9%). Отмечено также, что финансирование молодежных программ не отвечает общественным потребностям (43,2%), нормативная правовая база по охране здоровья молодежи отличается несовершенством (37,9%), имеет место недостаток специалистов по социальной работе с молодежью (27,4%).

Одним из важных направлений решения проблем социального здоровья молодежи является профилактика социально значимых заболеваний. Однако до настоящего времени многие ее направления не внедрены, остаются лишь декларативными или носят сугубо организационный характер.

Между тем, первичная профилактика как комплекс мероприятий, направленных на предупреждение отклонений в состоянии здоровья и предотвращение заболеваний, включает следующие компоненты:

- меры по уменьшению влияния вредных факторов на организм человека (улучшение качества атмосферного воздуха, питьевой воды, структуры и качества питания, условий труда, быта и отдыха, уровня психосоциального стресса и других факторов, влияющих на качество жизни);

- формирование парадигмы здорового образа жизни через формирование информационно-пропагандистской системы, направленной на повышение уровня знаний населения о влиянии отрицательных факторов на здоровье и уменьшение их воздействия;

- меры по предупреждению заболеваний и травм;

- выявление вредных для здоровья факторов, в том числе и поведенческого характера, принятие мер по их устранению;

- оздоровление лиц, находящихся под воздействием неблагоприятных факторов, с применением мер медицинского и немедицинского характера.

Все профилактические мероприятия дают эффект, если они ориентированы не на один какой-либо значимый фактор риска, а на их суммарное сложение, определяемое всей совокупностью.

Помимо первичной профилактики, целесообразно проводить мероприятия вторичной профилактики – комплекс медицинских, социальных, санитарно-гигиенических, психологических и иных мер, направленных на ранее выявление и предупреждение обострений и осложнений заболеваний, а также комплекс мер по предотвращению снижения трудоспособности молодежи, в том числе ее инвалидизацию и преждевременную смертность.

Основными задачами по улучшению социального здоровья молодежи являются: улучшение психического здоровья, предполагающее значительное сокращение распространенности и неблагоприятного воздействия психических расстройств; предоставление возможности справиться с жизненными обстоятельствами, вызывающими стресс; сокращение распространенности социально значимых заболеваний.

Научной основой предупреждения основных хронических заболеваний служит концепция снижения факторов риска, способствующих развитию и прогрессированию заболеваний. Среди них не только поддающиеся изменению биологические показатели (уровень в крови глюкозы, липидов), но и обстоятельства, определяющие состояние окружающей среды, особенности образа жизни и привычки (неправильное питание, курение, низкая физическая активность, злоупотребление алкоголем и т. д.) Пол, возраст и некоторые другие генетические характеристики тоже относят к факторам риска, но они не поддаются изменениям и используются, в основном, для определения прогноза возникновения заболевания.

Формирование и реализация научно обоснованной стратегии и тактики государственной социальной политики позволит сформировать у молодежи мотивацию на здоровый образ жизни, пересмотреть влияние. Следовательно, расширение государством спектра профилактических и образовательных программ для молодежи оправдано с точки зрения эффективной профилактики социальных заболеваний, обеспечения качества медицинской помощи и повышения качества ее жизни.

7.3. Региональная специфика совершенствования человеческого потенциала и социального благополучия населения [9]

В начале двадцать первого столетия научный интерес к тем областям человеческого индивидуального и общественного бытия, которые определяют его благополучие, связывается прежде всего с необходимостью признания не столько экономической или социально-политической детерминации процессов развития человека, сколько с утверждением в них

духовно-нравственных ориентиров. Очевидно, что по-прежнему велико влияние именно экономических и технологических показателей или возможностей в обретении человеком своего благополучия, однако «статус кво» жизненных приоритетов человека **не всегда соотносим с этими выраженными характеристиками.**

Современная социальная область знания обращает внимание на различные уровни в концептуализации социального благополучия: с одной стороны, за указанным концептом прочно закрепился комплексный социальный или общественный смысл, по сути дела исключаящий или в достаточной степени нивелирующий личностные доминанты. При этом социальное благополучие – это показатель общественного развития в конкретных условиях построения экономических и политических отношений в конкретное историческое время.

Внесение корректив в переменные, составляющие суть социального благополучия с этой точки зрения, по-видимому, повлечет за собой существенное изменение самого характера или *результата* социального благополучия. Такой «результат» будет находиться в прямой зависимости от финансовых составляющих, характеристик трудовых и природных ресурсов, условий для ведения предпринимательской деятельности и много другого.

В то же время будет иметь значение и исторический фактор: темпы развития социальных институтов в разные эпохи могут разительно отличаться, по крайней мере, становится очевидным то обстоятельство, что с началом XXI века масштаб практически всех социальных процессов заметно увеличился. Так, например, мировой финансовый кризис повлек за собой перестраивание всех без исключения внутрисоциальных социальных обязательств, хотя раньше в условиях идеологической детерминации такая зависимость была сведена к минимуму.

В социогуманитарном знании более отчетливо обозначены такие акценты в понимании социального благополучия, которые имеют решающее значение как для отдельно взятого человека, так и для общества в целом в данное историческое время.

Но все же, на наш взгляд, социальное благополучие чаще всего «примеряется» к обществу, чем к отдельно взятому человеку. В этом случае упор делается на недостижимость или невозможность достичь социального благополучия для одного человека. Мера его богатства в денежном выражении еще не может быть признана «результатом» социального благополучия в данном случае, поскольку опускаются иные социально значимые позиции – общественное признание, вклад в развитие культуры, смысложизненные ориентиры и т.д.

Как видим, социальное благополучие в характеристике современных социальных изменений в наименьшей степени связывается с такими показателями как человеческий потенциал, ценностные доминанты и др. Между тем «результат» социального благополучия должен быть соотнесен с теми характеристиками, которые являются жизненно необходимыми для развития человека, закрепления его социально значимой позиции, мировоззренческих установок. Речь в этом случае идет о ценностно-смысловых комплексах, доминирующих в развитии человека, выражении его сущности.

К ним могут быть отнесены межличностные отношения, любовь и уважение старших, родных и близких, проявления альтруизма и филантропии, потребность в оказании материальной и моральной поддержки людям, нуждающимся в такой поддержке и т.д. Эти ценностно-смысловые комплексы влияют на внутренний мир человека, определяют его мировоззренческие установки. В то же время необходимо учитывать важность антропосоциального фактора, оказывающего воздействие на обретение человеком своего благополучия, нуждающегося в общественном признании или оценке. К сожалению, такое признание так или иначе связывается с показателями экономического свойства и прежде всего с финансовым благосостоянием человека. Как полагают некоторые исследователи, в желании человека достичь высот в материальном благополучии практически стираются грани гармоничного сосуществования человека и окружающей реальности – каждодневная забота о приращении богатства сводит на нет все духовные интенции человека.

Более того, «увлеченность» материальным достатком и возведение в культ богатства очевидно притупляет человеческую рефлексивность, переводит его существование в экономический мир, делает его чувства сообразными прагматизму и рациональности. По данным, полученным европейскими социологами в 2008 году, поток благосостояния, роскоши, богатства, стремление к обогащению по сути дела отменяют личностный рост человека и переводят ценности семьи, творческие устремления, душевность в общении в разряд второстепенных ценностных векторов развития личности. Культивирование благополучия, связанного с рациональными ценностно-

смысловыми комплексами, в общем и целом соответствует общеевропейской тенденции мегаглобализации, распространившейся во всех сферах человеческой индивидуальной и коллективной жизнедеятельности. В Российской Федерации, где разрыв между бедностью и богатством – если брать в расчет экономические показатели благополучия – достаточно велик и далеко отстоит от мирового уровня.

Антропосоциетальный *базис* благополучия содержательно раскрывается в специфических оценках человеческой деятельности, требующих социального признания или порицания. Антропосоциетальный базис социального благополучия человека – это ценностно-смысловая система, обеспечивающая всестороннее развитие человека в условиях все более возрастающего масштаба социальных отношений, связанного с усложнением уровней социальной коммуникации, изменением социальной структуры, трансформацией многих социальных институтов. Именно с точки зрения антропосоциетальных показателей становится более отчетливой «программа» достижения человеком социального благополучия. И главное при этом состоит в том, что социальное благополучие не должно замыкаться в рефлексивных оценках самого человека. По мысли Ф. Рейца, «каждый человек прежде всего устанавливает строгую планку собственного оценивания своего мира, его состояния, сопутствующих ему острых проблем и возможностей их преодоления, но этого явно недостаточно в современной жизни. Общество не сможет дожидаться такого человека на перекрестке, оно стремительно идет вперед и уничтожает миражи на пути такой личности.

Что это значит? С очевидностью нужно признать, что человек должен постоянно заглядывать в будущее, чтобы предвидеть те сложные барьеры, при помощи которых общество будет испытывать каждого...». Эту аллюзию, как нам кажется, можно использовать в характеристике и социального благополучия. Человек может устанавливать для себя уровень или планку обретения социального благополучия, но это исключительно субъективный план, и он совсем не обязательно соотносится с внешними обстоятельствами усложняющихся социальных отношений. Проблема заключается в том, что «планирование» социального благополучия не должно стать прерогативой только социума и важнейших социальных институтов. «Государство устанавливает приоритеты и требует их достижения от каждого гражданина, но при этом, – как отмечает Д.И. Хайруллин, – оно руководствуется излишне нормативными обстоятельствами – *инерцией* норм, правил, законов. Как бы мы не желали обратить внимание государства на то, как с течением времени меняется человек, в какой степени нормы права должны соответствовать духовной традиции народа, утратить его культурный голод, и как бы мы не хотели признать, что государство этот факт осознает и дает себе в том отчет, мы не можем до конца быть уверенными в адекватности протекания этих процессов...».

В отношении социального благополучия мера его оценки, как мы полагаем, может или должна совпадать с указанным здесь нормативно-правовым принципом: о социальном благополучии можно вести речь лишь в том случае, если оно совпадает с интенциями человека, его рефлексией, ценностными ориентациями, но в то же время согласуется с традициями и национально-культурными особенностями народа. Но также важен и **третий** фактор, а именно характер притязаний общества, воспитавшего человека, привившего ему доминирующие ценностно-смысловые комплексы. Этим и характеризуется антропосоциетальный базис социального благополучия.

7.4. Антропосоциетальный базис социального благополучия [9]

Благополучие, его осознание, интерпретация в социально-гуманитарном дискурсе нуждается в социокультурной рефлексии даже, по-видимому, в большей степени, чем в оценках социально-экономического характера. С очевидностью следует признать то обстоятельство, что граница между благом и благополучием существует, а это в свою очередь заметно расширяет эпистемологические горизонты в исследовании данных феноменов. К примеру, интерпретации концепта *благо* вызваны сложными мировоззренческими проблемами, решаемыми в рамках философии.

Несмотря на всю очевидность социальной детерминированности блага и благополучия, этот концепт в равной степени соотносится с вопросами экзистенциального характера (благо как возможность выхода человека из круга одиночества, оставленности, как преодоление отчуждения человека и окружающей действительности), религиозно-мировоззренческого (благо как данность божественного проведения, прозрение и путь к Богу), символического (благо как

конвенциональная система знаков и знаковых комплексов, вне которых человеческое существование не представляется возможным), герменевтического (благо как «идентификатор» связей людей в социальной реальности) и т.д.

По всей видимости, можно говорить о том, что из всех отдаленных от законов экономического развития областей знания ценностно-смысловой взгляд на мир оставляет за собой философия, но не та философия, которая морализирует и загоняет человека в угол вечными, «проклятыми» вопросами, а философия, связующая человека, общество и культуру в их важнейших приоритетах. Эти приоритеты давно известны – сохранение национального своеобразия культуры, ее духовных констант, утверждение принципов гражданского общества и вместе с этим воспитание в личности гражданственности, патриотизма и др. С каждым из этих приоритетов согласуются духовно-консолидирующие возможности социального благополучия.

В то же время рассмотрение концептов благо и благополучие не должно только замыкаться на их сопоставлении с такой, например, современной категориальной системой как инвестиции. Стала в последнее время расхожей фраза об инвестициях в человеческий капитал, однако инвестиции в человека – это фактор связанности человеческих поступков, необходимость отвечать на вложенные средства, вносить свою лепту. В этом случае, как нам кажется, речь идет не совсем о благе или благополучии, а скорее о подмене конституционной обязанности социального государства создавать условия для всестороннего развития человека понятием не правового свойства, а герменевтического. Действительно, в понимании инвестиций в человека возникает больше вопросов, чем ответов на них.

Поэтому некоторые исследователи для смягчения выраженной экономической оценочности в понятии «инвестиции в человека» вынуждены обращаться к изучению и «эффекта культурной преемственности» – другой, но не менее важной стороны современного бытования человека. Так, Г.А. Ястребов в статье «Инвестиции в человеческий капитал (Эффект культурной преемственности и эффект дохода)», оперируя терминами «большой» экономики и удваивая их звучание сочетанием «инвестиции-капитал», все же особо отмечает необходимость признания роли ценностно-смысловых культурных систем в достижении человеком своего *капитала*.

В антропосоциетальном базисе социального благополучия экономические детерминанты не должны иметь решающего значения, хотя полностью исключить их из анализа процессов и явлений, влияющих на достижение благополучия, вряд ли представляется возможным. Если иметь в виду, что антропосоциетальный базис включает в себя, как мы уже определили, три важнейших характеристики – 1) интенции человека, его ценностно-смысловые установки; 2) «эффект культурной преемственности»; 3) возможности общества и государства в решении проблем, связанных с всесторонним развитием человека, то становятся более очевидными уровни оценок социального благополучия.

Интенции человека, его ценностно-смысловые установки. В аспекте герменевтического подхода интерпретация побуждений человека к тем или иным действиям, достижению тех или иных благ – явление сложное, раскрывающее множество противоречий. Как полагает Н.Н. Удальцов, «если спросить человека, что ему необходимо для жизни сейчас, в эту минуту, а что ему понадобится завтра или послезавтра, не следует ждать от него высказываний в пользу надуманных или нереальных ценностей. Как нам известно, никто еще не отменял первичных потребностей в пище, крове, а вторичные потребности потому так и называются, что не всегда человек связывает свое повседневное бытие напрямую с ними».

Когда задаешь человеку вопрос: что такое культура? – не ждешь рассуждений о высоких ценностях или духовности. Чаще всего звучит стереотипный ответ: это все, что сделано или сотворено человеком. Фактор *сделанности, атрибутивности* становится здесь ключевым. Любая ценность обретает для человека свой смысл, если она обретает свою протяженность или линейность. Социальное благополучие, исходя из такой герменевтической характеристики, не может быть чем-то иным, чем материальный субстрат. Для человека-потребителя это становится первейшей приметой необходимого для его жизнедеятельности предмета, явления или процесса.

Социальное благополучие, если исходить из такого понимания, достижимо только через системное потребление реалий предметного или материального мира – вещей, продуктов питания, одежды и т.д. *Поток* потребления, его непрерывность и обеспечивает социальное благополучие. В то же время *поток* потребления влияет на ценностные установки обеспеченности человека материальными благами. В рамках экономической социологии устанавливается доминирующий критерий – малообеспеченность. Он в наибольшей степени очевиден. Иные

полярные уровни обеспеченности крайне субъективны – по-видимому, понятие высокой обеспеченности благами определить крайне сложно, и оно соотносимо скорее всего с рефлексией самого человека.

По мысли Н.Е. Тихоновой, автора статьи «Малообеспеченность в современной России. Причины и перспективы», «что же касается благополучных с точки зрения их уровня жизни слоев населения, то они имеют принципиально иную профессиональную структуру – большинство в них составляют лица нефизического труда...». Как оценивать этот факт? Если брать во внимание ценностные установки людей, занимающихся интеллектуальной деятельностью, то можно предполагать возможную включенность в характеристики, необходимые для достижения достаточного уровня их социального благополучия, таких, например, показателей, как состояние в регионе законности и правопорядка, доступность для него самого и его детей высшего и среднего профессионального образования, наличие кинотеатров, открытие профильных классов социально-гуманитарной направленности в общеобразовательных школах и др.

С другой стороны, для лиц, традиционно занятых в тяжелом производстве или занимающихся физическим трудом, эти показатели могут не иметь решающего значения, в то время как уровень финансового обеспечения, напротив, всегда будет приоритетным, а иногда и единственным. Некоторые исследователи тем не менее настаивают на том, что «на специфике структурных позиций, занимаемых малообеспеченными в системе производственных и в целом рыночных отношений, сказываются не только особенности человеческого, но и культурного капитала. Его важнейшей характеристикой выступает среда первичной социализации».

Действительно, именно в процессе социализации закладывается базовый культурный капитал для развития человека и формирования его значимых ценностно-смысловых установок, однако социальное благополучие в системе притязаний человека на всем протяжении его жизни не оформляется как непереносимое или необходимое условие его бытия. Таким образом, *капитализация* интенций человека, регулируемых или направляемых извне, со стороны социальных институтов, государственных и общественных структур более очевидна, но она устанавливает жесткие требования к поведению человека. Одно из таких требований: человек должен совершенствоваться духовно, внутреннее. Современные агенты социализации все же зачастую не принимают это требование в качестве приоритетного, а иногда полагают его излишне декларативным.

Безусловно, провести четкую границу в понимании социального благополучия и обеспеченности жизни людей довольно сложно и вряд ли представляется необходимым. Но тем не менее, «проблема бедности и малообеспеченности, всегда актуальная в России, приобрела особую значимость в условиях текущего экономического кризиса, способного быстро элиминировать все полученные за период экономического роста достижения страны в сфере повышения благосостояния населения». В этом случае обеспеченность, благосостояние и благополучие становятся категориями, близкими в смысловом плане.

Вместе с тем, как нам кажется, существует и их дифференциация: *обеспеченность* обозначает определенный уровень человеческого существования, необходимый для его повседневной жизнедеятельности, *благосостояние* свидетельствует о положении человека в системе социальных связей, оказывающих влияние на его самооценку и формирующих действенные способы ее повышения за счет прежде всего социально-демографических факторов (к ним традиционно относят состояние здоровья, возраст, семейное положение, состав домохозяйства, иждивенческую нагрузку, место проживания, среду первичной социализации, *благополучие* представляет собой результат достижения определенного состояния гармоничного взаимодействия человека, общества и культуры. Слову понятию социального благополучия и категория социального самочувствия как «*определенное состояние переживания по поводу комфортности или дискомфорта своего бытия в социуме*». Так или иначе связь этих категориальных систем невозможна без ценностно-смысловой основы и теряет свое значение без учета антропосоциетального базиса социальных отношений, оказывающих воздействие на человека и общество.

Если брать во внимание базовые ценности населения как признак или механизм достижения социального благополучия, то, согласно точке зрения академика Н.И. Лапина, они сегментируются в функциональные кластеры, что позволяет увидеть антропосоциетальные доминанты в достижении человеком социального благополучия. По мнению ученого, «прежде всего обнаружили две различные вершины (высшие позиции) этих иерархий: одна из них –

ценность *жизни* человека как антропологического существа, а другая – ценность *общительности* человека, т.е. его способности к общению, взаимодействию с другими людьми, которая составляет важнейшую предпосылку, условие возникновения и развития культуры и социальности...».

Можно ли в связи с этим вести речь о том, что достижение социального благополучия будет преимущественно равняться именно на базовые ценности, которые в наибольшей степени отражают включенность человека в пространство культуры и социальных отношений? С позиций герменевтики жизни базовые ценности позволяют понять, осмыслить существо человека, его скрытые и открытые желания, стремления и возможности, однако колебания в базовых ценностях, резкое пренебрежение одними в пользу других – это основание для более детального рассмотрения вопроса о всепроникающей социальной детерминации человеческих интенций. Видимо, поэтому *социальность* – это не только условие развития человека в его технико-технологических предпочтениях, производственных, экономических и прочих взаимоотношениях, конкретизированных определенными занятиями и тем или иным родом деятельности, но это и философская система коммуникации человека и мира, формирующая в таком общении чувства, идеи, взгляды, вкусы.

Это значит, что социальное благополучие есть результат гармонизации культуры и социальности, постижения человеком и обществом философии мира и государства. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что возможная диверсификация базовых ценностей, находящихся в зависимости от различных объективных обстоятельств – исторического времени, приоритетов философии государства, технического прогресса, уровней и мер развития человека (его образованности, политизированности, религиозности, культурности, гражданственности, социальности и др.). Очевидно, что это закономерно приводит к колебаниям реальности, для которой наиболее существенной и генеральной оценкой является именно социальное благополучие как показатель устойчивого, стабильного взаимодействия человека, общества и культуры.

Изменения в системе доминирующих ценностей прежде всего связываются с реформированием современного общества. Но это также затрагивает проблему духовности, решаемую преимущественно в философском ключе, а не в системе социальных координат. «Проблема духовности, – по мысли Г.В. Платонова и Е.Ю. Новиковой, – встает с особой остротой в период реформ, поскольку новый хозяйственный и социально-политический механизм не возникает стихийно, а создается целенаправленно, сознательно, в соответствии с менталитетом людей». Кроме того, как продолжают размышлять исследователи, «при анализе такого явления, как духовность, необходимо...различать исторически устойчивые черты, составляющие национальный характер, и черты личности, которые формируются у индивида, у тех или иных слоев общества под влиянием конкретных условий исторического развития».

Связь социального благополучия с духовностью, по-видимому, можно полагать условной, поскольку первое свидетельствует о достижении человеком его экономических «высот» или накоплении человеческого капитала, в то время как второе обществу неподконтрольно, дается ему генетикой тысячелетий. Некоторые исследователи, полагая, что «именно идея социальной справедливости осуществляет интеграцию общества», практически отказывают духовности в консолидации индивидов. Напротив, твердая убежденность в том, что духовность спасет мир, выглядит еще большей декларацией, чем, к примеру, утверждение о достижимости идеалов общественной жизни.

«*Эффект культурной преемственности*». В антропосоциальном базисе социального благополучия культурная преемственность есть необходимое условие трансляции культурных ценностей от одного поколения другому. Культурная преемственность обеспечивает континуальный характер социального бытия людей, но в то же время актуализирует важные вопросы, связанные с мировоззренческими установками и в целом с духовным самосовершенствованием человека, его внутренним развитием.

Проблема духовности является традиционной для любого общества на любом этапе его конкретно-исторического развития. Сложные вопросы совершенствования человека, его развития, как известно, относятся к кругу неразрешимых, онтологических. Проводить какие-либо параллели в достижении человеком социального благополучия и обретением духовности или духовных состояний вряд ли представляется возможным на любом из уровней научных обобщений. Вместе с тем отчетливо вырисовывается позиция, согласно которой социальное

благополучие как уровень или степень выраженной *социальности* человека, его включенности в широкий спектр социальных отношений и связей, «отменяет» многие базовые ценности группы или общества, включаемые в систему духовной жизни человека. Тем не менее роль культуры и *культурного* в оценках социального благополучия занимает далеко не последнее место. По мнению некоторых исследователей, «важно отметить еще одну существенную черту современных глобальных социальных изменений. Утверждение новой реальности происходит не только в результате воздействия объективных условий и факторов, но и под эгидой повышения роли субъектности, внутреннего мира людей».

С этой точки зрения социальное благополучие является не просто результатом накопления культурного капитала, его итогом, а процессом закрепления человеком его роли в сохранении и трансляции социокультурного опыта в межпоколенном взаимодействии. Социальное благополучие, таким образом, невозможно без утверждения приоритетных ценностей, отчетливых перспектив их развития в обществе и в то же время для него необходимо конструктивная коммуникация поколений. Именно фактор *поколений* в антропосоциетальном базисе социального благополучия выступает основным условием его оценивания.

Межпоколенное взаимодействие становится решающим как в актуализации определенных духовно-консолидирующих смыслов социального благополучия, так и для признания важности ценностно-смысловых комплексов культурного развития и культурной интеграции в достижении благ. Становится очевидным, что благополучие с точки зрения определения *духовно-консолидирующего потенциала* представляет собой совокупность ценностно-смысловых показателей, выявление которых раскроет изменения, сопровождающие общество и личность в социальной реальности. Об этом, в частности, замечает С.И. Добров, полагая, что благополучие человека и благополучие общества не могут совпадать абсолютно – для одного состояния характерны устремления в настоящее, для другого – устремления в будущее. Согласно такой позиции, благополучие выступает своего рода хронотопом общественного развития, пространственно-временной характеристикой ценностно-нормативных преобразований.

Такой взгляд, пожалуй, в наибольшей степени удовлетворяет возможности соотнесения социального благополучия с духовно-консолидирующим потенциалом (или комплексом), обеспечивающим гармонизацию всех сфер общественного бытия. Конкретизируя такую точку зрения, следует обратить внимание на те элементы, которые являются составляющими такого комплекса.

Это прежде всего общечеловеческие ценности (добро, истина, любовь к родине, труд и др.), историческая память народа, аккумулируемая в мифологии, устном народном творчестве, национально-культурные черты (язык, культурные коды и символы и т.д.), – все эти и другие составляющие духовно-консолидирующего комплекса, влияющего на достижение социального благополучия, одновременно оказываются культуросохраняющими характеристиками.

К числу важнейших ценностно-смысловых комплексов социально-культурного благополучия, транслирование которых последующим поколениям свидетельствует о сохранении культурной трансмиссии – непрерывности в процессе передачи ценностей и норм, следует отнести следующие: знание истории своей родины, своей семьи; наличие региональных программ, направленных на поддержание творческой интеллигенции; развитие художественно-творческих объединений и коллективов; поддержка центров национальных культур; включение памятников и памятных мест в культурное наследие региона; создание национально-культурных автономий; проведение межрегиональных культурно-массовых мероприятий – выставок, смотров, конкурсов, соревнований; открытие творческих студий в школах, лицеях, высших учебных заведениях; наличие издательств и типографий; наличие информационных и развлекательных СМИ; пополняемость библиотечных фондов новой литературой и т.д.

Все эти и другие ценностно-смысловые комплексы, транслируясь от одного поколения в другое, обеспечивают достижение социального благополучия, придают ему не только выраженный экономоцентричный, но и духовно-консолидирующий характер. Подобный вектор «формирования» социального благополучия согласуется с высказываемой в научном дискурсе идеей о том, что «новое понимание значения и места культуры в жизни современного общества свидетельствует о тенденции постепенного преодоления "экономического центризма"». Примерно в этом же ключе размышляет и А.С. Ахиезер: «Сконцентрированный в культуре накопленный опыт превращается в программу воспроизводства, фокусируется в личности, испытывает органическую перестройку, перефокусацию, переосмысление, интерпретацию и

т.д.». Перечисленные здесь процессы, актуализирующие взаимодействие человека, общества и культуры, касаются в полной мере и характеристик социального благополучия.

«Программа воспроизводства» влияет на формирование новейших образов человека, для каждого из которых социальное благополучие имеет решающее значение. Однако согласно выстраиваемым концепциям личности в начале XXI века человек нового тысячелетия никак не способен будет избежать масскульта и потребительства, поэтому социальное благополучие будет достижимо именно в этих условиях развития человека, общества и культуры. Но здесь вновь акцент ставится на эконоцентризме. Вместе с тем, как считают некоторые исследователи, «мы остро нуждаемся в более реалистическом образе человека...». Воспроизводство ценностей будет адекватным в тех обстоятельствах, когда пропасть между человеком, обществом и культурой не будет обозначаться так стремительно, как это происходило в завершении двадцатого столетия.

В то же время «перефокусация» накопленного в культуре мировоззренческого опыта имеет под собой реальную почву: эконоцентричные ценностно-смысловые комплексы традиционно занимают первые позиции в достижении социального благополучия. Смена акцентов или «перефокусировка» должна изменить направленность этого процесса – от эконоцентризма к культуросоциализму. Таким образом, размышления о социальном благополучии, так или иначе, должны начинаться или завершаться констатацией факта о ценностно-смысловых доминантах в бытии человека, включенных в характеристику социального благополучия.

Важную проблему составляет интерпретация опыта коллективного и индивидуального бытия человека. В аспекте культурной динамики такой опыт представляет собой совокупность традиционных ценностей и норм, доминирующих в данном обществе и сохраняющих в нем выраженную национальную специфику. И.И. Кравченко в статье «Политические и другие социальные ценности» отмечает: «Ценности объективны не потому, что они независимы от человека, разума, истории, действительности, а потому именно, что они порождаются этими универсальными началами, которые обладают собственной объективностью: человек объективен по отношению к другим людям, сообщество людей объективно по отношению к индивиду; история объективна по отношению к действительности и человеку, живущему в ней...».

В соответствии с этим утверждением можно сделать вывод и об объективном характере социального благополучия именно в ценностном измерении, а не исключительно в экономическом или ином рациональном. Так, к примеру, духовно-консолидирующий комплекс социального благополучия для жителей Алтайского края составляет личность и творчество великого писателя В.М. Шукшина, являющегося центром единения социокультурных сил в регионе. Признание необходимости изучения таланта писателя, любовь к его художественным произведениям, их популяризация, сохранение традиции массовых шукшинских чтений также свидетельствуют о значимости для общества и для большинства людей такого культурного капитала, а следовательно, и о его отношении к условиям достижения социального благополучия. При этом интерпретационные модели для подобных ценностно-смысловых комплексов отличаются разнообразием: аксиологический уровень, семиотический и цивилизационный планы и т.д.

Интерпретация социального опыта применительно к пониманию социального благополучия требует, как нам кажется, внимания к объективному существованию и антиценностей, которые всегда играют в каждом обществе в любую историческую эпоху заметные роли. И.И. Кравченко указывает на объективность связи ценностей и антиценностей, рассуждая следующим образом: «Объективность ценностей подтверждает один аксиологический парадокс: наличие негативных ценностей, или...ценностных антиформ: неравенства, бесправия, бесчестия, безобразия и т.п.». Близость ценностей и антиценностей обуславливает сложный путь к достижению социального благополучия. В социальной жизни не могут быть только позитивные начала, хватает и выраженных негативных изменений, а поэтому для обретения социального благополучия необходимо найти действенный и эффективный способ уравнивания отрицательных воздействий.

В сибирском регионе важно преодоление традиционных проблем экономического свойства – например, выраженной агропромышленной ориентации Алтайского края, недостаточность развития промышленного производства и т.д. Вместе с тем определенные сложности возникают и в сохранении культурного наследия, развитии у населения и прежде всего подрастающего поколения интереса к изучению и охране памятников культуры, изучению истории своей малой родины, своей семьи.

Ценностно-смысловые комплексы, определяющие возможности достижения социального благополучия в отдельно взятом российском регионе, по-видимому, не могут существенно различаться, но в то же время очевидна и специфика. Культурное наследие регионального масштаба должно быть ближе каждому человеку, проживающему на данной территории, именно он несет ответственность перед последующими поколениями за сохранность культурных ценностей. Очевидно, что обретение социального благополучия без возможностей транслирования культурного наследия невозможно в полной мере. В этом случае речь скорее будет идти о благе и о благах, получаемых человеком в процессе производства материальных, имеющих экономическую и технологическую ценность благ.

Социальное благополучие выступает как результат согласованности, гармонизации ценностей разных порядков, но при этом главным маркером такого взаимодействия должен стать эффект культурной преемственности – достижение взаимопонимания между носителями культуры, большинством представителей экономически активного населения региона.

Культурное наследие в сибирском регионе является довольно богатым и нуждающимся в защите как со стороны региональных властей и общественных организаций, так и конкретных граждан. В этом смысле забота об охране культурного наследия – это институциональная составляющая политики государства, в то время как для каждого носителя культуры важное значение имеет возможность передачи накопленных знаний и культурного опыта последующим поколениям.

Каналы передачи такого опыта достаточно разнообразны и актуализируются на различных уровнях взаимодействия человека, общества и культуры. В числе таких способов межпоколенной коммуникации следует назвать фольклор, мифологию, предания и легенды, вербальный язык, традиции и обряды, ценности и нормы, не следует забывать при этом, что в качестве трансляторов культурного опыта также выступают общеобразовательные учреждения, музеи, библиотеки, театры, клубы по интересам и т.д. Их доступность для посетителей, эффективность их деятельности, разнообразие предлагаемых способов вовлечения носителей культуры в занятия, разнообразие образовательных и просветительских программ, в том числе и тех, которые направлены на сохранение ценностей культурного наследия в регионе, бесплатность имеют решающее значение для включенности человека в социокультурное пространство. Безусловно, сохранность культурного наследия и возможность передачи культурного опыта составляют важнейшие этапы культурной динамики и составляют основу достижения человеком социального благополучия.

Возможности общества и государства в решении проблем, связанных с всесторонним развитием человека. С точки зрения антропосоциетального подхода в определении социального благополучия особое внимание должно быть уделено роли социальных институтов и в целом государства в создании необходимых условий и возможностей для обретения человеком социального благополучия. В этом по-прежнему велико влияние экономических обстоятельств, однако если вести речь о всестороннем развитии человека, одного этого явно недостаточно. По мнению некоторых исследователей, общественные структуры прежде всего в своей деятельности руководствуются именно общественными интересами и практически не оставляют внимания для человека, нивелируя его притязания.

Само по себе социальное благополучие не может стать для человека главной целью, определяющей его поступки в повседневной жизнедеятельности, хотя приходится учитывать фактор роста потребления и увеличения масштаба технологий, меняющих облик мира и предполагающих иное отношение к миру человека. Социальное благополучие для любого региона России является важнейшим показателем его стабильности, складывающейся из определенных достижений и предоставляемых возможностей в различных сферах человеческой коллективной и индивидуальной жизнедеятельности – политике, экономике, правовых отношениях и др. Вместе с тем социальное благополучие отражает и социальную безопасность региона, его способность прежде всего собственными силами преодолевать кризисы, спады производства, ухудшение экологического состояния, низкий уровень доходов населения.

Понятие социальной безопасности, таким образом, становится ключевым в оценке благополучия населения, его жизнеспособности, уровня жизни. В социогуманитарном знании сделано достаточно для выяснения и других ключевых характеристик благополучного развития регионов, в частности, в рамках социологической науки вполне сложился перечень некоторых показателей или составляющих социального благополучия. Так, М. Руткевич полагает, что

интериоризация социальных проблем, связанных с такими судьбоносными доминантами (приоритетами), как достойная жизнь человека, его включенность в социальные отношения, позволяющие ему достичь определенной стабильности в жизнедеятельности, становится возможной в русле научного познания благодаря критериям социального благополучия, жизненных стратегий, жизненного потенциала, социальных инноваций и технологий. Очевидно, что рассмотрение важнейших региональных проблем сквозь призму указанных критериев можно считать вполне резонным и адекватным тем теоретико-методологическим задачам, которые сегодня стоят в целом перед социальным знанием. Но все же решающее, на наш взгляд, значение должна иметь связь и жизненных стратегий, и социальных технологий и инноваций, и иных качественных показателей и уровней со спецификой того российского региона, применительно к которому исследуются данные характеристики.

Зачастую речь идет о любых обстоятельствах, так или иначе оказывающих влияние на социальное благополучие, его динамику или стабилизацию, обуславливается уже известными показателями. Среди них более отчетливы такие, которые связаны с вполне конкретными экономико-статистическими показателями – уровнем доходов, занятостью населения, уровнем ежемесячно получаемой заработной платы, продолжительностью отпуска и другими гарантиями трудовой деятельности и связанными с ними особенностями производственных отношений и т.д. Их адекватность верифицируется временем, особенностями функционирования государственной власти и в целом государства, складывающимися политическими и экономическими закономерностями регионального развития. Но все дело в том, что эти данные не всегда отражают социальные проблемы личностного порядка – те проблемы, которые испытывает на себе человек в повседневной жизни и предпринимает усилия для их решения постоянно, в течение всей своей жизни. С учетом развития человеческого потенциала и должны проводиться исследования социального благополучия.

Важнейшими характеристиками социального благополучия, зависящими от личностных приоритетов и ценностных ориентаций, социальных устремлений, **должны стать как раз те показатели, которые отражают особенности развития человека.** Среди них особого внимания заслуживают следующие: развитие культуры региона; сохранение культурных ценностей и норм, национального своеобразия культуры; духовная жизнь человека; смысло-жизненные ориентации личности; обеспеченность образовательными учреждениями (в том числе высшими учебными заведениями); шаговая доступность культурно-массовых мероприятий, музеев, библиотек, театров, кинозалов, художественных выставок; религиозность населения (в том числе отношение к религии и конфессиям различных социальных слоев и групп населения).

Эти показатели являются необходимыми в оценке социального благополучия *человека*, но поскольку социальное благополучие всего *населения региона* не складывается из совокупности отдельно взятых системных показателей благополучия каждого жителя региона, необходимо иметь в виду и прочие системообразующие характеристики. Они в большей степени связаны со спецификой региональной экономики, распределением политических сил, состоянием законности и правопорядка на территории региона и отдельных его образований, состоянием соблюдения прав и свобод человека и гражданина и т.д.

Таким образом, в определении социального благополучия человека и оценке социального благополучия населения региона существуют различия, предполагающие компаративистский анализ получаемых данных. Подобный опыт, как известно, уже наработан, например, социологией региона или экономической социологией и социологией труда, но вместе с тем необходимо отметить, что не всегда указанное различие в понимании двух «различных мер» социального благополучия в прикладном знании достигается. Это, думается, может достаточно заметно исказить получаемые сведения или сделать их более декларативными, а значит, малоубедительными либо неактуальными.

В сибирском регионе доступность благ для человека менее выражена из-за сложностей объективного характера – нелегких климатических условий труда, недостаточной развитости производства, определенного состояния трудовых ресурсов и т.д., **но социальное благополучие вполне способно обрести реальные очертания при следующих условиях:**

- 1) если человек получает открытый доступ к традиционным ценностям;
- 2) если человек имеет возможность посещать учреждения культуры, образовательные и просветительские мероприятия;
- 3) при существующих реальных возможностях сохранения исторической памяти;

- 4) при фиксации народного фольклора, распространенного на данной территории, его филологической обработки и изучения;
- 5) при сохранении семейных ценностей (уровень интенций человека, его ценностно-смысловых установок в антропосоциетальном базисе оценивания социального благополучия);
- 6) возможности осуществления межпоколенной трансляции ценностей и норм, традиций и значений;
- 7) в условиях сохранения традиционных систем образования, здравоохранения, семейных отношений, социокультурной деятельности и т.д.;
- 8) создание ценностно-смысловых комплексов, способствующих духовно-нравственной консолидации населения в единый уникальный социум (уровень достижения и закрепления «эффекта культурной преемственности» в обществе» в антропосоциетальном базисе оценивания социального благополучия);
- 9) когда государство на должном уровне обеспечивает охрану правопорядка и законности;
- 10) при разработке и внедрении эффективных программ социально-экономической поддержки населения с учетом региональной специфики;
- 11) при создании условий для доступности образовательных и культурных учреждений и повышении качества образовательных и медицинских услуг для населения и т.д. (уровень взаимодействия общества и государства в решении проблем, связанных с всесторонним развитием человека).

Глава 8. Социальное здоровье общества

8.1. Междисциплинарное исследование социального здоровья [10]

Проблема социального здоровья в гуманитарных и социальных науках начинает мещаться с уровня социальной организации на личность. Социальное здоровье человека ктивно изучается в философии, социологии, психологии и педагогике.

Известный российский философ Ю.Л. Шевченко придерживается мнения о том, что эффективное решение проблемы социального здоровья человека может быть найдено олько на основе междисциплинарного подхода.

Важный вклад в философское осмысление феномена социального здоровья внесли такие ученые, как А.М. Изуткин, Е.Н. Кудрявцева, Ю.Л. Лисицын, Л.Г. Матрос, В.И. Петленко, Т.Б. Сергеева, Г.Б. Степанова, Г.И. Царегородцев и др. Разработке проблемы социального здоровья посвящено значительное число социологических исследований. Наиболее известны исследования этой проблемы таких авторов, как Е.В. Дмитриева, Р.А. Зобов, В.Н. Келасьев, Л.В. Колпина, О.А.Рагимова, Т.Б. Соколова, Н.А. Чентемирова и др. Исследования по проблемам индивидуального социального и психологического здоровья детей обсуждаются в монографиях И.В. Дубровиной, Е.Н. Приступа, О.В. Хухлаевой и др. Теоретические аспекты проблемы социального здоровья человека представлены в работах ведущих психологов - В.А. Ананьева, Л.А.Байковой, О.С. Васильевой, И.В. Кузнецовой, Г.С. Никифорова, Р.В. Овчаровой, Ф.Р. Филатова и др.

В философских работах социальное здоровье человека рассматривается в контексте взаимодействия личности и общества. Выделяя признаки нормального взаимодействия общества и личности, Т.Б. Сергеева подчеркивает, что в современной философии всё больше укрепляется мнение о нарушении человеческого гомеостаза социогенными факторами. И в этом взаимодействии «человеческий организм оказался не так автономен в социальной среде, как это представлялось ранее».

Т.Б. Сергеева дает свою трактовку понятия социального здоровья человека, отмечая его сущностный момент (наличие социальных контактов) и важнейший признак (организация гармоничного взаимодействия личности с социумом). Раскрывая понятие «гармоничное взаимодействие личности и общества», Т.Б. Сергеева делает акцент на такой его особенности, как устойчивость, которую она считает «одним из главных

признаков, обеспечивающих социальное здоровье» и нормальное состояние общества и личности. Самыми значительными факторами устойчивого взаимодействия автор считает семью, школу, религию.

Категорию социального здоровья Т.Б. Сергеева предложила рассматривать в четырех аспектах: с учетом качеств макросреды; с учетом качеств микросреды; с учетом качеств личности; с учетом индивидуальных биологических качеств человека. Она выделила множество критериев социального здоровья личности. Это - социокультурная активность, способность к дифференциации социальных явлений по критериям нравственных норм, способность к интеллектуализации личной деятельности, способность к идентифицированию себя с элементарной и кумулятивной группой, способность личности ощущать свободу в покое, способность к самоорганизации и к организации взаимодействия с социумом, способность к критическому мышлению, способность к саморефлексии, способность испытывать чувство доверия к другим.

Предлагаемый перечень критериев социального здоровья носит разноуровневый и описательный характер, представляя собой набор тех или иных интеллектуальных, эмоциональных и поведенческих характеристик человека, который можно дополнить многими другими. Выбор основан на субъективных предпочтениях автора и не содержит доказательного обоснования.

Наибольшее количество теоретических исследований проблемы социального здоровья человека представлено в социологических работах, что обусловлено общественной и практической значимостью этой проблемы.

В современной социологии социальное здоровье трактуется как состояние индивидуума, группы, общества, соответствующее норме с точки зрения всех статусных параметров (психологического, семейного, социального, культурного, экономического, этнического). В социологии здоровья социальное здоровье – это здоровье общества или его общностей (страт, групп). Ученые-социологи в основном оперируют понятиями «социальное здоровье населения», «социальное здоровье общества», «социальное здоровье индивида».

Социальное здоровье – это ресурс, социальный капитал, необходимый как молодежи, так и взрослым людям для успешной социализации и социальной адаптации в новых общественно-экономических условиях, а также в условиях модернизации российского общества. По мнению О.А. Рагимовой, социальное здоровье связано с социологическими категориями «социальная адаптация», «социализация», «стратификация», «типичность», «нетипичность», «качество жизни».

Содержание категории здоровья в социологических исследованиях рассматривается сквозь призму понятий «социальное благополучие», «социальная безопасность», «устойчивость социального статуса».

Е.В. Дмитриева считает, что понятие «социальное здоровье» мало разработано в российской науке. Хотя упоминание социального здоровья с момента определения его ВОЗ встречаются достаточно часто. По мнению Е.В. Дмитриевой, «социальное здоровье - это состояние человека, не сводимое к клиническим проявлениям организма, а выражающееся в удовлетворенности условиями труда, социально-экономическим положением и семейно-бытовыми условиями». В одном из социологических исследований дается близкое по смыслу определение: «Социальное здоровье индивидуума – это устойчивое состояние благополучия, обеспечивающее успешность функционирования, развития и самореализации личности в условиях современного общества».

А.Н. Сошнев высказывает мнение о том, что в феномене социального здоровья отражается отношение общества к человеку. Факторами, определяющими социальное здоровье, являются такие макропроцессы, как глобализация общества, состояние окружающей среды, социальные катастрофы (войны, национально-этнические конфликты), экстремальные ситуации, техногенные катастрофы. Важную роль играют

процессы, идущие на уровне общества: социальная мобильность, государственная политика в области здоровья и социальная политика в целом, состояние здравоохранения и других социальных институтов, поддерживающих здоровье.

Спецификой социологического понимания социального здоровья является, во-первых, рассмотрение этого феномена в системе «личность – общество», и, во-вторых, представление о том, что это «сложный социальный феномен, возникающий в процессе взаимодействия индивида с социальной средой и отражающий уровень этого взаимодействия» (Зобов Р.А., Келасьев О.А., Колпина Л.В., Чентемирова Н.А.).

С точки зрения Р.А. Зобова и О.А. Келасьева, социальное здоровье может рассматриваться как некоторая интегральная характеристика развития личности (группы, общества в целом), взятая в единстве социальных и биологических показателей и выражающаяся в совокупности критериев жизненной удовлетворенности, соматического и психического здоровья и социальной активности.

Авторы определяют социальное здоровье как «комфортное состояние человека в рамках той или иной социальной системы».

Р.А. Зобов и О.А. Келасьев считают, что социальное здоровье есть отражение отношения общества к человеку. Оно реализуется через включение (и исключение) человека в разнообразные социальные структуры и может рассматриваться как результат такого включения. Под включением человека в среду авторы понимают «процесс целенаправленного изменения, в ходе которого человек вырабатывает свойства, требуемые конкретной средой, что позволяет ему развиваться и удовлетворять свои потребности».

На процесс включения влияют многие факторы: здоровье человека (духовное и физическое), его возраст, социальная компетентность, степень приобщенности к культуре, менталитет, мировоззрение и пр. Идеальным для взрослого человека может считаться такое включение, при котором все эти зависящие от человека детерминанты соответствуют требованиям социальной среды и способствуют ее устойчивому функционированию. Для достижения идеального включения человек должен сочетать интересы и способности, требуемые избранной формой профессиональной деятельности, находиться на том возрастном этапе, где максимально раскрываются его духовные и физические возможности, обладать явно выраженной социальной компетентностью, приобщенностью к соответствующей духовной культуре, быть носителем соответствующего мировоззрения и т. д. Залогом полноценного социального здоровья человека является стремление к достижению такого идеального включения.

Нормальным типом взаимоотношений человека и среды может считаться такой, при котором человек, гармонично включаясь в структуры социума, имеет возможность удовлетворять свои потребности, не разрушая и радикально не деформируя социум. Включение в среду должно быть подчинено задаче подлинной самореализации человека. Чрезмерное погружение в одну из сред делает человека односторонним, пространство его самореализации сужается.

Альтернативой полному включению, приводящему к обезличиванию человека, могло бы выступить частичное включение, дающее больше возможностей для глубинной самореализации. Для социального здоровья одинаково плохо как доминирование среды над человеком, так и человека над средой. Именно поэтому важно и необходимо добиваться их гармонии. Результативность включения человека в социальную среду определяет уровень его социального здоровья. Социальное здоровье человека выступает итогом совокупного действия многих условий: включенности в профессиональную, образовательную, семейную среды, материальной обеспеченности, физического здоровья и т.д. Здесь представлена авторская концепция социального здоровья человека. Однако на ее основе мы не можем выделить границы включенности человека в социальную среду и четкие критерии оценки социального здоровья.

Т.Б. Соколова под термином «социальное здоровье» понимает степень комфортности человека в окружении, включая сюда эмоционально-чувственную сферу и духовно-нравственное здоровье. Автор выделяет содержательные компоненты социального здоровья, к которым относит способность личности активно выполнять свои социальные функции в обществе, адекватно отражать окружающую среду и себя в этой среде и в сознании других людей, адекватно отражать в своем сознании свои цели и способность их реализовать. Автор считает, что рассматривать и изучать социальное здоровье можно с позиции общества (степень, в которой индивид вовлечен в социальные отношения) и индивида (удовлетворенность этими отношениями). Эта точка зрения позволяет выделить два критерия социального здоровья: объективный – характеристики включенности личности в социальные связи и отношения и субъективный – самооценка этих связей и отношений. Такие критерии имеют высокую степень обобщенности, что создает трудность в их практическом использовании.

По мнению О.А. Рагимовой, понятие «социальное здоровье» может служить критерием качественного развития человека. Согласно ее определению, «социальное здоровье в транзитном обществе – это динамический процесс сохранения и развития биологических, физиологических, психических функций личностей, оптимальной трудоспособности при максимальной продолжительности жизни различных общностей, групп и общества в целом». Она считает необходимым оценивать социальное здоровье человека с точки зрения значимости этого феномена для развития и общества, и индивида.

Другой взгляд на понимание социального здоровья человека представлен в работах Н.А. Чентемировой. По ее мнению социальное здоровье определяется социальной активностью человека, его профессиональными достижениями, высокой коммуникативностью, широким кругом общения, наличием взаимопонимания, социально-психологической поддержки. Социальное здоровье обуславливается, с одной стороны, статусно-ролевыми и аксиологическими характеристиками самой личности, а с другой – специфическим влиянием ближайшего окружения и общества в целом (детерминированного существующим социальным укладом). Социальный компонент здоровья выражается в умении адаптироваться в жизни и социуме и обладать социально-ролевой саморегуляцией. Это положение подчеркивает общественную значимость социального здоровья.

Уровневый социологический подход к проблеме социального здоровья человека представлен в работе Л.В. Колпиной. В соответствии с принятым в социологии выделением уровней социальной реальности она говорит о возможности микро-, мезо-, макросоциального анализа социального здоровья личности. На микроуровне социальной реальности социальный статус определяется местом, занимаемым индивидом в межличностных отношениях (интрагрупповой статус), на мезоуровне – положением, занимаемым в микрогруппах (профессиональный и общественный статусы), на макроуровне – в политической организации общества (политический статус). Спецификой социологического подхода к проблеме социального здоровья, по мнению Л.В. Колпиной, является рассмотрение его в рамках статусной и стратификационной концепций. Социальное здоровье определяется автором как взаимоотношение социального субъекта с социальной средой, детерминируемое его индивидуальными особенностями и социальной ситуацией. Это взаимоотношение выражается в субъективной и объективной достаточности социального статуса человека для реализации своих потребностей, целей и ценностей в процессе социального взаимодействия в соответствии с общественными ожиданиями.

Более кратко она определяет социальное здоровье как «способность к конструктивному взаимодействию личности с социальными субъектами различных уровней». Социальное здоровье тесно переплетено с установками, мотивами, ценностями и другими психологическими характеристиками человека, что позволяет

некоторым авторам говорить о социально-психологическом здоровье человека. Микроуровень социологического анализа (социального здоровья) максимально пересекается с психологией, где социальное здоровье личности является производной психологического здоровья и часто рассматривается как социально-психологическое здоровье. Социальное здоровье достигается в результате взаимодействия субъективных и объективных факторов. Субъективный фактор социального здоровья определяется готовностью личности воздействовать на социальную ситуацию и жизнь в целом, активно определять свое место в ней и свое предназначение посредством актуализации собственного потенциала и реализации ресурсов, предоставляемых обществом.

В работе Л.В. Колпиной просматривается сближение социологического и психологического подходов к пониманию социального здоровья человека. Специфика анализа социального здоровья в психологических концепциях, с точки зрения этого автора, преимущественно сводится к способности личности осуществлять межличностное взаимодействие, её социальной адаптации и социальной самореализации. Социальная адаптация, самореализация личности, социально-творческая деятельность и деятельность, детерминированная представлением индивида о собственной миссии, являются самостоятельными структурными элементами (компонентами) социального здоровья. Анализ теоретических работ позволяет говорить, по мнению Л.В. Колпиной, о психологических и нравственных предпосылках социального здоровья. Автор относит к ним гуманистическую направленность и созидательный характер деятельности, активную, инициативную жизненную позицию, примат внутреннего локуса контроля над внешним, актуализированную потребность в преобразующей деятельности, приоритет мотивации достижения в противовес избегания, социальность в противовес антисоциальности, асертивность личности.

Выделение собственно социального аспекта здоровья личности, по мнению Л.В. Колпиной, возможно при условии, если он будет осуществлен в рамках статусной и стратификационной концепций. Сущность социального статуса заключается в его ресурсах - экономическом, культурном, социальных и символических капиталах. На основе теоретического анализа социального здоровья она делает вывод о глубокой взаимообусловленности социальных и психологических характеристик личности. Категорию «социальное здоровье» автор относит только к личности, поскольку личность определяется природой порождающих её общественных отношений, в которые она вступает в процессе предметной деятельности.

Рассмотрение проблемы здоровья в педагогических исследованиях происходит в контексте проблем личностного и психического развития индивида. Е.Н. Приступа в своей монографии, посвященной проблеме индивидуального социального здоровья школьников, сформулировала его определение, используемое в рамках педагогической науки. «Социальное здоровье личности ребенка – такое состояние человека, при котором его биопсихические возможности способствуют установлению равновесия с социальной средой путем адаптации и конструктивной активизации в ней, следуя нравственным социальным нормам». Таким образом, она рассматривает социальное здоровье личности как «состояние, которое напрямую связано с особенностями личностного, психического развития».

Главным фактором формирования и развития социально здоровой личности является культура данного общества. Социокультурная динамика личности проявляется в двух отношениях: во внешнем плане она находит свое выражение в виде механизмов социализации, а во внутреннем плане – выступает в ходе свободного выбора и реализации той или иной формы социальной активности. Культура устанавливает физические, биологические и социальные границы человеческого бытия. Личностное развитие детерминировано внутренним процессом, социальной ситуацией развития, обусловлено мерой его собственной активности, определено типом ведущей деятельности, зависит от содержания и мотивов деятельности, в которой он участвует. Воздействие различных

факторов детерминируется возрастными и индивидуальными особенностями человека. Социальная адаптивность, психическое здоровье личности, наследственность составляют базу процесса формирования социального здоровья ребенка.

Социальной формой существования и развития здорового человека выступает социальное взаимодействие. Психическое (психологическое) здоровье, здоровая психическая деятельность обуславливают гармонию отношений личности с окружающим миром людей и природы, с самим собой. Лица, имеющие какие-либо нарушения психического, личностного развития, входят в группу риска развития аномии социальной стороны здоровья. Именно поведение является первым показателем нормы или аномии социального здоровья человека. Степень свободы поведения во многом зависит от степени осознанности человеком существующих социальных условий, от его умения сделать выбор и определить такую линию поведения, которая соответствовала как личным, так и общественным интересам.

Основу содержания социального здоровья человека составляет его социальный опыт, включающий знания, умения, навыки. Социальная адаптация является основным механизмом формирования социального здоровья личности несовершеннолетнего. Помимо социальной адаптации формирование социального здоровья личности ребенка обусловлено процессами социализации, инкультурации, социальным воспитанием. Е.Н. Приступа отмечает, что феномен социального здоровья ребенка связан с нравственными нормами, поскольку они выступают регулирующим механизмом, помогающим построить гармоничные отношения между формирующейся личностью ребенка и его изменяющимся социальным окружением на разных возрастных этапах. Данное равновесие личности и социальной среды помогает снизить риск как психических, так и соматических нарушений, болезней в период детства и во взрослой жизни».

В некоторых педагогических работах, посвященных проблеме здоровья, делается акцент на социально-психологических аспектах здоровья. Ю.В. Науменко проводила своё исследование в рамках программы «Школа, содействующая здоровью». Автор выделяет две формы здоровья: психофизиологическое (соматическое) и социально-психологическое, и предлагает критерии социально-психологического здоровья:

- осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»;
- чувства постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях;
- позитивная критичность к себе и собственной деятельности и ее результатам;
- способность управлять своим поведением в соответствии с социальными нормами, правилами и законами;
- способность позитивно планировать и реализовывать свою жизнедеятельность;
- способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных обстоятельств и ситуаций.

Рассмотрению проблем здоровья и здоровьесберегающих технологий в образовательных учреждениях посвящена докторская диссертация И.В. Кузнецовой. Автор интерпретирует социальное (личностное) здоровье как «определенный уровень развития, сформированности и совершенства форм способов взаимодействия индивида с внешней средой (приспособление, уравнивание, регуляция); определенный уровень психического и личностного развития, позволяющий успешно реализовывать это взаимодействие». Р.В. Овчарова, основываясь на понимании социального здоровья И.В. Кузнецовой, приводит перечень критериев социального здоровья детей и подростков:

1. адаптация в референтных общностях (семья, группа детского сада, класс);
2. овладение ведущими и другими видами деятельности (игровая, учебная, учебно-профессиональная);
3. овладение нормативным, правилосообразным поведением;
4. уравновешенность процессов социализации и индивидуализации;

5. выработка индивидуального стиля поведения (деятельности);
6. наличие самоконтроля и саморегуляции поведения в зависимости от обстоятельств;
7. общая средовая адаптация, интеграция в общество».

О.М. Бландинская дает своё понимание социального здоровья, раскрывая социальный компонент здоровья как «состояние благополучия, удовлетворенности социальными отношениями, адекватное восприятие социальной действительности, принятие и выполнение социальных норм общества». Наряду с этим она выделяет также личностный компонент здоровья, который определяет как «наличие психологических качеств, характерных для полноценной гармонично развитой, стремящейся к всестороннему совершенствованию личности».

В психологи достаточно широко используется близкое по значению понятие психологического здоровья. Понятие «психологическое здоровье» введено И.В. Дубровиной (1998). Психологическое здоровье рассматривается как динамическая совокупность психических свойств, обеспечивающих внутреннюю гармонию личности, гармонию человека и общества, возможность полноценного функционирования человека в процессе жизнедеятельности. Критериями психологического здоровья являются: способность к саморегуляции (внутренней и внешней); наличие позитивного образа «Я» и «Другого»; владение рефлексией; потребность в саморазвитии.

В.А. Ананьев считает, что использование термина «психологическое здоровье» «не вполне удачным». Он обращает внимание, что по определению «психология» («психо» и «логос») не может описывать здоровье, и содержание понятия «психологическое здоровье» отражает качества здоровой, зрелой личности. Поэтому, согласно его мнению, правильнее говорить «здоровая личность», или «личностное здоровье».

Л.А. Байкова разрабатывает проблему социального здоровья в контексте метасистемного подхода, в котором рассматриваются внешнесистемные отношения личности со средой. Социальное здоровье личности принадлежит как компонент системе внутреннего мира человека и как компонент системе социальной среды. Автор считает, что понятие «социальное здоровье» необходимо использовать для более полной характеристики здоровой, сформировавшейся личности и определяет социальное здоровье человека как «состояние гармонии между личностными смыслами и деятельностью человека, способствующее его самоактуализации и позитивному развитию социума». Развивая это положение, она рассматривает социальное здоровье как гармонию взаимоотношений человека с другими людьми, обществом, культурой, которая способствует не только эффективному развитию и самоактуализации личности, но и благотворному влиянию, которое активная личность оказывает на других людей, общество и культуру в целом.

Л.А. Байкова формулирует гипотезу относительно основных критериев социального здоровья, к которым относит социально-психологическую адаптированность; самоактуализацию; позитивную Я-концепцию; лидерские качества; смысложизненные ориентации, не противоречащие общечеловеческим ценностям; социальную направленность, креативность.

Обобщая свои исследования, автор формулирует основное назначение социального здоровья личности, которое заключается в обеспечении гармонического равновесия человека с социумом и константности базовых свойств личности в изменяющихся социальных условиях. Она видит перспективу дальнейшего изучения проблемы здоровья в разработке критериев психического, психологического, социального здоровья человека в контексте научного направления «психология здоровья» (О.С. Васильева, И.В. Дубровина, О.И. Даниленко, Г.С. Никифоров, Л.В. Куликов, О.В. Хухлаева, Ф.Р. Филатов и др.).

В рамках нового научного направления «психология здоровья» изучается и социальный компонент общего здоровья человека. Г.С. Никифоров подчеркивает

основной акцент специфики рассмотрения социального здоровья – полноценное выполнение человеком своих социальных функций. Само социальное здоровье определяется «как количество и качество межличностных связей индивидуума, и степень его участия в жизни общества». Социальное здоровье находит отражение в следующих характеристиках: адекватное восприятие социальной действительности, интерес к окружающему миру, адаптация (равновесие) к физической и общественной среде, направленность на общественно полезное дело, культура потребления, альтруизм, эмпатия, ответственность перед другими, бескорыстие, демократизм в поведении.

Проведенный теоретический обзор состояния проблемы социального здоровья человека показал важность и значимость исследования ее многогранных аспектов. Раскрыты формы, содержание и функции социального здоровья, выделено и описано множество его критериев. Анализ выделенных критериев социального здоровья показал, что эти критерии можно рассматривать как неупорядоченное множество без надежных методологических оснований. В связи с этим, поиск и обоснование интегральных критериев социального здоровья человека становится актуальной проблемой и предметом междисциплинарных исследований.

8.2. Социальная политика и социальное здоровье [11]

С начала реформ 1990-х гг. экономические и социальные процессы вступили в острое противостояние друг с другом. Социальная составляющая трансформаций тормозит и блокирует экономические преобразования. Материальное положение основной массы населения оказалось в замкнутом круге: чем ниже уровень производства и реальные доходы, тем больше нуждающихся (бедных) и меньше покупательский спрос, а это ослабляет главную производительную силу - человеческий капитал. Дальнейшие продвижения по пути становления цивилизованного рынка невозможны без решения накопившихся проблем и противоречий в социальной сфере. Стремление к продвижению лишь на финансово-экономическом участке реформ - либерализации правил хозяйственной жизни без учета всего комплекса общественных реалий - привело к "отставанию социальных тылов". Ошибочно считалось, что вначале должны осуществляться экономические преобразования, а затем, когда экономика крепко встанет на ноги в рыночных условиях, очередь дойдет до человека со всеми его заботами. Но экономика тогда стоит на одной ноге и вместо мобилизации социальной энергии народа в огромных масштабах идет растрата накопленного ранее профессионального и интеллектуального, духовного и физического потенциала.

Происходящие в России радикальные общественные преобразования происходили таким образом, что привели страну к системному кризису, который вызвал острейшие социально-экономические проблемы и не менее острые демографические следствия. Это - беспрецедентная бедность основной массы населения и поляризация общества до состояния раскола ("две России"), падение оплаты труда у значительной части работающих до уровня ниже прожиточного минимума, все формы безработицы и деградация социальной сферы с подрывом бесплатности предоставления социально значимых услуг, продолжающаяся депопуляция на базе естественной убыли населения, снижение его качественного потенциала и глубокие перекосы в миграционной подвижности. Каждая из названных проблем, влияя друг на друга, мультиплицирует негативный эффект, а в целом - разрушает социально-экономическую безопасность страны.

Первейшая задача сегодня состоит в том, чтобы достичь по крайней мере для всех групп населения уровня жизни, доходов и потребления, которое оно имело в дореформенный период (1990 г. Сказанное фактически определяет социальную политику на ближайший период. Необходим крутой маневр, радикальные реформы общественной

сферы, трансформирующие ее путем перевода на последовательно рыночные рельсы в рамках социального государства. В центре внимания большинства работ, посвященных общественной трансформации, находится ее институциональный срез, а основной акцент в них сделан на функционирование (в том числе дисфункции) формализованных институтов.

Специфика российской модели трансформации тесно связана с устойчивостью идеолого-телеологической парадигмы. Несмотря на то что общество выработало довольно прочный иммунитет к идеологическим мобилизациям самой разной направленности, эта проблема все еще актуальна. Уже в который раз в нашей истории вместо глубокого анализа реальности идет ожесточенная борьба за "правильные" модели реформирования экономики и политики ("либералы" против "государственников", "демократы" против "коммунистов").

Анализ реальной ситуации в стране показывает, что в условиях, когда старый порядок рухнул, а новому предстоит еще сформироваться, общество резко разделилось, во-первых, на адаптировавшихся к переменам (примерно, 15-20% населения, по подсчетам ИСЭПН), во-вторых, на тех, кто не только не адаптируется, но и не видит таких перспектив (аутсайдеры, которые составляют 25%), и, в-третьих, находящихся между ними в состоянии неопределенности. Огромный промежуточный пласт стремится приспособиться к рыночным условиям, но до сих пор не в состоянии выработать сколько-нибудь устойчивые модели своего социально-экономического поведения. От того, в какой степени этот слой увеличит поколения адаптированных либо аутсайдеров, будет зависеть не только результат экономических преобразований, но и судьба развития общества в целом. Население страны зачастую вынужденно, еще не вполне отдавая себе отчет (и испытывая тоску по утраченной стабильности), уже втягивается в процесс социальной трансформации.

В то же время быстрые изменения системы формальных экономических и политических институтов запустили один из ключевых трансформационных процессов - социально-экономическую адаптацию. Даже в деградированном, искаженном виде рыночные механизмы создали систему ответственности хозяйствующих субъектов за результаты их деятельности. В течение периода, уже соизмеримого с масштабом смены поколений, в России идет процесс массовой выработки и усвоения моделей социально-экономической деятельности, более или менее соответствующих сложившейся системе формальных институтов и неформальных норм.

Традиционный для нашей страны путь реформирования, игнорирующий реальный контекст, в котором вынуждены функционировать импортируемые институты, предопределил кризисный характер адаптационных процессов. По объективным оценкам, учитывающим углубление адаптационного кризиса после августа 1998 года, лишь около 10% населения успешно адаптированы, еще 15 - 20% готовы адаптироваться, если возникнут более благоприятные условия. Приблизительно 30% населения - социальные аутсайдеры, которые уже не в силах поменять свою модель социально-экономического действия. Для адаптации примерно половины жителей страны необходимы существенные изменения в функционировании формальных и неформальных институтов.

Особенности нынешнего состояния общества обуславливают несколько принципов российской социальной доктрины, определяющей социальную концепцию развития страны, ее социальную политику и соответствующие программы действий.

Первый принцип - оптимальное сочетание либерализма и социальных гарантий. "Либеральная политика" ориентирована на снижение "вмешательства государства" в решение индивидуальных проблем граждан, развитие приватизации социальных функций и маркетизацию отраслей социальной инфраструктуры. Но в исторической ситуации, когда еще не сложились соответствующие предпосылки и значительная часть населения не способна адекватно реагировать на трудности переходного периода,

проведение чисто либеральной политики, как показал российский опыт, приводит к социальному кризису, к блокированию социальной адаптации, к дезориентации отдельных групп граждан. Именно поэтому либеральная концепция в идеальном виде не может быть использована в России. Принимая во внимание традиции прошлого, особенности современных условий и провозглашенные ценности, очевидно, что радикальные реформы социальной сферы должны увязывать либеральные критерии и государственные гарантии, основываясь на модели социальной рыночной структуры российского общества, зафиксированной в действующей Конституции. Государство социальной рыночной экономики объединяет "принцип свободы рынка с социальной сбалансированностью и нравственной ответственностью каждого в отдельности за дело в целом".

Следующий принцип - радикальное повышение трудовой мотивации, ориентированной на все группы и каждый слой населения. Для экономической мотивации необходим перелом в поляризации доходов, особенно - оплаты труда, которая сегодня достигла небывалых размеров.

Дифференциация заработной платы активизирует занятость, если соотношения в доходах находятся в некотором соответствии с пропорциями в самом труде. Чрезмерная поляризация снижает мотивацию участия в реальной экономике, науке, просвещении, подрывая общественную мораль, утверждая сугубо меркантилистские ценности, криминализацию общества. Снижение трудовых стимулов не только ослабляет развитие экономики, но, как утверждают медики, ухудшает здоровье населения, способствует повышению смертности, уменьшению продолжительности предстоящей жизни. Утрата населением эффективной трудовой мотивации оказывается специфической причиной возникновения социального стресса, появляющегося вследствие невозможности честным трудом обеспечить достойное существование себе и своей семье.

Чрезвычайно важное значение получает уровень заработной платы, включая ее минимум, т.к. именно этим определяются масштабы бедности, границу которой устанавливает прожиточный минимум. А сегодня в России он необоснованно занижен. Бедное и малообеспеченное население лишено полноценной доступности к социальным услугам, определяющим воспроизводство человеческого капитала, - здравоохранению, образованию, культуре; оно вынуждено экономить на продуктах питания и качественных медикаментах.

Борьба с бедностью должна опираться на новую философию социальной политики, основанную не столько на государственной помощи, сколько на создании условий для формирования "сильной трудовой мотивации". Следует дать людям шанс самим выбраться из нищеты. Это требует прежде всего увеличения размера минимальной заработной платы, по крайней мере до уровня, рекомендованного МОТ (3 доллара в час). Если человек зарабатывает меньше, то он выпадает из нормальной взаимозависимости производства и потребления, когда население в полной мере способно оплачивать жизнеобеспечивающие товары и услуги.

Еще один принцип состоит в том, что центральное место среди социальных институтов сегодня занимает семья, которая оказывает определяющее влияние не только на демографические процессы в обществе, но и на состояние социального капитала. Роль домохозяйства связана с целым рядом факторов, среди которых: дестабилизация функционирования и снижение доверия населения к государственным и большинству общественных институтов; рост экономических трудностей, переживаемых большинством населения, увеличение экономического значения домашних хозяйств; усиление защитных функций семьи, значимости внутрисемейных отношений как эмоционально-психологического стабилизатора; повышение функций семьи в формировании и трансляции социальных и моральных норм, установления нравственного климата.

Следующий принцип включает активизацию местного самоуправления и

организаций гражданского общества (благотворительные структуры и социальные инициативы). Наряду с опорой на семью, социальная политика призвана поддерживать восстановление и обновление специализированных институтов, основанных на ценностях свободы, человеческой солидарности и взаимопомощи. Необходимость мобилизации людей на цели социальной политики требует, чтобы уже сегодня часть работ по реализации социальных программ возлагалась на самоорганизующиеся институты. В предпринимательской среде следует формировать нормы стабильного имиджа, неразрывно связанного с благотворительностью, с безвозмездным участием в социальных программах и гуманитарных акциях.

Еще один принцип касается взаимодействия федеральных и региональных усилий, кардинальная проблема которых - определение их взаимной ответственности. Остроту этой проблемы усиливает наличие значительного числа регионов, пользующихся федеральными субсидиями.

Социальное реформирование затрагивает большой комплекс разнородных отношений социального характера и потому оно, с одной стороны, не может быть осуществлено одномоментно, в течение короткого периода времени, а с другой - отдельные компоненты социальной сферы должны преобразовываться не столько в определенной последовательности друг за другом, сколько в жесткой взаимосвязке временных рамок.

В каком бы ракурсе мы ни рассматривали социальную сферу даже при самом широком толковании, достаточно четко выделяются две острейшие интегральные проблемы, существенно блокирующие происходящие в обществе экономические преобразования. Одна проблема - бедность населения во всех формах своего проявления - "зоны бедности", "новые бедные", "экономическая бедность", "устойчивая бедность" - и глубокая поляризация общества. Бедность, чудовищные различия в уровне жизни отдельных социальных групп и слоев, усиливающие друг друга - по существу, две стороны одной медали. Вторая, не менее острая интегральная проблема - это разрушение отраслей социальной сферы, которые ориентированы на удовлетворение настоятельных потребностей населения.

Бедными официально признаются семьи (граждане), душевой денежный доход которых ниже прожиточного минимума (ПМ). По данным Госкомстата РФ в среднем по стране их около 15%, или 21 млн. чел. Но данный показатель существенно колеблется по регионам страны. Если в качестве границы бедности использовать уровень доходов, который применялся для аналогичных целей в 1990 г. и был в полтора раза выше существующей, то их доля увеличится по крайней мере до 30% (44 млн. чел.). Более того, при определении ПМ следует учитывать не только потребительскую корзину, которая лежит в его основе, но и минимум жилищной обеспеченности, т.к. человеку нужна не только пища и одежда, но и "крыша над головой", то доля бедных возрастет до 40%, составив 60 млн. чел. Если в качестве границы бедности использовать не ПМ, отражающий масштаб биологического выживания лишь одного человека, а по крайней мере 1,5 ПМ, учитывая, что минимум потребления должен обеспечивать воспроизводство не только работника, но и его ребенка, то доля бедности возрастет до 60%, что составит 90 млн. чел. из 144 млн. населения. Приведенные цифры есть лишь некоторые оценки применительно к 2008 г. Но их уточнение ничего не изменит по существу.

По экспертным оценкам ИСЭПН РАН, рыночный ПМ должен быть в 2 - 3 раза выше существующего сегодня ПМ, установленного в 2005 году в качестве критерия определения бедности. ПМ (ПБПМ) определяет минимальную оплату труда, минимальную пенсию, минимальные пособия. Используя ПБПМ, получаем минимальную "рыночную модель заработной платы". Только при таких условиях работник имеет адекватные позиции, выходя на рынок труда, и в полной мере включается в систему обязательного государственного страхования как базы социального обеспечения населения. Одновременно отрасли социальной сферы начинают

функционировать в соответствии с рыночными принципами. Практика строго государственной организации здравоохранения в дореформенное время имела ряд существенных недостатков, главный из которых - низкая эффективность отрасли с точки зрения здоровья нации как цели ее функционирования. Однако каждый гражданин, включая и сельских жителей, в любое время мог получить бесплатную медицинскую помощь.

Сегодня прежняя система оказалась в значительной мере разрушенной, а новая не обрела сколько-нибудь определенных черт. При этом значение ее в обеспечении здоровья населения не повысилось, а бесплатность предоставления услуг все больше сводится на нет. Разумеется, за минусом тех 10% граждан, которые в громадных масштабах выиграли от реализации экономических реформ и не нуждаются в социальном обеспечении, готовы купить весь комплекс услуг либо в России, либо за рубежом. Следовательно, отрасли социальной сферы касаются не менее 90% населения. Кто сейчас четко может ответить на, казалось бы, элементарный вопрос: здравоохранение сегодня в России платное или бесплатное, кому и на каких условиях предоставляются его услуги? Кто платит и кто "заказывает музыку"? На самом деле услуги здравоохранения - чрезвычайно разнообразная по качеству и технологиям микшированная масса и ее по крайней мере следует структурировать.

Как формировать и встроить социальные отрасли в рынок? Ведь рынок должен покрывать все экономическое поле, проявляясь в каждом его сегменте со своей спецификой, что в равной мере касается и оплаты труда, и социальной помощи, и отраслей, производящих социально значимые для общества услуги, а не только предприятий промышленности, строительства и транспорта. На следующем этапе социального планирования необходим переход к программам действия, ориентированным на решение основных проблем, обостряющихся в обществе: проблема бедности, социальной поляризации, чрезвычайно низкой оплаты труда и высокой дифференциации заработной платы, не снижающейся безработицы, неоправданно бедного уровня пенсионного обеспечения

Сегодня нельзя не отметить важный результат адаптационных процессов трансформационного периода - заметное усиление прагматических ориентаций людей, существенно усилившаяся опора на собственный опыт, а не на требования идеологических доктрин. Возможно, впервые в истории России формируются социокультурные факторы, блокирующие идеологическую парадигму. Вполне допустимо говорить о цивилизационном сдвиге. Россия становится европейской страной не только по принадлежности к европейской культуре и своему вкладу в нее. Базовые модели социально-экономической деятельности населения, несмотря на все деформации, в типологическом смысле становятся все более европейскими, ориентированными на рациональный индивидуальный выбор

8.3. Влияние социальной политики на положение отдельных групп населения [12]

Социально-экономическое неравенство и бедность обусловлены не отсутствием ресурсов и недостаточностью темпов экономического роста, а глубоко деформированными механизмами государственного регулирования и распределения, в том числе распределения эффектов от использования и эксплуатации общественной собственности. На примере распределения эффектов экономического роста можно проследить, как осуществляются государственное регулирование и формирование доходов населения. Основу составляют два источника: фонд потребления и доходов населения - добавленная стоимость, возникающая в процессе производственной деятельности по производству товаров и услуг (традиционная экономика); добавочная

стоимость или доходы от продажи природных ресурсов, не созданных трудом отдельных лиц.

Если бы происходило распределение эффектов традиционной экономики в большей степени в пользу их создателей, то, наверное, было бы вполне обоснованным считать это справедливым. Вместе с тем распределение доходов от продажи природных ресурсов и эффектов от использования общественной собственности должно происходить в интересах всего населения, а не только доставаться тем, кому поручено управление ею или кто по тем или иным причинам получил доступ к ее эксплуатации и использованию.

Хотя в 2000-2007 гг. рост оплаты труда значительно опережал рост ВВП, но он был в пользу богатых, а не бедных. Действительно, примерно 45% совокупного прироста оплаты труда были обусловлены ростом оплаты труда 10% наиболее высокооплачиваемых работников, и более 60% - ростом оплаты труда 20% работников с самыми высокими зарплатами. Вклад прироста оплаты труда 20% работников с самыми низкими зарплатами в общий прирост оплаты труда составил менее 3%.

Еще значительно сильнее поляризация проявилась в росте доходов от собственности, поскольку наиболее высокие доходы на душу населения поступают не за счет заработной платы, а именно за счет собственности.

Бедные на 100 руб. прироста валового регионального продукта на душу населения получают прирост на 5 руб., а богатые – на 200 рублей, т.е. разница между богатыми и бедными 40-кратная.

Неудивительно, что при таком характере распределительных механизмов в результате реформ в России выиграли только 20% наиболее обеспеченного населения (9-я и 10-я децильные группы).

Группы населения со средними доходами не только не разбогатели, но и не восстановили уровень благосостояния, который они имели в 1990 г. (?Сомнение?). А группы населения с самыми низкими доходами остались за чертой абсолютной бедности.

Высокие доходы наиболее обеспеченных групп вовсе не означают, что продуктивность экономики высока или будет расти вместе с дальнейшим ростом этих высоких доходов. В 2000-е гг. среднегодовой темп роста реальных доходов 10% самых обеспеченных на 24% превысил темп роста ВВП. А это означает, что отдельные группы населения имеют институциональные преимущества, что позволяет наиболее обеспеченным «перетягивать» эффекты экономического роста на себя. Таким образом, речь идет не о недостатке ресурсов, а институциональных дефектах системы.

Рассмотрим структуру денежных доходов населения для различных доходных групп. Доходы богатых более чем на 65% состоят из доходов от собственности. Еще более разительная картина наблюдается в Москве, где доля «других» душевых денежных доходов в 2006 г. в 9-х и 10-х децилях превышает 90% душевых денежных доходов.

Но наиболее разительно отношение других душевых денежных доходов 10-го и 1-го децилей в 2006 г., равное 828, что в 2 раза превышает это отношение в 2003 г. и более чем в 15 раз – в целом по России.

Все это говорит, что, во-первых, основой благосостояния двух самых богатых групп населения является не заработная плата, а другие, «рентные» доходы, а во-вторых, концентрация этих доходов является основным фактором неравенства в РФ.

Итак, механизмы распределительных отношений работают в основном в пользу 10-20% богатого населения, дискриминируя остальные 80%, причем в большей степени первых три «бедных» дециля.

Это подтверждается также анализом реальной налоговой нагрузки для различных доходных групп. Заработную плату трудящихся облагают налогом дважды. Сначала снимают единый социальный налог с фонда оплаты труда – 26,2%, а потом еще с заработной платы 13% - подоходный налог. А человек, который живет на дивиденды, банковский процент или с аренды собственности – лишь 6-13%. Если он хранит свой вклад под проценты Центробанка, то вообще не платит с них налогов, а если занимается

предпринимательством – то 6%. В среднем по стране основные доходы у 10% богатых почти на 65-70% состоят как раз из таких доходов, а не заработной платы. А в Москве в доходах 9-го и 10-го дециля эта доля выше 90% (т.е. доля заработной платы составляет менее 10%) и налоговая нагрузка для этих децилей до 3 раз меньше по сравнению с остальными.

Все это в полной мере подтверждается тем, что численность относительно бедного населения России (с доходом на душу менее 60% среднедушевого дохода) росла с небольшими колебаниями все годы реформ: сначала – очень быстро, а в 2000-е гг. – медленно, но все же росла.

С точки зрения нормальной экономической логики (тем более логики социального государства) это представляется абсурдным и показывает, что деформация распределительных механизмов, связанная, прежде всего, с концентрацией доходов богатых, достигла такого уровня, когда нарушается даже естественная политика снижения бедности по мере экономического роста.

При анализе динамики показателей бедности и возможных путей снижения ее масштабов необходимо ясно представлять разницу понятий абсолютной и относительной бедности. Динамика абсолютной бедности, расчет которой базируется на понятии прожиточного минимума, помимо динамики показателей доходов зависит от изменений этого минимума. Выбор значения прожиточного минимума достаточно субъективен и потому снижение показателя бедности может свидетельствовать не о его реальном уменьшении, а о неоправданном занижении правительством величины прожиточного минимума, отставании ее корректировке из-за роста цен и т.п.

Показатели относительной бедности, где в качестве ее границы выступает, как правило, 60% среднего уровня доходов, используются в странах ЕС. В российских условиях, когда за счет высокого неравенства средний уровень дохода значительно ниже среднедушевого дохода, мы берем в качестве границы относительной бедности 60% среднедушевого дохода. Такой подход является, на наш взгляд, более информативным с точки зрения характеристики имманентных свойств механизмов распределения доходов.

Если говорить о реальной социальной политике, то ориентирами для оценки динамики социальных показателей и выработки мероприятий по решению социальных проблем служат в основном среднестатистические показатели, которые не только не дают реального представления о существе и глубине этих проблем, но даже дезорганизуют. Это касается, прежде всего, учета реального распределения доходов населения в рамках балансовых ограничений, обусловленных уровнем продуктивности российской экономики, и недооценки в связи с этим проблемы деформации распределительных отношений и продолжающегося углубляться социально-экономического неравенства.

Политика правительства по снижению масштабов бедности может служить хорошей иллюстрацией недооценки и даже непонимания этой проблемы. Определяя уровень бедности на основе прожиточного минимума, правительство связывает снижение масштабов бедности только с повышением МРОТ, зарплаты бюджетникам, пенсий и других пособий, выделяя для этого дополнительные средства и наивно полагая, что эти средства в основном попадают к бедным. Но, как показывает детальный анализ на уровне различных доходных групп населения, даже достаточно радикальные предложения по повышению МРОТ и пенсий не могут привести к заметным сдвигам по снижению бедности и избыточного неравенства. Эффективность этих мероприятий: только 12-15% выделяемых на эти цели ресурсов попадают действительно к бедным.

Нормативные меры по преодолению бедности, как повышение МРОТ и пенсий, являются необходимыми, но не столь однозначными и недостаточными с т.з. реального снижения масштабов бедности. Без переналадки распределительных механизмов в сторону рационального ограничения роста самых высоких доходов, в лучшую сторону не двинуться.

Основной путь корректировки распределительных механизмов – это механизмы перераспределения доходов в системе «налогообложение – социальные льготы».

Без увеличения налоговой нагрузки на сверхдоходы (в рамках существующих в развитых странах нормативов), - а это может затронуть не более 10% населения, - проблему нарастающей относительной бедности и увеличивающегося разрыва «бедные – богатые» не решить.

Снижение «избыточного» неравенства, как показывают исследования автора, будет самым положительным образом стимулировать экономический рост, в то время как увеличение неравенства ведет к замедлению этого роста и его качества, что наблюдается сейчас в нашей экономике.

Глава 9. Проблемы благополучия семьи и пожилых в современной России

9.1. Семейное благополучие в современной России: генезис и практика [13]

Удовлетворение потребностей субъектов социального действия происходит в форме исполнения семьей ее функций, а социально эффективное их исполнение представляет собой семейное благополучие. В качестве таких субъектов выступают элементы социальной структуры общества, теоретически и эмпирически определенные в их отношениях, связях и закономерностях: к ним относятся социальные общности, социальные институты, социальные группы, индивиды.

Предложенное определение семейного благополучия позволяет понять сущность и содержание, определить и ввести в научный оборот понятия «благополучная семья», «благополучие семьи» и «благополучие в семье». Анализ функций семьи на основе вышеизложенного подхода позволил говорить о семейном благополучии как отдельных субъектов социального действия, так и общества в целом. Так, «благополучная семья» определяется в качестве такой тогда, когда она исполняет функции, удовлетворяющие потребности какого-либо социального института; она есть «позитивное» представление о семье институционально ограниченного субъекта, институционально определенный феномен семейного благополучия. А это значит, что данное понятие имеет разное содержание для разных институтов.

«Благополучие семьи» есть удовлетворение потребностей семьи субъектами (посредством субъектов) социального действия и представляет собой понятие, характеризующее эффективность исполнения этими субъектами своих функций по отношению к семье. Соответственно, с позиций разных семей данное понятие также имеет разное содержание.

Понятие «благополучие в семье» представляет собой характеристику удовлетворенности индивида его семейной жизнью, индивидуально определенный феномен семейного благополучия, удовлетворение семьей (в семье) потребностей индивида. С позиций разных индивидов данное понятие также имеет разное содержание.

Основной причиной трудностей теоретической интерпретации вышеуказанного комплекса понятий сферы семейного благополучия и их отсутствия в научной литературе является широкий спектр реальных противоречий между субъектами социального действия по поводу удовлетворения их потребностей семьей (в семье). Поскольку эти потребности часто являются разнонаправленными, они входят в противоречие друг к другу. Эта противоречивость и является сущностью разногласий «кризисной», «трансформационной» и «семьецентрической» точек зрения на семейное благополучие.

Классические примеры применения генетического метода (К. Маркс, М. Ковалевский) демонстрируют убедительные эвристические возможности научного подхода к рассмотрению происхождения всего многообразия «социальных фактов» из исторически сложившихся исходных элементов общества. «Монографический» вариант данного метода позволяет сформировать теоретическую основу монистического решения проблемы согласования макро и микросоциологического уровней знания в исследованиях семьи. Такой основой выступает понятие семьи как уникальной социальной общности,

единственной из субъектов социального действия удовлетворяющей фундаментальную потребность общества в его воспроизводстве, то есть, обеспечивающей его «социальное бытие».

Теоретический анализ семьи в качестве уникальной социальной общности по соотношению признаков ее «благополучия-неблагополучия» позволил выделить в ее содержании «действительную» семью (Гегель) в качестве однозначно определенного исходного элемента общества. Это семья, которая одновременно обеспечивает удовлетворенность: индивида-члена семьи его семейной жизнью («благополучие в семье», хорошие отношения между членами семьи); семьи как социальной группы («благополучие семьи», наличие в ней обоих супругов и детей); социума в форме положительной оценки со стороны общественного мнения («благополучная семья», являющаяся социально одобряемые признаки семейного бытия). Итоговым результатом является удовлетворение основной потребности общества в его воспроизводстве («семейное благополучие» общества, оптимальный уровень рождаемости и социализации). Такая («действительная») семья есть элементарная социальная общность, социальный феномен, дальнейшее разложение которого на его составляющие есть прекращение существования самого качества социального.

Разработка понятия «социально благополучная семья», в которой практически реализуется семейное благополучие по всем его составляющим, позволила произвести логическое развертывание категориальной сферы семейного благополучия-неблагополучия через определение и формирование его точно обозначенных структуры и уровней. Такая сфера представляет собой некоторую четырехуровневую конструкцию, складывающуюся из восьми типов семей. На противоположном от социально благополучной семьи «полюсе» (самом низком уровне) находится «кризисная» семья, которая не имеет благополучия ни в общественном, ни в семейном, ни в индивидуальном. Это значит, что в ней одновременно: а) не обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость); б) не обеспечивается полнота семьи (лишь один супруг с детьми или даже ни одного, а дети растут с другими родственниками); в) в семье нет «лада» (отношения между членами семьи преимущественно конфликтные). Другие шесть категорий семей составляют два промежуточных уровня: «проблемные», в которых два параметра «неблагополучные» и один «благополучный»; и «переходные», характеризующиеся «благополучием» по двум параметрам и «неблагополучием» по одному.

Эмпирическое исследование выявило долю социально благополучных семей 10,7 процента от выборочной совокупности (N=6553) опроса, проведенного в первые годы рыночных реформ (1993-96г.), и 6,9 процента от выборочной совокупности (N=6229) опроса, проведенного через год после кризиса 1998 года; то есть, указанный кризис снизил уровень семейного благополучия в 1,5 раза при падении уровня жизни (по данным разных источников) более чем в три раза.

Таким образом можно сделать вывод о целесообразности определения понятия семейной политики как скоординированной деятельности семьи, институтов власти и общества по повышению уровня семейного благополучия. Особым объектом такой политики является социально благополучная («действительная») семья, а предметом и основным содержанием - всестороннее (материальное, социальное, идеологическое) стимулирование повышения доли таких семей в обществе.

9.2. Социальные факторы межличностного благополучия в семье [14]

В наше время, когда ослабевают экономические связи между членами семьи, а развод становится широко распространенным явлением, все большее значение для стабильности семейного союза имеют «чистые отношения» (термин Э. Гидденса) — межличностные отношения, основанные исключительно на взаимной эмпатии и чувстве удовлетворенности супружеством. Поэтому сегодня «взгляд большинства исследователей

сосредоточен на утверждении брачной удовлетворенности как важнейшей движущей силы современных брачно-семейных отношений. В то же время следует отметить, что проблема семейного благополучия как производная от межличностных взаимоотношений в семье — далеко не нова. Достаточно вспомнить гениальный роман Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина». Осмысливая, от каких обстоятельств зависят супружеские отношения и как они влияют на жизнь и судьбу человека, классик отечественной литературы разделил все семьи на два типа — счастливые и несчастные — и выявил определенную формулу счастливой семьи. Однако в последние годы проблема межличностного благополучия в российской семье приобрела особую остроту и значимость. На наш взгляд, это связано, по крайней мере, с двумя важными обстоятельствами.

Во-первых, вопрос о характере межличностных отношений в семье, который раньше относился к приватной сфере, в наше время обрел социальное звучание. Приведем некоторые факты. Статистика подростковых самоубийств свидетельствует, что 62% всех суицидальных действий подростками вызываются семейным неблагополучием. Качество семейных отношений непосредственно влияет и на здоровье детей. По данным социологических исследований, в семьях, где родители оценивают взаимоотношения как хорошие, 74% детей имеют «хорошее» здоровье, а в семье с конфликтными отношениями супругов — 53%. «Плохое» здоровье у детей отмечено в семьях с напряженными, неровными отношениями (64% против 33% в семьях с нормальными, спокойными отношениями родителей).

Во-вторых, «удовлетворенность семейной жизнью» влияет сегодня и на демографические показатели. Низкая удовлетворенность браком приводит к повышению уровня конфликтности семьи, а следовательно, к росту разводов и снижению уровня рождаемости. Результаты социолого-демографических исследований фиксируют, что «удовлетворенность семейной жизнью» является одним из факторов формирования репродуктивных установок россиян.

Данные опроса РГСУ «Семья. Демография. Социальное здоровье россиян» показали, что группа респондентов, которых полностью устраивает их семейная жизнь, демонстрирует самые высокие репродуктивные предпочтения и ожидания: среди них самая большая доля тех, кто намерен иметь не менее 2-х детей (74,6%) и самые низкие доли тех, кто хочет ограничиться одним ребенком (22,8%).

Самая большая доля людей, не планирующих иметь детей, отмечается в группе совершенно неудовлетворенных своей семейной жизнью. Среди них также зафиксирована и самая большая доля тех, кто планирует ограничиться только одним ребенком.

В связи с вышесказанным является актуальным анализ изменений, произошедший в характере межличностных отношений в семье и удовлетворенности браком за последние двадцать, трагических для нашей страны, лет.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что «мощный пресс разрушительных, деструктивных процессов в 1990-е гг. спровоцировал у россиян устойчивый рост неудовлетворенности различными сторонами жизни».

Однако для нас важно конкретизировать этот факт с точки зрения отношений в семье и выявить основные тенденции этого процесса, а именно:

- что изменилось внутри семейного союза за прошедшие два переломных десятилетия?
- уютно ли чувствует себя человек в семье и насколько он здесь счастлив?
- как повлияло «лихолетье» девяностых на супружеское счастье?

Необходимость ответов на эти и многие другие вопросы делает востребованным анализ факторов, влияющих на удовлетворенность брака.

Оценка семейных отношений

В 2008 г. Академический институт социальных исследований (АИСИ) РГСУ провел всероссийское исследование «Изменение жизни человека на постсоветском пространстве». На основе единой методики и на двух разных контингентах опрошенных,

представляющих население России, сравнивались результаты двух репрезентативных исследований образа жизни.

Первое проведено в 1981–82 гг. Институтом социологических исследований (ИСИ) АН СССР ($n_1 = 4584$), второе — в 2008 г. АИСИ РГСУ ($n_2 = 2017$). Одним из параметров сравнения выступала субъективная оценка респондентами отношений в семье.

В первом исследовании 1981–82 гг. респонденты оценивали семейные отношения через выбор одной из трех позиций: «хорошо», «удовлетворительно» и «плохо».

В исследовании 2008 г. россиянам предлагалось оценить отношения, которые в настоящее время складываются у них в семье, через выбор одной из четырех альтернатив:

- «в нашей семье все любят и понимают друг друга»;
- «семья у нас хорошая, но ссоры и конфликты, увы, не редкость»;
- «радости в нашей семье мало, атмосфера напряжённая»;
- «в нашей семье отношения зашли в тупик, нет согласия и мира».

В нашей интерпретации первая оценка - отношения в семье «хорошие», вторая - «удовлетворительные», третья и четвертая — «плохие». Или так: первая позиция означает, что семья «счастливая», вторая - «конфликтная», третья и четвертая - «несчастливая».

Результаты исследования показали, что за период с 1982 по 2008 гг. субъективные оценки семейных отношений снизились. Если в советские времена около $\frac{3}{4}$ жителей (74,3%) оценивали отношения в семье на «хорошо», то в 2008 г. так ответили менее половины россиян (44,6%).

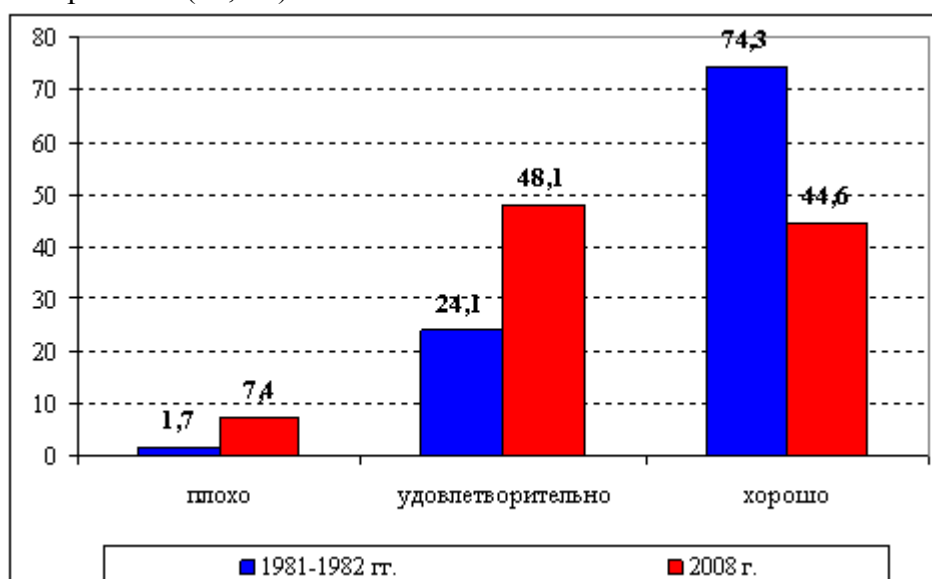

Рис. 1 Оценка отношений в семье
(в % к числу ответивших)

Несмотря на снижение доли «хороших» оценок в 2008 г. по сравнению с 1982 годом, надо признать, что и в 2008 г. россияне довольно позитивно оценили отношения в своих семьях. В целом, «хорошими» и «удовлетворительными» их считает подавляющее большинство респондентов — 92,7%. И только 7,4% опрошенных дали неудовлетворительные (плохие) оценки.

Почему же при столь позитивном оценивании семейных отношений в нашей стране такой высокий уровень разводов? Дело в том, что нельзя преувеличивать значение этого субъективного показателя. По мнению психологов, «отношение к собственному браку достаточно сложно и многозначно, кроме того, здесь более, чем где-либо действуют различные механизмы социальной желательности...».

Кроме того, удовлетворенность собственным браком или позитивная оценка брака — это лишь один из факторов стабильности семьи. В советские годы эстонский ученый Э. Гийт предложил математическую модель стабильности брака. В ней стабильность

брака прямо пропорциональна трем факторам: высокой толерантности супругов, высокой связующей силе детей и удовлетворенности браком. То есть, «удовлетворенность браком» занимает только третью позицию в списке факторов, определяющих стабильность семейного союза. Следовательно, позитивная оценка собственного брака еще не гарантирует прочность семейного союза и невозможность развода.

Факторы удовлетворенности отношениями в семье

Удовлетворенность отношениями в семье зависит от множества факторов (мотивы вступления в брак, стаж семейной жизни, количество и возраст детей, личностные особенности партнеров и их совместимость, семейный доход и т.д.), которые дифференцируются по различным основаниям, например, семейные и внесемейные, брачные и добрачные, объективные и субъективные.

В исследовании «Изменение жизни человека на постсоветском пространстве» внимание сфокусировалось на анализе социальных факторов удовлетворенности семейной жизнью (отметим, что важны, безусловно, и психологические аспекты — любовь, совместимость партнеров, личные особенности членов семьи и т.д., однако в данном исследовании они не анализировались).

В результате удалось сделать интересные выводы о влиянии жилищных условий, материального положения супругов, состава семьи на оценку россиянами своих семейных отношений.

Влияние жилищных условий

Исследование показало, что известная поговорка «с милым и рай в шалаше» сегодня не работает. В современных условиях качество жилищных условий заметно влияет на характер межличностных семейных отношений, на удовлетворенность браком.

Так, по результатам опроса 2008 года, самыми счастливыми оказались семьи с хорошими жилищными условиями. При среднем показателе «счастья» в 44,6% в группе респондентов с хорошими жилищными условиями этот показатель увеличился до 58,4% (рис. 2). При этом совокупная доля несчастных семей в этой группе составила 5,8%, что меньше среднего показателя.

В группе респондентов с плохими жилищными условиями доля счастливых семей уменьшилась по отношению к среднему показателю до 36,8%, а доля «несчастных семей» увеличилась почти в два раза по сравнению с аналогичным средним показателем и составила 13,6%.

Доля же «конфликтных» семей с удовлетворительными жилищными условиями заметно превысила долю «конфликтных» семей с хорошими жилищными условиями.

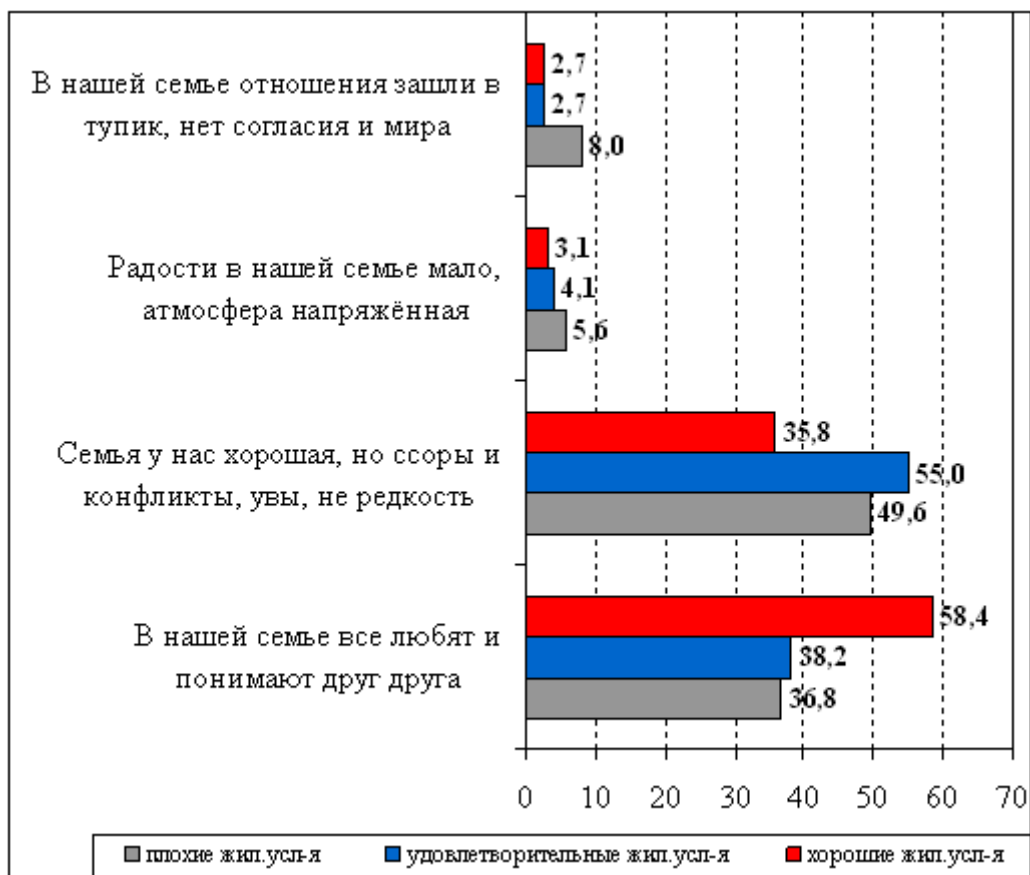

Рис.2. Оценки отношений в семье в группах с различными жилищными условиями (в % к числу ответивших)

Квартирный вопрос остро стоял и в советское время. Но, в целом, советские люди достаточно высоко оценивали качество своих жилищных условий:

- 44% респондентов в 1982 г. оценили свои жилищные условия на «хорошо»,
- 43% на «удовлетворительно»,
- только 13% на «плохо».

Высокая удовлетворенность жильем у подавляющего большинства советских граждан была следствием двух основных причин:

- государство предоставляло семье бесплатное жилье. При этом учитывался демографический состав семей, но не их доходы;
- отсутствие серьезного социального расслоения обуславливало невысокие требования граждан к качеству жилья, включая размер его площади.

Результаты сравнительного анализа исследований образа жизни в 1981–82 гг. и 2008 гг., представленные в таблице 1, показывают, что ситуация с жильем в постсоветское время только ухудшилась. Практика бесплатного предоставления жилья была сильно сокращена, а очереди на это жилье стали еще более долгими. До сих пор не могут получить жилье сотни тысяч семей, многие из которых стали на очередь еще в советское время.

На фоне существенного уменьшения доступности в получения жилья, усилились притязания наших людей к качеству жилищных условий. В относительной близости с малогабаритными «хрущевками» появились невиданные в советские времена особняки и коттеджи, таунхаусы и пентхаусы.

Таблица 1. Оценка жилищных условий респондентами в 1981–82 и 2008гг. (в % к числу ответивших)

Оценки	1981-82	2008

Плохо	13	15,9
Удовлетворительно	42,9	53,7
Хорошо	44,1	30,5

Таким образом, дефицит жизненного пространства снижает удовлетворенность семейными отношениями, провоцирует ссоры и развитие серьезных конфликтов, а затягивание решения жилищного вопроса будет препятствовать улучшению демографической ситуации в стране.

Влияние материального положения

Не столь однозначно, как в случае с жилищными условиями, оказалось влияние материального положения супругов на оценку семейных отношений.

Название мексиканского фильма, ставшего для нашего народа поговоркой, «Богатые тоже плачут» - вовсе не ирония. Результаты исследования 2008 года показали, что самые богатые семьи в России не являются самыми счастливыми. Напротив, 18,2% респондентов, которые обозначили свой имущественный статус как «деньги есть абсолютно на все», по нашей классификации относятся к «несчастливым семьям», где радостей мало и атмосфера напряженная. Это в 2,5 раза больше, чем средний показатель.

Этот вывод косвенно подтверждает парадоксальную зависимость между уровнем доходов и стремлением к разводу: чем богаче человек, тем больше такое стремление. Так, А.Б. Синельников, аргументируя данный тезис, пишет, что из тех, чей среднедушевой доход ниже прожиточного минимума, идею о разводе поддерживают только 36%; одобряющих со средними доходами уже больше — 47% — это почти половина; но все рекорды побил бизнесмены — 61%.

Самыми же счастливыми, по нашим данным, являются не богатые семьи, а семьи с «достатком». Респонденты в данном случае оценивают свой материальный статус как «трудности могут возникнуть лишь при покупке квартиры». Это, скорее всего, те россияне, которых принято сегодня относить к среднему классу.

В наши дни много говорится о роли среднего класса в формировании экономической и социальной стабильности нашего общества. Результаты исследования показывают, что средний класс в современной России может стать также основным носителем и создателем семейных ценностей, позитивных стандартов семейно-демографического поведения.

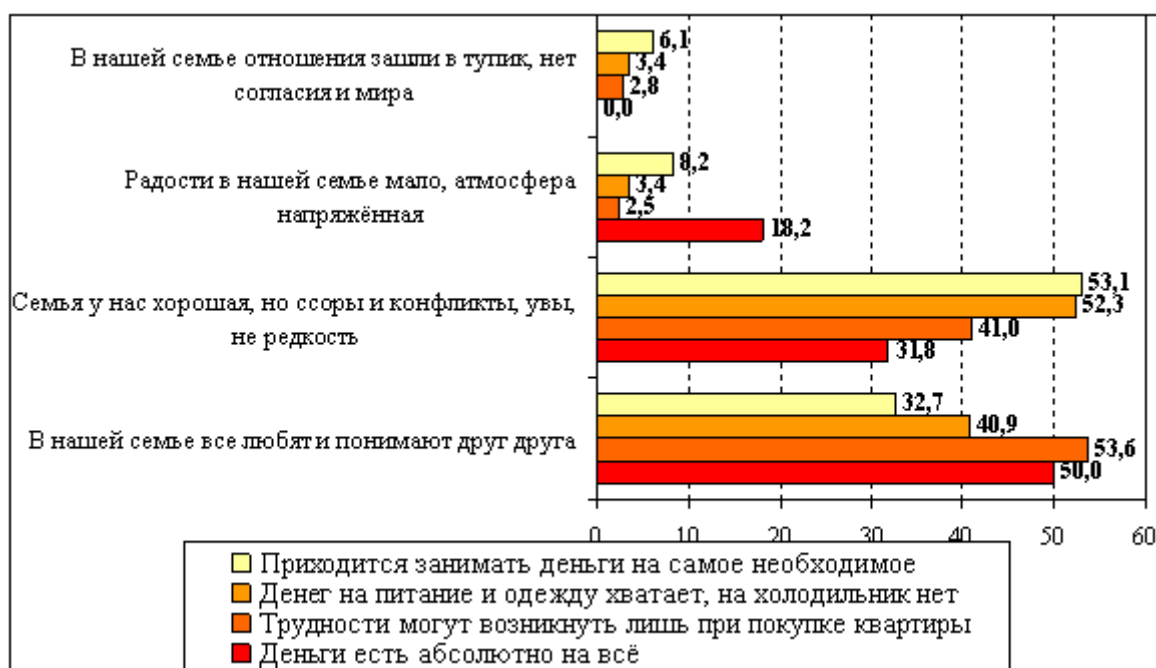

Рис. 3. Оценки отношений в семье в группах с разным материальным положением (в % к числу ответивших)

Влияние состава семьи

Следующим параметром, определяющим характер отношений в семье, является ее состав. Здесь самыми «несчастливыми» оказались супруги без детей, проживающие вместе с родителями. В таких семьях самый низкий процент (29,7%) хороших оценок отношений в семье и самый высокий процент (16,2%) отрицательных оценок.

Основная причина низкой удовлетворенности в таких семьях — межпоколенный конфликт. Это достаточно распространенное явление, даже, можно сказать, типичное.

По словам М. Вдовиной, в основе подобных конфликтов могут находиться противоречия следующих видов:

- поколенческие (например, существенная разница в возрасте);
- семейно-групповые (например, борьба за лидерство в семье) и семейно-институциональные (проблемы реализации репродуктивной и социализационной функции);
- личностные (столкновение характеров членов семьи и т. п.);
- иные (гендерные, материальные, статусные и пр.).

Интересно, что с появлением у супругов детей межпоколенный конфликт сглаживается.

Так, уже 41,2% супругов с детьми, проживающих совместно с родителями, охарактеризовали свои семейные отношения как «в нашей семье все любят и понимают друг друга» (рис. 4).

Вероятно, это связано с несколькими факторами:

- с адаптацией к существующим жизненным условиям;
- с рождением ребенка супруги переключаются на процессы воспитания, межпоколенный конфликт уходит на задний план;
- возможно, члены семьи ощущают и пользу от совместного проживания поколений, которая заключается в возможности оказывать реальную помощь друг другу.

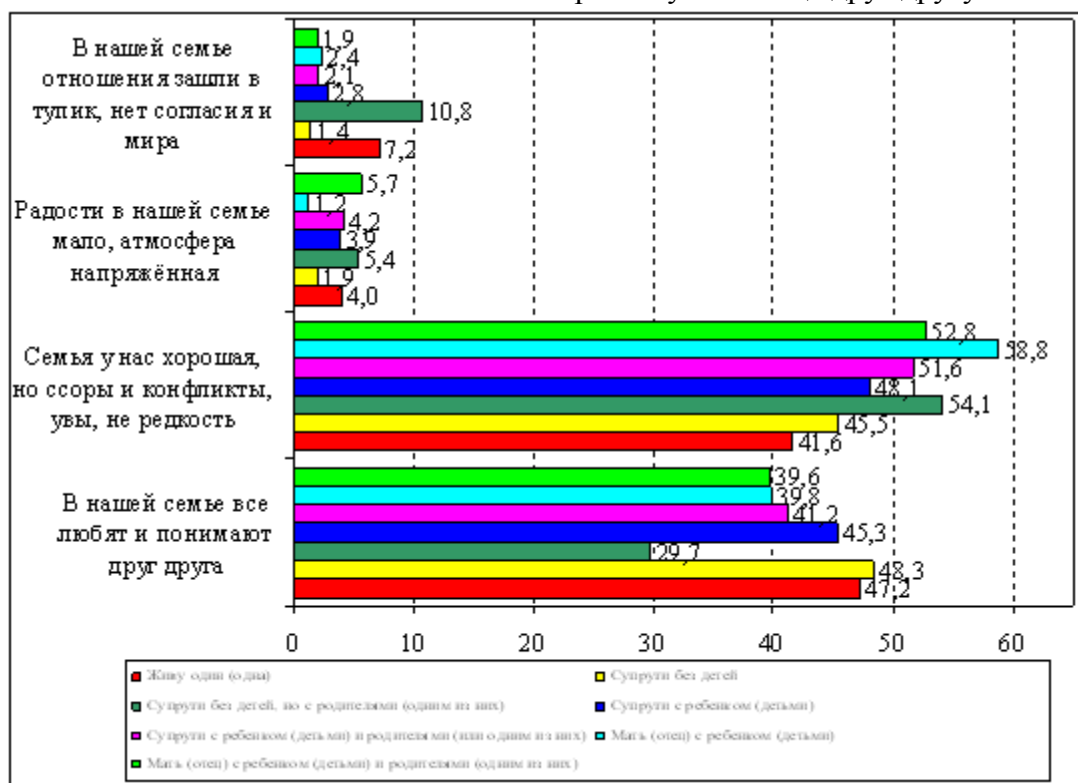

Рисунок 4 — Оценки отношений в семье в группах с различным составом семьи (в % к числу ответивших)

В ходе нашего исследования было установлено также отрицательное воздействие отсутствия одного из родителей на межличностное благополучие в семье. Доля хороших оценок отношений в неполной семье ниже среднего показателя и составляет 39,6%.

В то же время показатель конфликтности в таких семьях — самый высокий — 56,5%. А ведь доля неполных семей у нас достигает уже 35%.

Воспитательная и образовательная инфраструктура для семьи

Социальные влияния на характер отношений в семье не ограничиваются описанными выше факторами. По-видимому, полноту и качество отношений в современной семье все больше будет определять также наличие современной развитой инфраструктуры для семьи, включающей сеть медицинских, образовательных, воспитательных учреждений, условий для семейного досуга и отдыха и т. д.

В советское время была создана довольно хорошая система образовательно-воспитательной инфраструктуры, которая включала в себя ясли, детские сады, школы, учреждения дополнительного образования (Дома пионеров), спортивные секции. Отличительной ее особенностью была доступность (материальная и территориальная) для всех.

По данным опроса 1982 г. значительная доля советских родителей (41%) имела «хорошие» возможности по определению детей в дошкольные учреждения и почти 40% — «удовлетворительные».

Однако следует отметить, что некоторые проблемы с развитой сетью дошкольных учреждений сформировались еще до «перестройки». Так, около 19% родителей в 1982 г. (почти каждый пятый) оценивали как «плохие» возможности по устройству своих в детский сад.

Сейчас ситуация лишь ухудшилась: на 6% сократилась доля родителей, оценивающих возможности по устройству детей в детские сады как «хорошие». Сегодня она составляет 35,6% (рис. 5). Одновременно, более, чем на 5%, увеличилась совокупная доля тех, кто оценивает свои возможности на «удовлетворительно» и «плохо». В 1982 г. она составляла 58,8%, сегодня — 64,4%.

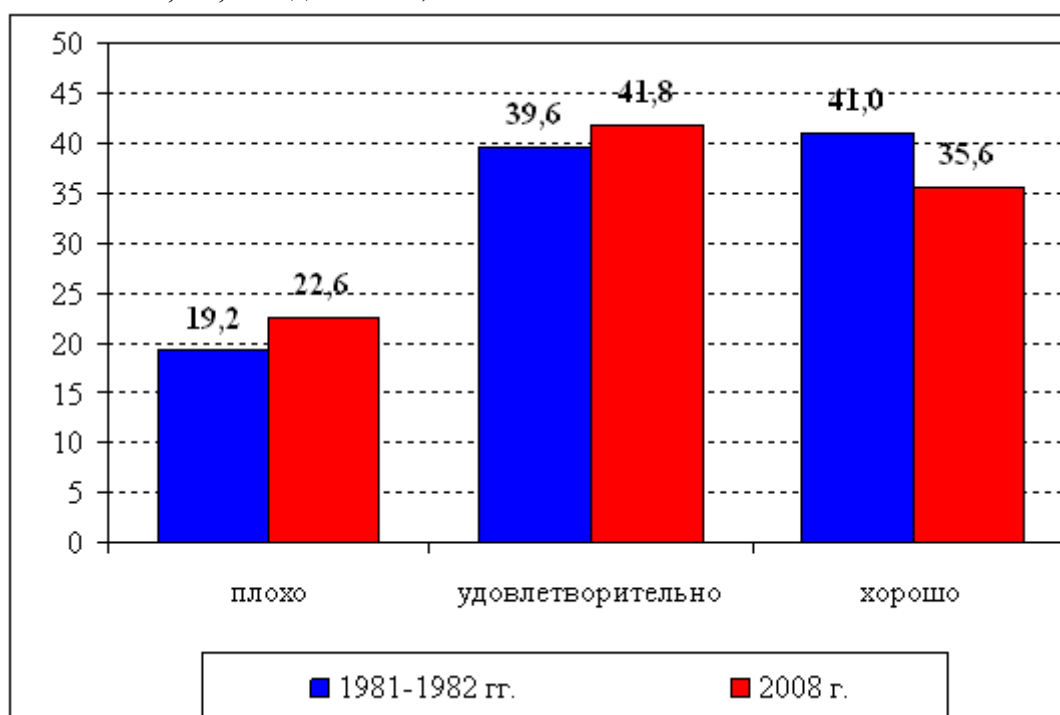

Рис. 5. Возможности для определения детей в ясли и детский сад (в % к числу респондентов, имеющих детей)

Если ситуация с детскими садами по сравнению с 1982 г. ухудшились не очень заметно (примерно на 5–6%), то совсем иначе выглядит ситуация со школьным

образованием. В 1982 г. подавляющее большинство родителей (78,2%) оценивали свои возможности для обучения детей как хорошие.

Сегодня доля таких оценок сократилась до 28,5% (рис. 6).

Падение на 50% — колоссальное. И это лишь один из плачевных результатов современной реформы системы образования в нашей стране.

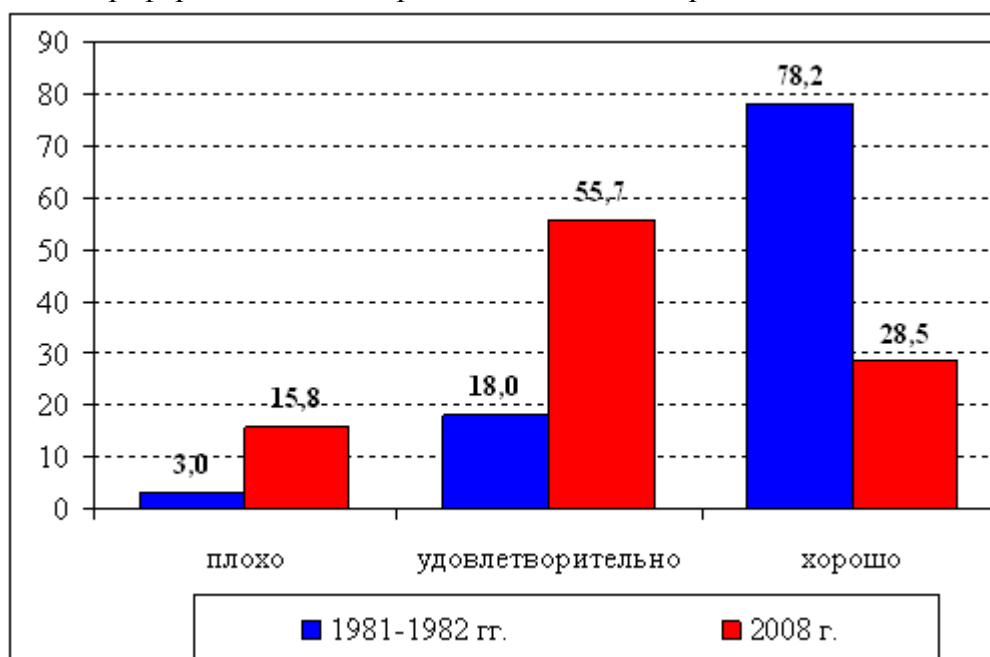

Рис.6. Возможности для обучения детей
(в % к числу респондентов, имеющих детей)

Выводы

Ограниченные возможности современной российской семьи по решению жилищных вопросов, дефицит развитой и доступной сети учреждений дошкольного воспитания, а также проблемы с обучением детей дают целый кластер негативных последствий для личности, семьи и общества. Жизнь в стесненных и убогих жилищных условиях, низкие зарплаты, проблемы связанные с устройством детей в сады и их образованием служат дополнительным источником стрессов, провоцируют семейные конфликты и неурядицы, а следовательно, способствуют разводам, сдерживают репродуктивные установки молодых родителей, то есть осложняют выход страны из сложной демографической ситуации. Вывод напрашивается сам собой.

Меры семейно-демографической политики, которые в последние три года были приняты в нашей стране, безусловно, носят конструктивный и перспективный характер.

Однако очевидно и другое. Для кардинального улучшения ситуации необходимо принять и активно проводить в жизнь дальнейшие эффективные меры государственной семейно-демографической политики, способные комплексно улучшить ситуацию в социальной сфере и обеспечить существенное улучшение демографического будущего нашей страны, нашего народа.

9.3. Социальное благополучие пенсионеров и устойчивость общества [15]

Социальное благополучие населения является одним из предопределяющих показателей политико-экономической жизнеспособности общественной системы и реально показывает ее социальную продуктивность и историческую оправданность. Социальное благополучие пенсионеров является частью благополучия социума, а пенсионная система выступает функциональной частью общественной системы. Спецификой вопроса является то обстоятельство, что в стратификационном

сопоставлении со всеми остальными слоями, группами, классами благополучие пенсионеров не имеет собственного материально-производительного субстрата данной социальной группы. Иначе говоря, благополучие является привносимым фактором в жизни пенсионеров. Патриархальное семейно-родовое общество решало проблему социальных иждивенцев в форме корпоративной ответственности в покрытии социального риска. Более того, например, наличие в нем стариков было не только социально допустимым, но и социально необходимым, без чего могла бы прерваться и материальная и социальная технология.

Данному типу общества было крайне трудно выжить без развитого института возрастного ранжирования. Современное компьютерное общество переключило акценты в вопросе социального выживания: большинству пенсионеров угрожает не только социальная изолированность, социальная подавленность, но также социальное неблагополучие и нищета; социальная полезность, в частности, стариков и инвалидов выглядит зачастую социально-исчерпанной, энтропийной.

Если согласиться с таким положением, то само общество быстро поставит себя вне рамок современной науки, развивающейся на принципах быстровременного, с интервалом всего в несколько лет, научно-технического перевоплощения. Может возникнуть критическая ситуация, когда общество может постигнуть разорванность интеллектуальной пороговости поколений, от которой возникнет опасность его гибели, как типа цивилизации:

1. Когда молодежи придется очень долго учиться (с 15 до 35 лет), дабы принять на себя компьютерное производство наукоемких технологий;
2. Когда уже работающим задолго до старости (с 35 до 60 лет) уже нечего будет "сказать" существующему типу экономики.

В первом случае, с небыстрой обучаемостью молодежи, придется не только смириться, но и следует ожидать такого футурологического смещения, когда приступать к новейшим видам деятельности людям придется после 40-летнего возраста. Следовательно, производительный цикл неизбежно сместится, ориентировочно, к 80-летнему рубежу - именно эти возрастные ножницы окажутся прокрустовым ложем для большинства существующих на земле цивилизаций.

Вот почему обществу крайне необходимо научиться поддерживать достаточно высокую социальную форму пенсионеров, которую нельзя представить без высокого уровня их благосостояния и благополучия.

Решение проблемы благополучия пенсионеров следует воспринимать как задачу проникновения в социальное будущее. Цель и основные задачи исследования социального благополучия пенсионеров формируются не только из предмета социальной статистики (и статистики) общества, но и из векторной доминанты того, чем и как живет социум сегодня и как он будет жить завтра. К задачам данного порядка необходимо отнести следующую теоретическую разрешаемость:

Во-первых, параметров социальной предрасполагаемости общества в обеспечении благополучия пенсионеров; Во-вторых, уровней социальной реабилитации пенсионеров по их максимально-допустимому включению в ткань общества; В-третьих, социально-правовой защищенности пенсионеров от посягательств со стороны других групп населения.

Источниковой базой исследования явились монографии, журнальные статьи, государственная статистика, вторичные социологические материалы, которые показывают социальное положение пенсионеров в отдельных странах мира, включая Российскую Федерацию и Южную Корею. Работа диссертантом была проведена при опоре на фундаментальные труды классиков социологии: Макса Вебера, Т. Парсонса, А. Тойнби, Г. Спенсера. В методологическом плане использовалась техника социальных экстраполяций, системный и сравнительный подходы.

Категория людей пенсионного возраста во всем мире имеет тенденцию к увеличению. Сегодня почти в каждой стране она составляет от 10 до 20% численности всего населения. Но социальное благополучие данной возрастной группы, ее место и активность в структуре всего населения, роль в организации общественной жизни - в каждой стране различны.

Принципы социального обеспечения пенсионеров, наряду с принципами социального обслуживания населения, вытекают непосредственно из государственной доктрины, закрепляющей социальный, идеологический, экономический, военный и пр. статус общества на длительную перспективу в рамках социальной солидарности.

Общественные связи в своем живом проявлении имеют различную функциональную нагрузку и, следовательно, различную социально-ценностную продуктивность. Обычно социальные отношения, характерные для макрогрупп (классы, слои, религиозные общины, политические партии, профессиональные союзы и т. п.) весьма устойчивы и обычно имеют недвусмысленную векторную направленность "от чего к чему", что по своей матрице бесконечной воспроизводительности заслуживает такого определения, как "социальный белок", несущий в себе код поведения многих предшествующих поколений. Социальная выживаемость таких мощных общественных образований объясняется, в первую очередь, высокой плотностью организованности их внутренних интересов на единицу внешне поставленных задач.* Безусловно, макрогруппы способны весьма длительно конкурировать между собой и обществом в целом. Но их распад - это лишь распад не выдержавших испытания на прочность общественных связей, поэтому население в физическом измерении ничего не теряет. Конечно, не исключается и внутрикорпоративная мутация, связанная с изменением предпочтения*-интересов. Такова жизнь общества - одни формы общественной жизни сменяются другими, одни общественные отношения уступают место другим. Так социум поддерживает сам себя в бесконечных вариациях, а главное, в бесконечном социальном времени. Благодаря этому общество более всего пригодно к бессмертию, нежели жизнь человека. Положение человека не столько уязвимо в социальном плане, как об этом принято заостренно говорить в публицистике, сколько ограничено биологически. Если исходить из точки зрения кратковременности жизни отдельно взятого человека, то для него человеческое общество всегда существует только в стадии зрелости, хотя социальная зрелость в его личной жизни имеет лишь промежуточный период - второй возраст реализует себя между первым и третьим возрастами. Исторические (полигенерационные - многопоколенческие) периоды общества трудно соотносятся с малым жизненным циклом личности: от созревания - до старения. Именно асимметрия долговременности социального (общества, группы) и кратковременности витального (индивидуума) приводит к структурной напряженности (structural strain) личности, к фазе напряженности известного состава личностей - к образованию фракции старческой группы общества, вносящей в субстрат социума резонанс социально-группового напряжения кристаллизованного слоя вынужденных иждивенцев. Так от хронической структурной напряженности появляется социальное меньшинство пенсионеров-депривантов. В социологии "депривация" означает лишение, отсутствие. Деприванты "лишенцы" в объективном и субъективном смысле. Абсолютная депривация пенсионеров - это объективное социальное положение аутсайдеров, характеризующееся пониженным жизненным уровнем, а точнее говоря, отсутствием социальных перспектив в случае социальной дискриминации со стороны сильных социальных групп или в силу своей немощи. Причиной массового появления депривантных групп являются последствия экономических кризисов, кровопролитных войн, массовой географической перемещаемости разорванных поколений, эпидемии, резкая перемена ценностей конъюнктуры, часто порождаемой новой идеологией в результате революций и политических переворотов. Социальная неустроенность депривантов дополняется их организационной аморфностью или отсутствием какой-либо организованности, как таковой. На поверхности жизни всегда существует потребность в

социальной реабилитации депривантных групп населения, одной из функций которой является пенсионное обслуживание, а также деятельность всего общества, направленная на их социальную защищенность и вовлеченность в деятельностные отношения.

Когда общество отторгает депривантов, они становятся в резкую оппозицию к политическому строю, что частично объясняет крайнюю политизацию пенсионеров в России, включая их активное поведение на выборах в Государственную Думу и местные органы власти. Участие в акциях протеста является лишь одним из возможных вариантов развития социального беспокойства таких групп населения.* Кроме внешних причин, порождающих социальную стагнацию депривантов, существует и внутренняя неразрешенность, которую можно обозначить как пересекаемость диагональных противоречий - какая парадигма организации общества более правильна: а) когда конкретно-нуждающихся содержат конкретно-заботящиеся, т.е. взрослые дети содержат только своих родителей, б) когда всех нуждающихся пенсионеров "оптом" содержат все, т.е. все зрелое поколение равнозначно заботится обо всех представителях старшего поколения как о возрастном классе. Думается, что социально справедливым и научно оправданным было бы поддержание следующего равновесия: насколько' успешно в обществе поставлено всеобщее (социальное) содержание детей, настолько и должно быть поставлено всеобщее обязательное содержание престарелых. Здесь возникают две модели общественного строя:

1. Тоталитарный, когда общество содержит всех детей и всех стариков;
2. Партикулярный, когда каждая семья все вопросы своего самовоспроизводства решает автономно, без какой-либо привязки к надсемейному союзу.

В современном постиндустриальном обществе эти две модели совмещены, хотя принципы и режим их работы различны.

Старики оказываются в диагональном пересечении двух систем интергенерационных отношений "сын - отец" и "сыновья - отцы". В зависимости от этого старики могут являться и "домашними пенсионерами" и "социальными пенсионерами".

Сегодня можно и нужно говорить о депривации пенсионеров, подвергая это социальному измерению с целью его операционализации. Все пенсионеры так или иначе происходят из общей социальной среды, в которой они чаще всего активно участвовали до смены социального статуса. Таким образом, необходимо установить относительную депривацию групп населения как "осязаемое расхождение между ожиданиями (ожиданиями) и возможностью удовлетворения потребностей"". Этот разрыв когнитивный дисбаланс - создает, по мнению Т.Гарра и Р.Дюваля, социально-психологическую напряженность, которая требует внешней разрядки.

Для любой социальной группы можно выделить те потребности, которые частично или полностью удовлетворяются, и те, которые не удовлетворяются. Т.Гарр выделяет несколько внешних факторов относительной депривации:

- абсолютную депривацию (экономическую депрессию, рост налогов, ухудшение или утрату социального статуса);
- конечную депривацию (разрушение старых ценностей, отсутствие информации о результатах успеха других социальных групп).

Субъективная оценка своего положения пенсионером как неблагоприятного, неудовлетворительного, по мнению Гарра, более значима для возникновения необходимости его социальной реабилитации, чем объективные условия. Это можно проиллюстрировать следующим примером.

Допустим, пенсионеры в свое время вносили на протяжении 40 лет по 100 долларов на социальное страхование, но будучи на пенсии, они получают пособие в 90 долларов, когда суммы их накоплений совершили за этот длительный период несколько десятков оборотов с прогрессией прибыльности. В таком случае величина относительной депривации равна 0.10. На самом деле, депривация пенсионеров может быть связана не только с неблагоприятностью пенсионной системы, а с совокупным соотношением всех

произведенных благ в фазе их социальной активности с размерами их получения в фазе социальной пассивности. Обозначенная в названии работы проблема "Социальное благополучие пенсионеров - важнейшая составляющая общественной системы" изучалась и изучается представителями многих отраслей гуманитарного научного знания: экономики, правоведения, демографии, социологии, психологии, геронтологии, экономической географии и т. д. Все они вносят свой особый вклад в исследование этого весьма сложного социального явления. В последнее время начинает обозначать себя и социология социальных иждивенцев, которую сегодня никак нельзя отнести к разряду экзотических разделов науки. Интерес к ней предопределяется рядом факторов:

- активной ролью социального человека в предопределении своего будущего в процессе социальных изменений;
- возможностями данной отрасли науки в прояснении сущности происходящих изменений и в формулировании выводов и рекомендаций;
- использованием социологических приемов и нормативов в изучении всех типов пенсионеров наряду с применением методов других наук.

Объективно-предметные характеристики социального благополучия формируются на базе устойчивых данных, представленных в совокупности знаний об обществе. Их эффективность, означающая реальное повышение продуктивности научного труда и его качества, невозможна без ясного понимания задач и особенностей предметной области, не допуская при этом их изолированного рассмотрения, когда исследователь может невольно оказаться, о чем предупреждал К. Поппер, замкнутым в своем концептуальном каркасе.

Выделим ключевые положения, которые характеризуют предметную область исследований политики социального благополучия пенсионеров: во-первых, теоретическая работа по спецификации предметной области, а также разграничение и кооперация со смежными областями исследований; во-вторых, широкое использование социологических методов исследования: анкетный опрос, интервью, анализ документов и другие; в-третьих, информационная основа исследований: конкретные сведения, рассредоточенные по различным организациям и структурам (органы народного представительства и государственной администрации всех уровней, органы статистики, исследовательские центры и другие); в-четвертых, проблемы пенсионного благосостояния на локальном уровне и выработка управляющих решений, проводимых различными организациями, включая и те, которые используют не совпадающие с традиционными подходы и научные технологии. Гуманитарная природа социологии в разработке комплекса составляющих величин социального благополучия пенсионеров выражена в тезисе о контекстной обусловленности социологических методов.

Основной методологической проблемой является разрешение коллизии между контекстной спецификой социологических методов и алгоритмической природой вычислительных средств, широко используемых в социальной статистике со всеми допустимыми отклонениями на личностном уровне. То, что может являться в благосостоянии благом для одного, может иметь отрицательное значение для другого. Поэтому наиболее нейтрально-компромиссным, "согласительным" для всех, показателем благосостояния выступает финансовая, и особенно доходная, проекция на жизнь нуждающихся в социальной защите пенсионеров.*

Контекстная проблема изучения пенсионеров в самом общем виде выражается в том, что "социологическая интерпретационная схема включает наряду с верификационной моделью неформальные, нередко не рефлекслируемые (и в этом смысле обыденные) представления, знания и опыт исследователя. Это означает, что для целей вычислительного ассистирования в социологии больших социальных групп, куда входят пенсионеры, в случае осознания проблемы контекста приходится преодолевать трудность "алгоритмизации нерелекслируемых представлений" инициаторов научного поиска.

Стратегия поисков решения контекстных проблем пенсионных персоналий состоит прежде всего в уточнении самого понятия «благополучие», т.е. в попытках анализа

субъективных "нерефлексируемых" методологических посылок в различных лингвистических, кибернетических, феноменологических и других подходах, широко используемых в прикладной социологии. Этой цели служат: во-первых, краткий обзор литературы, нацеленной на сопоставление и разработку искомым операционных понятий, близких по смыслу контекстным представлениям оценителя; во-вторых, анализ структуры и основных логических связей между социально-контекстными понятиями; в-третьих, создание компьютерной модели разработанной структуры, что делает необходимым проведение выборочного анализа текущего состояния и тенденций развития разнообразных аппаратных и программных средств, пригодных для использования в исследованиях пенсионной политики.

К числу возникающих рабочих проблем в обеспечении данного научного поиска относятся: интеграция программных продуктов компьютерного обеспечения пенсионной системы в единые технологические цепи; организация аппаратной совместимости всех "кто имеет функциональное отношение к осуществлению задач пенсионного обеспечения"; аналитическая разработка наиболее эффективных способов тактических технологических решений (например, сочетание достижений медицины, технических возможностей и благоприятной для жизни природной зоны проживания пенсионеров района).

Групповая динамика хорошо исследована в социологии. Поэтому изучать социальную унификацию всегда проще в отличие от индивидуальных миров. Жизненное богатство и сложность личности нельзя оценивать и объяснять с точки зрения превалирования общего над частным. Невозможно судить по благополучию "общего" о благополучии "частного". Отдельный субъект может быть "устроен" в жизни с точки зрения ее солидарности с деятельностью или состоянием, допустим, церковной организации, национальной безопасности, системы образования, акционерного общества (корпорации) и т. д., одновременно оставаясь социально немощным как физическое лицо. Это говорит о том, что существует принципиальная разница между обществом и личностью. Ведь личность всегда привязана к физиологии своего материального носителя - к телу и к его состоянию - к здоровью. Сущность общества лежит в его наибольшем приближении ко вневременной константе - к вечности. Эту задачу общество решает для себя вполне посылно. Именно разрешаемая жизнестойкость общества позволяет ему протянуть руку помощи отдельным людям, предохраняя и оберегая жизнь отдельного человека от преждевременной ее краткости, от кратковременности его здоровья и благополучия. Человек отдает обществу свои ресурсы социальной организованности, а взамен получает социальное время, необходимое для синтезирования времени своего биологического существования.

Выводы.

Социальная группа пенсионеров - составная часть интеграла любого типа общества. География социальных пространств показывает, что общество состоит из множества различных по силе зон социальной активности. Один и тот же компонент социальной структуры в различных плоскостях социальной деятельности имеет различную проявляемость. Более того, физическим носителем различных видов деятельности может быть одно и то же лицо, но по-разному социально реализующее себя в переменности социальных ролей. Иначе говоря, человек проходит приблизительно одинаковый со всеми людьми жизненный путь. Однако в социальном измерении он пересекает попеременно несколько фрагментов-граней, принадлежащих жизни социума. Пенсионерами не рождаются. Это один из социальных статусов в жизненном пути, предусмотренный не природой, а социумом. Аксиомой здесь, пожалуй, является взгляд, что общество не может обходиться без пенсионеров, как не бывает людей без старости. Не случайно у многих народов мира, включая русский и корейский, в фольклоре, в архетипе исторического сознания считается, что старость является наградой за правильно прожитую жизнь, а долголетие выступает кладезем социальной мудрости. Можно также сказать, что долгожители пробивают дорогу молодежи. Если учесть, что совсем недавно люди в 45-50

лет классифицировались едва ли не глубокими пенсионерами, то сегодня аналогичные социальные функции люди выполняют в 55-70 лет, иначе говоря, ресурс социально-деятельного времени резко возрос и почти удвоился в жизни одного человека по сравнению с его недавними предками. И можно ожидать, что в XXI веке в отдельных странах произойдет перенос пенсионного возраста за черту 80 лет. Ресурс продуктивно-полезного времени может легко перешагнуть черту 60 лет. Для чего необходим столь значительный ресурс социально-экспансивного времени? Дело в том, что современное общество близко к состоянию, когда обучение профессиональной деятельности будет составлять 15-20 лет взрослой жизни. Наукоемкость личности - вот главная стратегическая задача, решаемая для прорыва в будущее. И та цивилизация, которая решит эту задачу успешнее других, станет лидером человечества со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот почему изучение пенсионного вопроса нельзя отнести к разряду социологических банальностей.

Для всех слоев населения, и в наибольшей степени для пенсионеров, благополучие представляет собой явление социально-синтетическое, поэтому пенсионеры реализуют свой социальный статус именно как составная часть общества.

Функциональные характеристики института пенсионеров с точки зрения охвата социальных явлений могут быть: универсальными и специфическими; по направленности воздействия - внутренними и внешними. Кроме того, каждый отряд пенсионеров, во-первых, замыкает на себе и представляет в чистом виде одну из специфических сторон социального неблагополучия, данного людям ходом объективного порядка вещей, однако неблагополучия, подвергнутого встречной комплексной, глубокой социальной переработке, в результате чего оно теряет первоначальную остроту и низводится до уровня допустимо-терпимого явления для конкретного человека; во-вторых, реализует себя именно в пределах благополучной части общества, а не отторгается от нее, не изолируется от полноценной жизни общества; в-третьих, существует на внеидеологической и на внепартийной основе и не может связывать факт своего существования с конъюнктурным волеизъявлением или милосердием властей.

Современный неолиберализм, присущий современной России, связывает дальнейшее развитие общества с опорой на рыночные механизмы, с децентрализацией государственного регулирования и смешанной экономикой. Можно уверенно сказать, что российское общество вступило в полосу частнособственнических отношений. Следовательно, и многие социальные блага стали объектами свободной купли-продажи по весьма высоким ценам даже для благополучной части общества. Допустим, в г.Санкт-Петербурге далеко не каждая молодая семья способна содержать хотя бы одного ребенка. Разрушение механизмов репродукции физиологического и социального здоровья ставит общество в замкнутый круг, когда больные или неустроенные люди не могут породить ничего, кроме себе подобных. Иначе говоря, при нарастании роли фактора депопуляции ресурсы для поддержания пенсионеров исчерпываются. Тогда благополучие становится делом самих пенсионеров, без общественной, государственной и семейно-родственной поддержки. Вымывание, коррозия благополучия здоровой, производительной части общества, его основной номенклатуры социальных благ, ведет к угасанию производных благополучия пенсионеров. Вот почему приходится социологам работать над созданием оптимальной конфигурации универсальной социальной физиологии общества, что заставляет вновь обратиться к его первоначалам:

1. Человеческий материал, его медико-гигиеническая ресурсность, известные индивидуальные и суммарные запасы биосоциального здоровья всего населения, включая его состоятельность к генерационной воспроизводимости.

2. Материально-производственная и научно-техническая культура, обеспечивающая наиболее гармоничное множество видов деятельности среднего поколения на предмет рациональной организации размещения профессий, на расстановку рабочих мест, на наладку и качество различных видов полезных социальных работ.

3. Институционально-правовая поставленность социального государства в обеспечении наиболее оптимальной степени включенности в него частей обменных прав граждан, с выверкой и учетом их максимальных социальных (поведенческих) амплитуд уклонения от негативных издержек или полного разрушения гарантийности запрашиваемой гражданами социальной безопасности.

4. Морально-религиозные и семейно-публичные традиции со всей гаммой мотивированных, деятельных устремлений членов общества к личному успеху и процветанию в рамках добровольного поддержания ими позитивных социально-нравственных стереотипов.

Разумеется, тем больше успех в разрешении перечисленных выше задач ожидается в пользу пенсионеров, чем они полнее закладываются в социально-политическую доктрину государства:

1. Предоставление государственных гарантий для предотвращения или амортизации последствий голода, болезней, природных и техногенных катастроф, демографического "взрыва" или "вакуума" и т. д.

2. Перераспределение материальных средств и организационных усилий, направленных на обеспечение определенного, достижимого для данной страны, уровня жизни и изменения его качества в направлении, снижающем социальную напряженность.

3. Регулирование образа жизни налогами, материальными средствами, поощрением благотворительности, предпринимательской инициативы, в сочетании с репрессивными средствами, например, борьба с уклонением от уплаты налогов, идущих на выполнение социальных программ. Конечно, все отряды пенсионеров крайне различаются между собой и по жизненному уровню, и по образованию (пенсионеры-мусорщики, пенсионеры-профессора), и по состоянию здоровья (пенсионеры-инвалиды и пенсионеры-военнослужащие, которые уходят в запас с 45 лет вполне здоровыми людьми), и по смертности (инвалиды-ликвидаторы аварии на Чернобыльской атомной электростанции). Столь значительная дифференциация статуса пенсионера характерна для большинства стран мира, включая и Южную Корею. Однако общим для пенсионеров признаком является формальное отсутствие источников существования для тех представителей социально-рисковых категорий населения, кто в действительности не имеет за собой никаких защитных капиталов - пенсионная система является единственной возможностью обеспечения жизненного существования. Вместе с тем существование частных пенсионных фондов и свободная шкала размера вносимых страховых вкладов позволяет состоятельным вкладчикам фактически использовать пенсионные фонды в старости в качестве, например, высокодоходной ренты на вложенный капитал, т. е. возратить себе произведенные ранее социальные капиталовложения.

Разумеется, благополучие пенсионеров не исчерпывается филантропией и благовидностью пенсионной системы. Здесь большую интеракционную роль играет системное положение пенсионеров в общественном организме, в первую очередь, в семье. Значительное число разводов, потеря родственных отношений, отмирание позитивных традиций с культом иерархии старшинства, апатия и аморфность общественного мнения неизбежно фокусируются на положении пенсионера - превращают его в концентрат социального негативизма, обрушенного на одного человека, когда он предоставлен самому себе. Социальные стереотипы, берущие начало из наследия духовной культуры, религии, исторической памяти, по мере своего отмирания должны оптимально заменяться новыми, более жизнестойкими, приносящими в геометрической прогрессии больше социального оптимизма.

На основании проведенного анализа поставленной проблемы можно прийти к выводу, что институт пенсионеров будет стремительно развиваться в обществе компьютерной эпохи. Люди в еще большей степени овладеют искусством управления гипотетическими явлениями на предмет их упреждения: человеческой бедой, болезнями, физической немощью. В странах богатого "Севера" появится достаточное количество

ресурсов, а главное упорядочится их применение в социальной поддержке тех, кто не может сделать этого сам. Сумеет ли Россия войти в число общественных систем, благоприятных для пенсионеров?

Сегодня можно с уверенностью ответить на этот вопрос положительно. Что в России более всего внушает оптимизм, прежде всего то, что российский бизнес - один из самых "образованных" в мире. По данным фонда "Общественное мнение", доля лиц с высшим образованием среди предпринимателей превышает 80%, (а в одном обследовании - подписчиков "Ъ-Дейли" - 95%). Говоря об образовании "новых русских", следует учитывать и качественный аспект. Многие респонденты вышли из самых престижных и элитарных учебных заведений МГУ, ФИЗТЕХа, МИФИ, СПбГУ. Еще более впечатляющим на мировом уровне этот фактор проявился в генезисе крупного бизнеса. Если провести обследование уровня образования крупных предпринимателей, совпадающий с их профилем деятельности, то выяснится, что доля лиц с кандидатской степенью составляет не ниже 38% и еще закончивших аспирантуру - 11,5%, т. е. в сумме 50%.

Кроме этого, 6,5% имеют по два высших образования. Поэтому русский бизнес следует оценивать с приставкой "научно-", не ниже. Новые лидеры русского бизнеса, если принять во внимание точку зрения, высказанную в своих исследованиях признанным в мире теоретиком общества А.Тойнби, ставят большинство массы перед выбором: или принять у народа "решение общей проблемы, или довольствоваться беспомощным ожиданием последствий нерешенных проблем". Если новая русская элита окажется не в состоянии обратить в свою веру большинство, куда целиком входят все группы пенсионеров, то симфония социального благополучия в обществе не состоится. Но последние примеры, связанные со стабилизацией российской экономики, говорят о том, что новая элита, пожалуй, "действует эффективно и большинство принимает ее идеи, конверсия через "мимесис" /подражание / может стать столь сильной, что выльется в революцию". Сегодня можно утверждать, что эта социальная революция в России постепенно удовлетворит потребности всех остронуждающихся и обеспечит пенсионеров приемлемым для них социальным благополучием. Таким образом, можно ожидать, что в скором времени в России произойдет соединение двух полюсов общества: самой богатой части общества /элиты/ с самой жалкой частью общества - с пенсионерами. Средний класс в России слаб и поэтому он сможет содержать, пожалуй, в основном только себя. Высший класс, согласно А.Тойнби, неизбежно возьмет под свой контроль социальную сферу общества, применяя все современные методы научного управления обществом. Показательным для таких утверждений является факт введения при Президенте Российской Федерации централизованной компьютерной системы за выплатой заработной платы и пенсий по всем регионам страны на основе последних достижений космонавтики.

Глава 10. Потребности и качество жизни в контексте социального благополучия

10.1. Качество жизни: подходы к изучению и управлению [16]

Исследование и анализ жизнедеятельности человека во всем ее многообразии, обсуждение проблем, схожих по звучанию с проблематикой качества жизни, можно встретить в работах ученых и мыслителей у самых истоков развития социального знания. Причем на разных этапах развития человеческой мысли проблематика качества жизни получала свое специфическое звучание. Проблемы, связанные с определением и содержанием понятия «качество жизни», обсуждались представителями разных наук с древних времен.

Современные исследователи выделяют несколько стадий в разработке проблемы качества жизни в социологии: эмбриональную, квантификационную, концептуальную и разработку международных индикаторов качества жизни. На первом – эмбриональном

этапе (конец 50-х – середина 60-х годов XX века) социологическое понятие «качество жизни» только формируется, акцент с приоритета получения материальных благ смещается к удовлетворению духовных потребностей. Для квалификационного этапа (70-е годы XX века) характерна разработка социальных показателей и индикаторов оценки качества жизни. На третьем этапе происходит концептуализация двух основных направлений – «глобального моделирования» и «субъективного качества жизни». На четвертом этапе разрабатывается концепция устойчивого социально-экономического развития общества, целью которого является достижение высокого качества жизни людей. Современные российские исследователи рассматривают качество жизни как систему и совокупность свойств человека и среды. Так, А.И. Субетто определяет качество жизни как систему духовных, материальных, социокультурных, экологических и демографических качеств. В этой системе выявляется уровень реализации родовых сил человека, творческий смысл его жизни.

Исследователи ВНИИТЭ рассматривают качество жизни через совокупность жизненных ценностей, характеризующих созидательную деятельность, удовлетворение потребностей и развитие человека (групп населения, общества), удовлетворенность людей жизнью, социальными отношениями и окружающей средой.

Выход книги Дж. Форрестера «Мировая динамика», вводится новый показатель уровня устойчивого социального развития – ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала). В концепции жизненных сил социального объекта в рамках социологического витализма качество жизни рассматривается как интегральная, комплексная, специфическая характеристика общества и человека, человека и общества. Качество жизни отражает определенность, целостность социальных отношений, человеческой деятельности и условий жизни. Другими словами, качество жизни социального субъекта – это уровень реализации потребностей, степень комфортности природной и социальной среды.

Таким образом, подводя итог анализа подходов представителей различных научных направлений и школ к проблеме качества жизни, можно сделать следующие выводы:

- доминирование теорий «общественного» всегда сменяется теориями «индивидуального» - развития, адаптации, совершенствования личности;
- очевидная историческая цикличность развития идей качества жизни непреходящая дилемма «индивидуального» и «общественного», сменяющих друг друга на всем протяжении развития социальной мысли, в целом соответствует и цикличности развития общества. Схожие тенденции наблюдаются и в современных концепциях качества жизни.

Таким образом, становится возможным выделение трех групп концептуальных моделей качества жизни, ориентированных на каждый из указанных уровней управления социума: ориентированные на личность, ориентированные на организацию и ориентированные на институты общества.

Кроме того, можно выделить три группы причин, препятствующих проведению серьезного концептуального исследования феномена «качества жизни». Во-первых, будучи по сути предметом междисциплинарного исследования, проблематика качества жизни не нашла завершеного теоретического воплощения ни в одной из общественных наук.

Во-вторых, зачастую пренебрежение интегративной сущностью категории качества жизни, господство фрагментарного, преимущественно описательного подхода к его изучению, практикующего фактически изолированное рассмотрение наиболее важных сфер человеческой активности. Идея целостности жизнедеятельности при таком понимании качества жизни фактически растворяется, поскольку анализу подвергаются лишь его отдельные элементы.

В-третьих, несмотря на высокий объяснительный потенциал многих теорий, результаты проводимых исследований трудно использовать в области выработки социально-политических решений, поскольку практически ни в одной из анализируемых

теорий не показан и не описан эталон, на основании которого можно было бы делать управленческие выводы.

На наш взгляд, реальная ситуация, сложившаяся в социальных науках по поводу осмысления сущности и содержания качества жизни дает возможность выделить в имеющихся научных подходах базовые методологические предпосылки и синтезировать имеющиеся подходы с использованием категорий большей степени общности, а именно жизнь и жизнедеятельность человека (общности) в целом. В этих рамках может быть описан весь теоретический и практический опыт изучения качества жизни. В самом общем виде жизнь – это способ и высшая форма существования живой материи. Сущностью поддержания людьми своего родовидового существования является удовлетворение потребностей и интересов, обеспечивающих личностно-социальную целостность и достижение индивидуальных целей.

Потребности, по общепринятому определению, представляют собой необходимость, нужду или недостаток в чем-либо для поддержания жизнедеятельности организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом и рассматриваются как внутренняя причина его жизнедеятельности.

Исходя из этого, качество жизни человека нами определяется как системообразующее свойство его жизнедеятельности, как результат и как критерий оценки эффективности целенаправленной деятельности органов государственного и муниципального управления, бизнеса, институтов гражданского общества и самого человека, а с другой стороны, как результат воздействия естественной среды по созданию оптимальных условий для удовлетворения базовых потребностей человека и поддержаний его родовидового существования.

Анализ существующих подходов к управлению, его результатам и эффективности, представленных в научной литературе, позволяет сформулировать ряд выводов и суждений.

Во-первых, к настоящему времени сформировалась идеология управления, в соответствии с которой управление является каким-то автономным, самодостаточным явлением, существующим для себя и удовлетворяющим своим функционированием самого себя. В такой парадигме результаты управления остаются как бы за ее пределами.

Во-вторых, имеется огромное количество публикаций, описывающих разные концепции управления, механизмы подготовки и принятия управленческих решений, организационное поведение, менеджмент, консалтинг и т. д., но даже не ставятся вопросы о результатах управления, тем более об их эффективности.

В-третьих, к субъектам управления у нас в большинстве относятся как к обыкновенным предприятиям, учреждениям и организациям, которые непосредственно производят капитал, товары, услуги, информацию, т.е. продукты, имеющие потребительскую ценность. Из такой посылки делаются и адекватные ей выводы: эффективность управления – один из основных показателей совершенства управления, определяемый посредством сопоставления результатов управления и ресурсов, затраченных на его достижение. Эффективность управления можно оценить путем соизмерения полученной прибыли и затрат на управление. Но такая элементарная оценка не всегда оказывается корректной, поскольку результат управления не всегда выражается прибылью и приводит к непосредственному и опосредованному результатам. Непосредственный результат скрывает роль управления в его достижении, прибыль часто выступает как опосредованный результат, который может быть не только экономическим, но и социальным, социально-экономическим, социально-психологическим и т. п.

В-четвертых, в зарубежной литературе результаты управления напрямую увязываются с созданием потребительских благ, реально потребляемых индивидуально или коллективно. Здесь очевиден сугубо «рыночный» подход: «соответствующие блага» без определения их характера, актуальности и полезности. В рыночном обществе, основу

которого составляют отношения «производство — потребление», такой подход целесообразен и конструктивен.

Однако он пригоден не для всех субъектов управления: для предпринимательства — да, а для субъектов комплексного управления (территориального, государственного, муниципального) он должен быть дополнен другими критериями. Поэтому проблема результатов управления и его эффективность представляется очень важной для каждого управленца, управленческой системы, и принципиальной для общества в целом. Только зная, измеряя и оценивая результаты управления, можно по принципу обратной связи находить источники, факторы и ресурсы, как управленческих успехов, так и поражений.

Принципиально важным стоит вопрос комплексной характеристики получаемых результатов управления и оценки их значения для качества жизни общества. Здесь, как представляется, важно учитывать несколько ориентирующих положений:

1. Результаты управления необходимо соотносить не только и не просто с интересами и целями субъектов управления, но и с целевыми, социальными, ценностными, нравственными и иными ожиданиями и потребностями общества, групп людей и отдельных личностей от соответствующих субъектов управления и их управленческих решений.

2. Следует провести сравнительное измерение как самих результатов управления, так и затрат ресурсов, времени и человеческих сил на их достижение с тем, какие результаты управления и при каких затратах получают управленческие системы в различных регионах страны.

3. Целесообразно также при оценке результатов управления непременно проектировать их на будущее. Это предполагает определение устойчивости результата управления; выявление потенциала воспроизводства результата управления; прогнозирование влияния результата управления на изменение качества жизни соответствующих субъектов управления.

4. Выражение и осмысление результатов управления в качестве общественной ценности. Исходя из таких размышлений, можно полагать, что эффект представляет собой сумму двух моментов:

1) разницы между полученными результатами и потраченными ресурсами, имеющей положительное значение и свидетельствующей о пользе, принесенной человеческими усилиями;

2) способности этой разницы удовлетворять реальные жизненные потребности общества и отдельных личностей. Эффективность управления - особое, самостоятельное явление, и оно может содержаться только и исключительно в системе «субъект управления - взаимодействия (воздействия) - управляемые объекты» и, соответственно, измеряться и оцениваться по состоянию и производительности, результатам и качеству функционирования в целом таких управленческих систем, по структуре, объему и актуальности производимых и потребляемых ими материальных, социальных и духовных продуктов.

Описывая типологию эффективности, исследователи выделяют эффективность субъектов управления и эффективность управления. К видам эффективности субъектов управления относят: техническую, организационную и экономическую эффективность. Техническая эффективность субъектов управления усматривается в анализе и оценке всего, что в них происходит, начиная от «входа» — поступления информации и завершая «выходом» — исходящими от них управленческими решениями и действиями.

Посредством организационной эффективности субъектов управления пытаются исследовать их иерархическое построение, уровни, соотношение в них связей субординации и координации, действие формальных и неформальных отношений, реализацию организационного потенциала, управленческую отдачу от организационных мероприятий и т.д. Экономическая эффективность субъектов управления сводится к анализу затрат на содержание этих самых субъектов управления.

Виды эффективности управления обосновываются по-иному: во вкладе управленческой системы («субъекта — воздействия — объектов») в удовлетворение потребностей людей, общества и в решение тех проблем, которое для них актуальны и необходимы. Классификация эффективности управления ориентирована по продуктам функционирования управляемых объектов, определяется целевым и функциональным предназначением управляющих систем, а также положением в общественном устройстве.

Большинство исследователей едины во мнении, что конечным и обобщенным критерием эффективности управления должно стать качество жизни населения территорий и страны в целом. На сегодняшний день одной из наиболее актуальных проблем изучения эффективности управления по критерию качества жизни является вопрос управления качеством жизни как ответ отечественных ученых на социальный запрос общества на модернизацию управления российским государством и регионами.

Представляется возможным говорить о большом потенциале и перспективах исследования качества жизни с различных сторон, привлекая как общенаучные, так и специальные методы исследования данного феномена.

Методологические и методические проблемы изучения, оценки и анализа качества жизни населения регионов, как критерия эффективности управления регионами России, являются сегодня наиболее сложными как в теории науки, так и в практике управления. Это вызвано как сложностью самого рассматриваемого социального феномена, так и целями, задачами, способом и организацией конкретных исследований по изучению и оценке качества жизни, их адекватностью методам изучения качества жизни вообще и населения конкретного региона в частности.

10.2. Потребности в контексте социального благополучия [17]

Подводя итог мы вновь обращаемся к теории благополучия, но в контексте потребностей. Прежде нам необходимо выяснить соотношение понятий удовлетворения социальной потребности и благополучия: благополучие означает наличие «блага» для удовлетворения каждой потребности. Интересно с научной точки зрения было бы разработать реестр потребностей и сопоставить его с наличествующими благами, причем слово «благо» имеет здесь специфическое значение. Это не просто физические предметы или услуги, но и абстрактные, социальные или психологические факторы, такие как любовь, престиж и т. д.

Интересно рассмотреть в этой связи реестр человеческих потребностей Мэррея, который приводит их систематический анализ, классифицирующий потребности индивида в соответствии с четырьмя аспектами:

- первичные и вторичные потребности, в зависимости от того, имеют ли они физиологическое происхождение;
- позитивные и негативные потребности, в зависимости от того, привлекает ли объект индивида;
- явные и латентные потребности, в зависимости от того, обуславливает ли потребность действительное или воображаемое поведение;
- осознанные и неосознанные потребности, в зависимости от того, связаны ли они с интроспективными процессами индивида.

Интересно, что на базе данных категорий Мэррея выводит 37 потребностей, при этом ученый полагает, что все люди обладают одними и теми же потребностями, но признавал, что выражение их будет для разных людей различным в силу различий факторов личных и факторов среды. Непосредственно социальные потребности могут быть спровоцированы как внутренними, так и внешними стимулами и могут быть в определенные периоды сильными или слабыми. Причем, потребности существуют в трех состояниях:

- рефракторном, когда никакой стимул не способствует пробуждению потребности;
- внушаемом, когда потребность пассивна, но может быть возбуждена;

- активном, при котором потребность определяет поведение организма.

Отсюда напрашивается вывод о том, что деятельность в области управления системой социальных потребностей и современного маркетинга может иметь непосредственное влияние на внушаемые потребности. Применительно к нашему исследованию интересна также типология потребностей, предложенная Маслоу (Маслоу, 1999). Согласно мнению этого ученого, который некоторым образом похож на предыдущий метод, группируя фундаментальные потребности, можно свести их к ряду категорий, однако его анализ не сводится просто к классификации, он постулирует существование иерархии потребностей, зависящей от фазы развития индивида:

- Физиологические потребности фундаментальны; будучи удовлетворенными, они перестают быть детерминирующими факторами мотивации и более на поведение не влияют.

- Потребности в безопасности: физическая безопасность, сохранность структуры организма, психологическая безопасность, консервация психической структуры личности.

- Потребность в формировании личности, чтобы чувствовать ответственность за собственную судьбу.

- Социальные потребности: желание объединяться в группу, взаимодействовать с себе подобными, ощущают потребность любить и быть любимыми. Взаимопомощь, сопричастность, чувство общности также социальные потребности.

- Потребности в уважении: самоуважение, личное достоинство, уверенность в себе и собственная компетентность, ощущение, что цели значимы, также то, как нас оценивают другие.

- Потребность в признании, в наличии социального статуса.

- Потребности в самоактуализации.

- Последние потребности находятся наверху лестницы человеческих потребностей, включают самореализацию и развитие; потребность преодолеть самих себя; использовать все свои возможности и раздвинуть заданные рамки; придать значение вещам и обнаружить их смысл существования.

Интересно, что рассматривая теорию иерархии потребностей по А. Маслоу, возникает неизбежный вопрос о мотивации, который, возможно, является наиболее важным во всей персонологии и теории социальных потребностей. Маслоу полагал, что люди мотивированы для поиска личных целей, и это делает их жизнь значительной и осмысленной, действительно, мотивационные процессы являются сердцевинной гуманистической теории личности. Маслоу описал человека как «желающее существо», который редко достигает состояния полного, завершеного удовлетворения, полное отсутствие желаний и потребностей, когда (и если) оно существует, в лучшем случае недолговечно. Если одна потребность удовлетворена, другая всплывает на поверхность и направляет внимание и усилия человека, в том случае, когда человек удовлетворяет и ее, еще одна шумно требует удовлетворения: социальная и культурная жизнь человека характеризуется тем, что люди почти всегда чего-то желают, в той или иной степени удовлетворяя свои потребности.

Подчеркнем, что Маслоу предположил, что все потребности человека врожденные, или инстинктоидные, и что они организованы в иерархическую систему приоритета или доминирования. Физиологические потребности являются необходимыми для выживания, они включают в себя потребности в еде, воде, убежище, отдыхе и сексуальные потребности. Потребности в безопасности и уверенности в будущем включают потребности в защите от физических и моральных опасностей со стороны окружающей среды и уверенность в том, что физиологические потребности будут удовлетворены в будущем.

При этом важно отметить, что социальные потребности, иногда называемые потребностями в причастности, включающие в себя чувство принадлежности к кому-

либо или чему-либо, чувство, что тебя принимают другие, чувство социального взаимодействия, привязанности и поддержки. Потребности в уважении включают в себя потребности в самоуважении, личных достижениях, компетентности, уважении со стороны окружающих, признании, а потребности самовыражения — потребность в реализации своих потенциальных возможностей и росте как личности. Маслоу сформулировал три допущения относительно человеческой природы, которые составляют основу его теории:

- люди — нуждающиеся существа, потребности которых никогда не могут быть удовлетворены;
- состояние частичного или полного неудовлетворения потребностей побуждает человека к действию (согласно Маслоу, «лучший способ побудить кого-нибудь к поиску любви — отказать ему в ней»);
- существует иерархия потребностей, в которой основные потребности низкого уровня находятся на нижних ступенях, а потребности более высокого уровня — на самом верху.

Интересно, что в качестве фундамента иерархии потребностей располагаются физиологические потребности в пище, воде, одежде, жилье, сексе, это потребности выживания. По мере того, как физиологические потребности удовлетворяются, появляются потребности в безопасности и социальные потребности, люди нуждаются в защите от опасностей и неопределенностей в будущем. В промышленно развитых странах пища уже может не быть проблемой для большинства населения, но оно ощущает настоятельную потребность в защите от неспособности зарабатывать в старости, серьезных болезней и прочих опасностей в неопределенном будущем.

Безусловно, не все потребности соотносятся с безопасностью и выживанием отдельной личности, люди нуждаются также в общении, признании со стороны других и ощущении причастности, например, к коллективу. Поэтому третий уровень иерархии Маслоу носит также название потребности в причастности, которые, по нашему мнению, тоже могут быть отнесены к социальным потребностям. Далее следует потребность в уважении, ибо каждый из нас стремится к нему: человеку необходимо верить, что его поступки и потребности, а также их удовлетворение имеют смысл, что он честен, благороден, его принимают как друга, как уважаемого коллегу. В том случае, когда человек уверен в таком приеме со стороны других, наша потребность в уважении удовлетворена.

Важно также отметить в данной связи, что на самой вершине иерархии находится потребность в самореализации — более полном выявлении талантов и мастерства, которые человек в себе несет. Однако, в то время как остальные потребности часто удовлетворяются, немногие обычные личности самореализуются, при этом самореализация — это поиск, цель, а не какое-либо определенное свершение, это состояние, когда всегда есть работа, которую надо сделать, отношения, которые надо улучшить, возможности, которые надо использовать. Маслоу разделил также потребности в своей иерархии на две большие категории:

- Дефицитные потребности охватывают потребности на низших уровнях.
- Потребности роста суть потребности в уважении и самореализации.

Подчеркнем, что дефицитные потребности удовлетворяются за счет факторов, так или иначе внешних по отношению к личности, а к ним относятся, например, пища, здоровая окружающая среда, друзья и любимые люди, тогда как потребности роста присуща личности, ее внутренним характеристикам. В основе данной схемы лежит допущение, что доминирующие потребности, расположенные внизу, должны быть более или менее удовлетворены до того, как человек может осознать наличие и быть мотивированным потребностями, расположенными вверху, следовательно, потребности одного типа должны быть удовлетворены полностью прежде, чем другая, расположенная выше, потребность проявится и станет действующей. Удовлетворение потребностей,

расположенных внизу иерархии, делает возможным осознание потребностей, расположенных выше в иерархии, и их участие в мотивации.

Таким образом, мы приходим к выводу, согласно которому физиологические потребности должны быть в достаточной степени удовлетворены прежде, чем возникнут потребности безопасности; физиологические потребности и потребности безопасности и защиты должны быть удовлетворены до некоторой степени прежде, чем возникнут и будут требовать удовлетворения потребности принадлежности и любви. По Маслоу, это последовательное расположение основных нужд в иерархии является главным принципом, лежащим в основе организации мотивации человека. Ученый исходил из того, что иерархия потребностей распространяется на всех людей и что чем выше человек может подняться в этой иерархии, тем большую индивидуальность, человеческие качества и психическое здоровье он продемонстрирует.

Важно отметить, что ученый допускал исключения из этого иерархического расположения мотивов, признавая, что какие-то творческие люди могут развивать и выражать свой талант, несмотря на серьезные трудности и социальные проблемы. По его мнению, также есть люди, чьи ценности и идеалы настолько сильны, что они готовы скорее переносить голод и жажду или даже умереть, чем отказаться от них. Наконец, Маслоу предполагал, что некоторые люди могут создавать собственную иерархию социальных и культурных потребностей благодаря особенностям своей биографии: например, люди могут отдавать больший приоритет потребностям уважения, а не потребностям любви и принадлежности, их больше интересует престиж и продвижение по службе, а не интимные отношения или семья. Однако, в целом, однако, чем ниже расположена потребность в иерархии, тем она сильнее и приоритетнее.

Отметим, что ключевым моментом в концепции иерархии потребностей Маслоу является то, что потребности никогда не бывают удовлетворены по принципу «все или ничего», потребности частично совпадают, и человек одновременно может быть мотивирован на двух и более уровнях потребностей. Маслоу сделал предположение, что средний человек удовлетворяет потребности в следующей степени:

- 85 % — физиологические,
- 70 % — безопасность и защита,
- 51 % — любовь и принадлежность,
- 40 % — самоуважение,
- 12 % — самоактуализация.

Отметим, что те или иные социальные потребности, появляющиеся в иерархии, возникают постепенно, люди не просто удовлетворяют одну потребность за другой, но одновременно частично удовлетворяют и частично не удовлетворяют их. Следует также отметить, что, по мнению ученого, неважно, насколько высоко продвинулся человек в иерархии потребностей: если потребности более низкого уровня перестанут удовлетворяться, человек вернется на данный уровень и останется там, пока эти потребности не будут в достаточной мере удовлетворены.

Мы согласны с тем, что использование теории Маслоу в управлении системой социальных потребностей актуально для нашего времени, для того чтобы мотивировать конкретного человека, руководитель должен дать ему возможность удовлетворить его важнейшие потребности посредством такого образа действий, который способствует достижению целей всей организации. Российским культурологам, экономистам и менеджерам необходимо знать, что в большинстве случаев в связи с низким уровнем жизни в стране, с одной стороны, и с высоким уровнем образования, с другой стороны, им необходимо мотивировать подчиненных, используя все уровни потребности в комплексе. С помощью только экономических стимулов удовлетворяются потребности низших уровней.

Отметим, что ученым были также разработаны рекомендации по удовлетворению потребностей, так, например, для удовлетворения социальных потребностей необходимо:

- Создание в коллективах единой команды.
- Построение работы так, чтобы сотрудники могли общаться.
- Проведение периодических совещаний.
- Сохранение неформальных групп, если они не наносят организации ущерба.
- Создание условия для социальной активности работников вне ее рамок

Для удовлетворения потребности в самоуважении следовало:

- Предлагать подчиненным содержательную работу.
- Обеспечивать положительную обратную связь с результатами.
- Высоко оценивать и поощрять достигнутые подчиненными результаты.
- Привлекать подчиненных к формулировке целей и выработке решений.
- Делегировать подчиненным дополнительные полномочия.
- Продвигать подчиненных по служебной лестнице.
- Обеспечивать обучение и переподготовку.

Интересно, что в целях удовлетворения потребности в самовыражении, по мнению ученого, нужно обеспечивать подчиненным возможности для обучения и развития. По Маслоу, у потребностей существует ранжирование по приоритету: мы начинаем с попыток удовлетворить доминирующие потребности, прежде чем переходим к следующей категории, удовлетворение потребностей низшего порядка позволяет более высоким потребностям служить мотиватором нашего поведения и влиять на него. Существует прогрессивное ослабление интенсивности потребностей, уже удовлетворенных, и повышение интенсивности потребностей высшего порядка, еще не удовлетворенных. Наблюдается также эволюция структуры потребностей в зависимости от развития индивида по мере его перехода от общей цели выживания или обеспечения жизненного минимума к целям более высокого порядка, касающимся стиля или качества жизни.

Научный интерес вызывает исследование Маслоу именно социальных потребностей, так как он выдвигает на передний план не только многомерную структуру потребностей, но и тот факт, что потребности характеризуются разной степенью интенсивности для различных индивидов. В действительности эти категории потребностей постоянно сосуществуют, причем та или иная категория приобретает большую важность в зависимости от особенностей индивида или в соответствии с обстоятельствами, в которых данный индивид находится. Таким образом, товары, разрабатываемые для удовлетворения социальных потребностей, необходимо соответствующим образом планировать: благо или товар может исполнять более чем одну роль или функцию, помимо основной. Люди используют товары не только из практических соображений, но и для связи, с их помощью, с окружающей средой, чтобы показать, кто они есть, продемонстрировать свои чувства и т. д.

Отметим, что развитие современной культуры и научно-технического прогресса ведет к созданию более совершенных предметов, удовлетворяющих ту же потребность, в результате потребность в конкретном изделии переходит в стадию угасания, начинает сокращаться. Одновременно возникает потребность в усовершенствованном изделии, которое так же, как и прежнее, попеременно проходит рассмотренные стадии. Данный закон является движущей силой экономического роста, в силу того, что человеку требуется всегда больше, чем он достиг. В литературе встречается также классификация личных социальных потребностей, в зависимости от характера, природы возникновения выделяют три основные группы: физические, социально-психологические и интеллектуальные.

Однако, на наш взгляд такая классификация не правомерна, мы признаем, что любая потребность, в том числе, и в пище, одежде, жилье, в двигательной активности, снe обусловлена так или иначе социумом и культурой, поэтому в этом смысле, все потребности могут быть названы социальными. И безусловно, характер производства, социальный строй, уровень развития культуры и конкретный условия, в которых

находятся люди, накладывают на них отпечаток: степень их развития, формы проявления, способы удовлетворения всех потребностей видоизменяются и совершенствуются по мере развития производительных сил и производственных отношений. Так, например потребность в жилище из простейшей нужды в крыше над головой превратилась в высокоразвитую потребность в благоустроенном жилье и стала частью статусной потребности и предметом имиджа.

Иными словами, можно сказать, что в широком смысле социальные потребности — это все человеческие потребности, поскольку они возникают в связи с функционированием человека в обществе и культуре. Однако в узком смысле к непосредственно социальным могут быть отнесены следующие: потребность в общественной деятельности, потребность в самовыражении, потребность в общении с людьми, потребность в обеспечении социальных прав, потребность в творчестве.

Традиционно известно, что социальные потребности рождаются в процессе деятельности человека как общественного субъекта, в отличие от физических они не задаются природой, не закладываются генетически, а приобретаются в ходе становления человека как личности, его развития как члена общества. К социальным иногда относят интеллектуальные и духовные потребности, которые рождаются разумом человека и связаны с его интеллектуальной и духовной деятельностью. К интеллектуальным могут быть отнесены потребности в познании окружающего мира, образовании, повышении квалификации, различных видах творческой деятельности, в том числе и творческой самодеятельности. Как и социальные, в узком смысле этого слова, интеллектуальные являются потребностями, созданными обществом, развиваются вместе с развитием человека, повышением его интеллектуального уровня, приобретаются в процессе становления человека как личности. Безусловно, решающую роль в этом играет культурная и общественная среда, в которой находится и воспитывается человек.

Вместо заключения. Кризис не должен менять социальные приоритеты [18]

Наиболее существенными радикальными последствиями происходящих в России социально-экономических преобразований является чудовищная поляризация благосостояния и дезинтеграция общества, возникших внезапно, можно сказать, как феникс из пепла, на фоне эгалитарных тенденций динамики советского государства, а также соответственного формирования менталитета граждан страны.

В результате социального разлома фактически возникло две России с ярко выраженными специфическими особенностями. Они не только не понимают друг друга, но исповедуют противостоящие предпочтения, имеют разные приоритеты при определении своего поведения. Одна, меньшая часть населения, ориентирована на всемирное расширение потребительского поведения («общество потребления»), а другая — основная доля граждан страны — лишь сводит «концы с концами», представляя бедные и малообеспеченные группы. Два слоя функционируют в едином государстве, но как бы в параллельных мирах, как правило, не пересекаясь друг с другом.

Один из российских олигархов, не смущаясь своего примитивизма, как-то сказал: «Если ты здоров и вдруг беден, то это стыдно сегодня. Богатые нравственнее бедных». Не удивительно, что подобные формулы имеют широкое хождение и внушаются с раннего детства.

Состояние глубокого и всестороннего неравенства возникло почти «в одночасье»: В 1990 г. децильный коэффициент дифференциации денежных доходов населения (отношение девятого-дециля к первому), составлял 3 раза, а через 5 лет — уже 7,4.

Подобный сдвиг означает разрушение основ социальных отношений. Экономической базой этих процессов стало перераспределение общенародного имущества и ресурсов страны в пользу узкого круга лиц путем следующего набора мер:

- шоковая терапия 1992 г.;
- «ваучеризация» по-Чубайсу;

- валютно-денежные операции 1994 г.;
- дефолт 1998 г.;
- залоговые аукционы.

Начиная с 90-х годов прошлого века, происходит интенсивная динамика различия доходов населения, о чем свидетельствуют соответствующие показатели.

Коэффициент фондов денежных доходов населения РФ в 1991 г. составлял 4,5; в 1995 г. — 13,5; в 2000 г. — 13,9; в 2007 и 2008 гг. — 16,8; в 2010 г. — 16,6 раза. Таким образом, за первое десятилетие этот показатель увеличился в 3 раза, а за второе — в 1,2 раза. В 2013 г. он снизился лишь до 16,3 раза.

Приведенная череда цифр не так безобидна, как это может показаться на первый взгляд. Исследования денежных доходов свидетельствуют о том, что узловые проблемы социально-экономического развития страны в своей основе имеют процессы социального неравенства. В связи с этим следует отметить четыре главных проблемы, определяющих сегодня уровень, образ и качество жизни населения:

- бедность как следствие низкого уровня оплаты труда и пенсионного обеспечения;
- отсталые жилищные технологии, характерные для основной части жилого фонда;
- низкий уровень состояния здоровья и продолжительности предстоящей жизни;
- снижение социального самочувствия населения. Сложившиеся в России различия в благосостоянии латино-американского типа требуют особого отношения к индикаторам жизненного уровня. Средние значения не только не дают правильных представлений о реальности, но часто затушевывают и таким образом представляют развитие общества. В самом деле, если у 10% наиболее и наименее оплачиваемых работников различия зарплат составляют 17-20 раз, то какое значение имеет величина среднего показателя, о чем он свидетельствует и можно ли его использовать при анализе и оценке оплаты труда?

Россия — наибольшая в мире государственная территория, где жизнь людей отличается значительным разнообразием географических, экономических, социальных и демографических особенностей. Средние макропоказатели не могут дать правильных представлений об уровне жизни.

Рассмотрим наиболее значимые проблемы.

Основная проблема — это бедность, существенным образом связанная сегодня с ростом потребительских цен. Известно, что численность населения, оказавшаяся в группе обедневших, органически связана с величиной прожиточного минимума (ИМ), который реально определяется по регионам страны и сводится к страновой оценке, выступая, как ни странно, главным показателем жизненного уровня людей. Не средняя величина доходов или ВВП в расчете на душу, не средний заработок работника отражают динамику благосостояния, а, прежде всего, величина прожиточного минимума (ПМ). Не случайно, что его состав (состав минимальной продуктовой корзины, а с 2013 г. и доля расходов на непродовольственные товары и услуги) закрепляется законодательно, — это государственная гарантия жизненного уровня каждого гражданина страны, которая реализуется через широкую систему распределительных институтов и механизмов

Последние данные государственной статистики показывают, что в России более 10% бедных, т.е. той группы населения, доходы которой ниже ПМ. Поскольку его величина и масштабы бедности находятся в жесткой зависимости, складывается впечатление, что занижение ПМ позволяет легко решать проблему бедности, и наоборот.

Сегодня, когда происходит рост цен и наблюдается активная динамика инфляции, прожиточный минимум увеличивается, а вместе с тем возрастает и удельный вес обездоленных. Уже в начале 2015 г. доля малообеспеченных может выйти далеко за границы 10% от общей численности населения.

Значение ПМ определяется не только тем, что от него зависит минимальная оплата труда, закрепляясь законодательно, но также тем, что он контролирует социальные

расходы в государственном бюджете, так как их величина опосредуется уровнем заработной платы.

Исследования показывают, что есть, по крайней мере, четыре группы факторов, от которых зависит уровень доходов, если определять их по соответствующей доле домохозяйств. Среди этих групп необходимо отметить следующие:

- экономическую, куда входят работники с низкими заработками и безработные, — их около 45%;
- социальную, где, прежде всего, находятся пенсионеры, включая инвалидов, — их около 20%;
- демографическую, включающую, прежде всего, неполные и многодетные семьи, — их около 30%;
- образовательную — молодежные семьи, доля которых около 10%. Особенность прожиточного минимума состоит в том, что он не включает в полной мере даже текущие расходы семьи на жилище, транспорт и т.д. Между тем, условия проживания чрезвычайно дифференцированы, и в значительной степени это определяет его качество и соответствующие затраты. Статистика показывает, что 3% жилого фонда имеет ветхий и аварийный характер. По данным Росстата, на конец 2013 г. оборудовано водопроводом 80% жилого фонда, водоотведением (канализацией) — 85%, горячим водоснабжением — 66%, ванной (душем) — 68%, отоплением — 84%, газом — 68%, напольными электроплитами — 21%. Одновременно всеми этими видами благоустройства оборудовано 64% жилищного фонда в стране, в том числе в городах — 78%, в сельской местности — 26%.

Бедность и низкое качество жилищных условий, как правило, характерно для групп семей с плохим здоровьем, формируя остроту еще одной социально-экономической проблемы. При этом очень важно различать состояние здоровья и состояние здравоохранения: одно из них отражает имеющееся у населения здоровье, а другое — гарантирует лечение, борьбу с болезнями.

О чем говорит существующая статистика?

Во-первых, рождаются больными или заболевают сразу после рождения около 35%. Их состояние относительно здоровья не реабилитируется в процессе жизненного цикла окончательно и бесповоротно, поэтому доля здоровых детей составляет 32%, имеют функциональные отклонения — 52%, отличаются хроническими заболеваниями — 16%.

Во-вторых, исследования показывают, что существует устойчивая корреляционная связь между (С. 6) здоровьем беременных и состоянием новорожденных. Это означает, что государство должно обеспечивать жизненный уровень, по крайней мере, в части питания женщин, принявших решение родить ребенка («накормить беременных и кормящих»).

В-третьих, продолжительность предстоящей жизни у женщин в среднем по стране на 11-12 лет больше, чем у мужчин. Поэтому идет активная дискуссия относительно возраста выхода на пенсию для женщин и мужчин. При решении этой проблемы следует иметь в виду, что различают показатели здоровья тактические и стратегические. Стратегические — это показатели предстоящей жизни, а тактические определяют текущую заболеваемость женщины и мужчины, которая у женщины существенно выше. Женщины живут дольше, но с меньшим потенциалом текущего здоровья. Повышение для них возраста выхода на пенсию лишь увеличит заболеваемость и инвалидность, а экономии пенсионного фонда, в зависимости от состояния женщин, — не будет. Первичная задача программы здоровья — это сохранить его на возможно более длительный срок, начиная от момента рождения, что позволит сделать эффективным использование ресурсов.

Здоровье каждого следующего поколения в среднем ниже предыдущего, т.е. здоровье детей хуже здоровья родителей, а здоровье внуков еще ниже. Дети, рожденные больными, вступают в репродуктивный возраст и рожают больных.

С каждым годом репродуктивное здоровье снижается, а общество все глубже втягивается в некую «социальную воронку» нездоровья.

Чтобы выбраться из нее, необходима жизнь ни одного поколения. Если не остановить этот негативный процесс, он может оказаться необратимым.

Исходный потенциал здоровья детерминирован генетическими особенностями и проявляется в определенном запасе защитных сил организма, степени его сопротивляемости патологиям, что можно рассматривать как потенциал здоровья.

Структура социально-экономических факторов, определяющих здоровье, имеет три агрегата.

Первый агрегат — уязвимость новых поколений, так как около 35% рождаются больными. Здоровье детей и молодежи жестко связано с уровнем материальной обеспеченности их семей. Заболевания анемией, характерные для беременных и кормящих женщин, — это основной маркер жизненного уровня.

Второй агрегат — это потеря эффективной трудовой мотивации, приводящей к стрессу и слому динамического стереотипа высшей нервной деятельности, что ведет к снижению иммунитета и сопротивляемости организма, патологическим воздействиям, вызывая инфаркты, инсульты, онкологию и гепатиты.

Третий агрегат вызван низкой оценкой человеческой жизни (теория «экономически активного населения»); к этой группе факторов относится отсутствие развитой культуры самосохранения.

Статистическими, математическими и социальными методами исследования неоднократно доказано, что корни указанных и прочих проблем, в конечном счете, определяются социальным неравенством. Статистика показывает, что различия в доходах 10% «нижних» и «верхних» слоев населения составляет более 16-ти раз. Таким образом, формируется проблема, решение которой лежит в сфере распределительных механизмов:

- а) системы оплаты труда;
- б) налогов;
- в) социального страхования.

Это означает радикальную зависимость от внешних структур, о чем свидетельствует и ситуация в развитых странах, где неравенство в доходах не превышает 7 раз.

Путь и методы радикального решения социальных проблем в современных условиях известны.

Разработаны и экспериментально проверены механизмы перераспределения, которые давно применяются в европейских странах и касаются системы оплаты труда, налогов, расширения комплекса государственного страхования. И чем дольше мы будем откладывать применение этих мер социальной политики для решения острейших задач, тем большим количеством жизней граждан страны заплатим за это.

Нужны политическая воля и признание, не на словах, а на деле, приоритета жизни и здоровья человека.

Литература

1. Григорьева И.А., Келасьев В.Н., Первова И.Л. Социальное благополучие как цель социальной работы // Отечественный журнал социальной работы. -2013. - № 4. С.32-52.
2. Лига, М. Б. Качество жизни как основа социальной безопасности / под ред. проф. М. В. Константинова. - М. : Гардарики, 2006. - 223 с.
3. Берендеева А.Б. Предмет исследования благополучия населения // СОЦИС. 2006. № 5. С.127-133.
4. Росстат: В сравнении с развивающимися государствами Россия смотрится бледно // Электронный ресурс. <http://maxpark.com/user/8507/content/1853671> (дата обращения 01.03.2013).
5. Комсомольская правда. 2013. 2 марта // Электронный ресурс. <http://www.kp.ru/daily/26039/2954503/> (дата обращения 27.03.2013).

6. Тихонова Н.Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // ОНС. 2015. № 3. С. 19-32.
7. Николаева А.А. Статистическое исследование организации жизненного пространства населения региона // Электронный ресурс. http://sisupr.mrsu.ru/2009-1/pdf/5_Nikolaeva.pdf (дата обращения 30.01.2013)
8. Москвич А.С. Государственная социальная политика сохранения социального здоровья молодежи: региональное измерение // Электронный ресурс. <http://www.pandia.ru/text/77/327/66416.php> (дата обращения 3.02.2013)
9. Попов Е.А. Региональная специфика совершенствования человеческого потенциала и социального благополучия населения // Проблема общества и политика. 2012. № 2. Электронный журнал. http://e-notabene.ru/pr/article_234.html (дата обращения 18 января 2013).
10. Киреева Н.Н. Междисциплинарное исследование социального здоровья // Ученые записки. СПб гос. ин-та псих. и соц. работы. 2010. № 2(14). <http://sociohom.ru/baza-znani/polnotekstovye-versii-zhurnalov/uchenye-zapiski-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-instituta-psikhologii-i-socialnoi-raboty/vypusk-no2-14-2010/mezhdisciplinarnoe-issledovanie-socialnogo-zdorovja-cheloveka/> (дата обращения 25.01.2013).
11. Соколов А.Б. Социальная политика и социальное здоровье в трансформационных процессах современного общества // Электронный ресурс: <http://justicemaker.ru/viewarticle.php?id=26&art=1598> (дата обращения 23.12. 2012)
12. Шевяков А. Влияние социальной политики на положение отдельных групп населения // Экономист. 2008. № 9. С.54-64.
13. Тараданов А.А. Семейное благополучие в современной России : Генезис и практика. Автореф. дисс. ... д-ра Екатеринбург, 2004 // Электронный ресурс: научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/semeynoe-blagopoluchie-v-sovremennoi-rossii-genezis-i-praktika#ixzz2N8of7dZr> (дата обращения 2.11.2012)
14. Носкова А.В. Социальные факторы межличностного благополучия в семье // Демографические исследования. 2010. № 2 // Электронный ресурс: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1572#p1 (дата обращения 11.12. 2012).
15. Нам Дэ Хи. Социальное благополучие пенсионеров как фактор устойчивости общественной системы: Автореф. дисс. ... канд. социолог. наук. – СПб., 1996 // Электронный ресурс: Научная библиотека диссертаций и авторефератов disser Cat <http://www.dissercat.com/content/sotsialnoe-blagopoluchie-pensionerov-kak-faktor-ustoichivosti-obshchestvennoi-sistemy#ixzz2N8sVDZFf>
16. Якунин А.С. Качество жизни и эффективность управления: подходы к изучению и анализу // Электронный ресурс: <http://naukovedenie.ru/sbornik6/13.pdf> (дата обращения 11.01.2013)/
17. Ястребова А.П. Потребности в контексте теории социального благополучия // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. // Электронный ресурс: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/2/iastrebova> (дата обращения 15.10. 2012).
18. Римашевская И.М. Социальные приоритеты в условиях кризиса не меняются // Народонаселение. 2015. № 2. С. 4-8.

